

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**НОВЫЕ ФАКТОРЫ
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ:
ОБОСТРЕНИЕ
ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ**

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2013

УДК 316.4
ББК 60.54
Новые 766

Серия “Библиотека Института мировой экономики международных отношений”
основана в 2009 году

Ответственные редакторы:
д.э.н. Е.Ш. Гонтмахер, д.и.н. Н.В. Загладин, д.п.н. И.С. Семененко

Технический редактор – В.И. Катагарова

**Работа выполнена в Центре сравнительных социально-экономических и
социально-политических исследований ИМЭМО РАН**

Новые 766

Новые факторы глобального и регионального развития: обострение
этносоциокультурных противоречий / Под ред. Е.Ш. Гонтмахера,
Н.В. Загладина, И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 119 с.

ISBN 978-5-9535-0367-9

Монография написана коллективом сотрудников ИМЭМО РАН на базе материалов конференции, состоявшейся в ИМЭМО РАН 26 февраля 2013 г., и посвящена анализу природы конфликтности в современном мире в контексте кризисного развития 2008-2013 гг. Особое внимание уделяется социально-политическим проблемам в ведущих странах мира, вызванным интенсификацией миграционных процессов и углубленным кризисом, и оценке его последствий.

Global crisis and its aftereffects: increase of ethnic-social-cultural contradictions.
Eds. E.Gontmacher, N.Zagladin, I.Semenenko.

The volume comprises the results of research presented and discussed at a conference held at the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences on February 26, 2013. It is dedicated to the nature of conflicts in the contemporary world in context of crisis development years 2008-2013. Special attention is paid to the social and political problems arising from the intensification of migration flows in the leading countries of the world accentuated by the crisis, and to the evaluation of their current aftereffects.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0367-9

© ИМЭМО РАН, 2013
© Коллектив авторов

Оглавление

Введение	5
<u>Глава I. Конфликты и противоречия современного мира</u>	6
1.1. О кризисах и противоречиях современного развития.....	6
1.2. Глобальный кризис и перспективы развития этносоциокультурных конфликтов в современном мире.....	10
1.3. Проблемы концептуализации политической конфликтности в XXI веке.....	15
1.4. Некоторые внешние факторы дестабилизации, этносоциальных конфликтов и экстремизма.....	21
<u>Глава II. Этносоциокультурный конфликт и российские реалии</u>	36
2.1. Современный российский национализм: особый случай или встраивание в мировой тренд?.....	36
2.2. Тенденция к углублению кризисных явлений в политической жизни России.....	38
2.3. Этнический национализм или баланс межэтнических интересов: роль языка и его преподавания в сохранении межэтнического согласия в Республике Татарстан.....	46
<u>Глава III. Миграционные процессы и этносоциокультурный конфликт</u>	53
3.1. Типы этнических конфликтов, порожденных иммиграцией.....	53
3.2. Регулирование иммиграции принимающими странами в условиях структурного кризиса: эффективный ответ или имитация?.....	59
3.3. Этнокультурный конфликт в Европе: специфика, динамика и некоторые его политические последствия.....	64
3.4. Европейский мультикультурализм: метаморфозы восприятия	70
3.5. Инокультурная миграция и управление культурным многообразием в западном обществе	78
<u>Глава IV. Страновая специфика проявления этносоциокультурных проблем и конфликтов</u>	87
4.1. Глобальный кризис и проблемы политической конфликтности в сегодняшней Испании.....	87
4.2. Этносоциальные проблемы во французском обществе.....	92
4.3. Глобальный кризис и его последствия: арабские революции и обострение этносоциокультурных и этноплеменных противоречий.....	98
4.4. Кастовые партии и кризис этносоциокультурной солидарности индийского общества.....	101
4.5. Социокультурные размежевания казахстанского общества в контексте становления и развития казахстанской государственности.....	106

<u>V. Социально-трудовые отношения и этносоциокультурный конфликт</u>	110
5.1. Кризис социального государства.....	110
5.2. Профессиональная занятость как ресурс социальной стабильности.....	111
5.3. Перспективы расширения возможностей общественного контроля над качеством государственного управления социальной сферой России.....	115
Заключение	118

Введение¹

В Институте мировой экономики и международных отношений РАН 26 февраля 2013 г., состоялась научно-практическая конференция **«Глобальный кризис и его последствия: обострение этносоциокультурных противоречий»**.

Целью конференции было обсуждение влияния глобального кризиса 2008-2009 гг. на состояние внутристрановых противоречий в современном мире.

Основным итогом наиболее близкого по масштабам Великого кризиса 1929-1932 гг. стало не только обострение внутренних проблем охваченных им стран (они, так или иначе, нашли свое решение), но и рост трений в межгосударственных отношениях, приведших ко второй мировой войне.

Глобальный кризис 2008-2009 гг., последствия которого до сих пор не преодолены во многих регионах мира, привел к обострению внутренних противоречий во многих странах, причем линии «размежеваний» в большинстве из них все больше приобретают характер межконфессионального, этнического, межобщинно-кланового, религиозного и т.д. противостояния. Внешние вмешательства в подобные конфликты, способны приводить и к межгосударственным столкновениям, но они обычно носят вторичный характер.

Подобное различие во влиянии кризисов глобального характера на ход мирового развития объясняется следующими причинами.

Во-первых, в современных условиях уровень экономической взаимозависимости, обусловленной углублением международного разделения труда ведущих стран мира намного выше, чем это было в первой трети XX века. Выход из кризиса за счет «экономического национализма», развязывания «торговых войн» против конкурентов чреват серьезными негативными последствиями. Напротив, требуется согласование экономических стратегий, при этом учитывающих, что контролирующие ключевые звенья мировой экономики, ставшие наднациональными корпорации и банки – ТНК и ТНБ – имеют собственные интересы, порой отличные от стремлений стран их происхождения.

Во-вторых, в отличие от ситуации 1930-х гг. современное международное сообщество выстроило крайне сложную систему структур международной безопасности (ООН и ее структуры, ОБСЕ, региональные организации, двусторонние и многосторонние соглашения), которые часто критикуются за медлительность в принятии решений, низкую эффективность. Тем не менее, они, в целом, пользуются значительным авторитетом и способны ограничивать эскалацию возникающих локальных межгосударственных конфликтов.

Наименее эффективными данные структуры оказываются в ситуации обострения внутригосударственных, этносоциокультурных конфликтов.

При массе линий размежевания в современных как западных, так и в незападных обществах, наиболее конфликтными и, соответственно, наиболее опасными становятся те, где социальное недовольство дополняется этнической и религиозной рознью, а также региональной спецификой (в многонациональных государствах). Подобные, нередко латентные, а затем кумулятивно и порой непредсказуемо взрывающиеся ситуации видимо и следует называть этносоциокультурным конфликтом.

Проблемы глобального кризиса под углом зрения состояния мировых рынков и финансов обсуждаются настолько часто, что это уже стало банальностью. Но не исключено, что все это является вторичными причинами кризиса, в то время как к первичным, фундаментальным его истокам следует относить начинающийся пересмотр ценностей и параметров идентичности в рамках пока еще доминирующей в

¹ Авторы – д.э.н., зам директора ИМЭМО РАН Е.Ш. Гонтмахер, д.и.н., рук. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН Н.В. Загладин

мире европейско-американской цивилизации. Цели экономического роста ради повышения благосостояния уходят на второй план. На первый план выходят показатели качества жизни, безопасности, в том числе связанной с угрозами, порождаемыми ростом неконтролируемой миграции из государств «Юга».

Глобальный кризис носит, в первую очередь, этносоциокультурный характер, его социальные аспекты рассматриваются многими экспертами, но они не вносятся в повестку дня политиков, в том числе на уровне G-20 и G-8. Были предложения экспертного сообщества внести вопросы о согласовании миграционной политики на рассмотрение G-8, однако оказалось, что ни мировая, ни российская политическая элита к этому не готовы.

Между тем этносоциокультурные проблемы все более обостряются и могут вызвать совершенно неожиданные резонансы как в глобальном масштабе, так и во внутриполитической повестке дня России. В Российской Федерации, вроде бы, ситуация относительно стабильна, но в сфере внутренней жизни общества накапливается все большее напряжение, на что ни элита, ни властные структуры не обращают внимания. Все это создает дополнительные риски развития.

Глава I. Конфликты и противоречия современного мира

1.1. О кризисах и противоречиях современного развития²

Глобальный кризис и его уже проявленные и еще остающиеся латентными последствия – вот сегодняшняя «злоба дня» социального исследователя. Более того, порожденные и порождаемые кризисом социальные конфликты и противостояния, инициированные в рамках «борьбы» с ним социальные изменения и политические инициативы, а также робкие пока еще попытки институциональных трансформаций в финансово-экономической сфере, – вся эта совокупность проблем выдвигается сегодня на роль формирующих повестку дня современного развития.

Вместе с тем, дискуссии о том, преодолены ли последствия мирового кризиса 2008-2009 гг. и ждать ли его «второй волны», пройдена ли полоса рецессии и есть ли признаки подъема, – бессодержательны, если они оставляют в стороне главную интригу кризисного периода: способствуют ли потрясения кризиса формированию предпосылок обновления глобальной социально-политической и экономической системы. Иными словами, еще несколько лет тому назад речь шла лишь о том, способно ли научное сообщество признать сам факт наличия кризиса как *разделения, прерывания* прежде непрерывных трендов, – в логике господствовавших представлений об «устойчивом развитии» (*sustainable development*). Сегодня же растет потребность в содержательно более глубоком представлении о *кризисе*, – как о повороте и переходе к новому режиму развития, как о *необходимой*, хотя и драматической по своему содержанию *стадии развития*.

Эту своего рода «реабилитацию» кризиса как глубоко содержательного концепта социального исследования, незаменимого в разработке сценариев и прогнозов мирового развития, стоит отметить особо. Представления о кризисе развития – с эпистемологической точки зрения – можно интерпретировать, по крайней мере, двояким образом.

² Автор – В.В. Лапкин, в.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, зам. главного редактора журнала «Полис»

Во-первых, как характерную особенность развития системы (в нашем случае – глобальной системы национально-территориальных государств и связывающих соответствующие национальные сообщества экономических, информационно-коммуникационных и транскультурных взаимодействий). Наличие эмпирически наблюдаемых кризисов позволяет проводить сопоставления и аналогии с предшествующими подобного рода казусами. Так, в последние годы почти банальным стало сопоставление мировых кризисов 2008-2009 гг. и 1929-1932 гг. Период Великой депрессии 1930-х годов и сегодня остается своего рода «эталоном» глобального кризиса, обращение к опыту которого тем настойчивее, чем масштабнее и длительнее оказываются последствия текущего, инициированного в 2008 г. кризиса. В частности, анализ социально-политических трансформаций того периода выявляет устойчивую и принципиальную взаимосвязь внутривнутриполитических и внешнеполитических рисков, формирующуюся в ходе глобального кризиса.

К числу порожденных такой взаимозависимостью наиболее значимых, глобального масштаба социальных катастроф периода Великой депрессии 1930-х годов следует, безусловно, отнести Вторую мировую войну, ставшую своего рода зрелым итогом этого периода. Но далеко не только ее. Мировая война стала лишь одним из многочисленных проявлений неспособности держав того времени выйти из состояния посткризисной депрессии, оставаясь в рамках своих чисто внутривнутриполитических возможностей. Ее началу предшествовали и ее в решающей степени подготовили резко обострившиеся, неразрешимые при условии сохранения мира и международного режима Лиги Наций внутривнутриполитические конфликты практически во всех мало-мальски значимых государствах того периода. Проявлениями этих внутривнутриполитических конфликтов, напомним, стали такие чудовищные внутривнутриполитические эксцессы как голодомор и массовый террор второй половины 1930-х в СССР, нацистский режим, уничтожение политической оппозиции и геноцид в Германии, повсеместный рост ксенофобии и нетерпимости в прежде благополучных обществах (включая Францию, США и Великобританию). К ним же следует отнести и массовую безработицу, а также милитаризацию экономики и социальной жизни в качестве средства искусственной мотивации экономического роста и занятости.

Очевидно, что корректно проводимые сопоставления и аналогии с развитием событий в тот период могут быть весьма полезными при анализе сегодняшних мировых трендов.

Но, – и это, во-вторых, – вновь напомним о возможности *иной, более глубокой интерпретации кризиса* – как более или менее фундаментального сбоя в наметившемся ранее поступательном движении, указывающего внимательному наблюдателю на более сложный характер развития системы и понуждающего как к расширению временного горизонта анализа, так и к использованию более сложных моделей для описания и прогнозирования этого развития. С этой *второй точки зрения* при изучении природы, масштабов и возможных последствий текущего глобального кризиса критически значимой представляется способность исследователя рассматривать локализованный во времени кризис как *момент развития* мировой системы. В ситуации кризиса выявляются фундаментальные взаимосвязи подсистем общества (политики, экономики, интеграции, культуры), «в норме» представляющихся автономными. Именно задействуя эти дотоле латентные взаимосвязи, общество и обретает способность перейти к новому режиму развития, совершить эволюционный прорыв, преодолевающий ограничения прежнего способа движения, демонстрируемые кризисом.

В этом отношении сопоставления мировых кризисов 2008-2009 гг. и 1929-1932 гг. латентно подразумевают концептуализацию этих сходных событий как «критиче-

ских точек», последовательно расположенных на эволюционной траектории Современности, рассматриваемой в перспективе *длительной временной протяженности* (*la longue durée*, в терминах, введенных Фернаном Броделем). Такая временная перспектива позволяет не только целостно увидеть панораму мирового развития, но и выявить длительные тренды, в рамках которых упомянутые мировые кризисы представляют собой своего рода «изменение в характере функционирования мировой системы» (букв. *κρίσις* – *поворотный пункт*), диагностирующие необходимость принципиальной коррекции фундаментальных принципов и политически согласованных направлений ее развития.

В такой перспективе говорить в прошедшем времени о мировом кризисе, начавшемся в 2008 г., по крайней мере, преждевременно. Тема кризиса сегодня актуальна как никогда ранее. Подготовившие его проблемы и дисфункции мировой системы, отнюдь не преодолены, произведенная коррекция – как на уровне отдельных национальных правительств, так и в рамках существующих региональных и общемировых наднациональных институтов – носит явно косметический, поверхностный характер. Да и текущие события 2013 г. не дают оснований для оптимистических прогнозов. Скорее, реализованные четыре года назад временная стабилизация и эффективное предотвращение возможных катастрофических последствий кризиса 2008 г. лишь обеспечили на несколько лет отсрочку и сдерживание медленно, но неотвратимо поднимающегося «девятого вала» глобальных потрясений.

И сегодня то, что еще два-три года назад казалось явным преувеличением, представляется уже почти очевидным. Это касается и самой аналогии между этим кризисом и периодом «Великой депрессии» 1930-х годов, и предсказаний неизбежной глубокой эрозии многочисленных интеграционных форматов современного мира (не только в сфере политики, но и экономики, финансов, коммуникаций, культуры, самоидентификации). Каждое сообщество, сохранившее политическую субъектность в сегодняшнем мире, перед лицом надвигающейся катастрофы начинает проявлять все больший интерес к выработке собственной, сепаратной стратегии противостояния этой угрозе.

Безусловно, мировая капиталистическая система, как в ее финансово-экономической, так и социокультурной ипостасях, достигла колоссальных успехов за последние три четверти века, смогла усвоить «печальный опыт» Великой депрессии 1930-х годов и неслыханно укрепить свой потенциал противостояния кризисным потрясениям. Глобальная финансовая система смогла наладить эффективное взаимодействие с исполнительными органами власти ключевых политических субъектов современного мира. Поэтому первой и до сих пор основной реакцией национальных правительств на кризис стало спасение соответствующих страновых (национальных) филиалов глобальной финансовой системы путем масштабной государственной поддержки, что по сути своей означало проведенную в колоссальных масштабах конвертацию экономических рисков финансовых институтов в социально-политические риски национальных государств. Биржевого и финансового краха удалось избежать. Кризис сформированной к концу XX века модели интегрирующего современного общества социального и национально-территориального государства стал практически неизбежен.

Юг Европы и исламский мир от Мали до Пакистана – первые, в рамках этой модели, примеры, демонстрирующие эффект «слабого звена». В одном случае мы видим прогрессирующее разложение структур и механизмов социальной поддержки, стремительную поляризацию и радикализацию общества в прежде благополучных странах Евросоюза. В другом (Ирак, Сомали, Судан, Египет, Тунис, Сирия, Мали, ЦАР) – острый кризис государственной состоятельности (*stateness*), неспособность

государства не только поддерживать далее процесс формирования нации, но и обеспечивать элементарный порядок и социальную консолидацию на собственной территории, предотвращать вооруженное противостояние сегментов вверенного ему территориального сообщества.

Кризис современного государства и кризис современной нации как еще совсем недавно важнейших, базовых интеграционных паттернов, обеспечивающих консолидацию современного общества и привлекательность для индивида самоидентификации с ним, неизбежно будут иметь далеко идущие последствия для глобального развития. Одно из наиболее очевидных и уже вполне проявившихся – это актуализация иных, не связанных с государством и гражданской нацией, форм социальной консолидации и самоидентификации. Буквально «на поверхности» лежат многочисленные примеры этнического, конфессионального и даже почти забытого в посткоммунистическом мире социально-классового обособления и противостояния. Но этот класс примеров, который можно было бы, наверное, объединить термином «этносоциокультурной конфликтности», далеко не исчерпывает проблему конфликтов и противоречий, порождаемых текущим кризисом. Этот класс объединяет, скорее, конфликты, порождаемые на глобальной периферии, в зонах социальной, ущемленной в правах доступа к ресурсам современного развития. Это – конфликты, порожденные сокращением, или даже полным прекращением прежнего государственного ресурсного регулирования диспропорций и конфликтных ситуаций в этих сферах. Это – конфликты ресурсного коллапса, ожидающего в скором будущем пресловутую *мировую периферию*.

Тем не менее, нельзя не замечать и последствий иного рода, другого «класса конфликтности», характеризующих мировое развитие, наблюдаемое с альтернативных *мировой периферии* позиций *мирового центра*. Сегодня о нем следует говорить уже как о «глобальном сетевом центре», не столько локализованном, сколько распределенном, охватывающем весь мир и точно внедренном в сообщества различных стран и континентов. В своей экспансии этот центр перестраивает под свои нужды прежний формат национально-территориальной архитектуры миропорядка. Его зримым воплощением и является глобальная финансовая система. В этой новой сетевой, распределенной архитектуре мирового центра было найдено решение пресловутой проблемы «золотого миллиарда», неразрешимой в условиях «глобального концерта национальных государств». Теперь, в отличие от представлений 1990-х годов, формирование «золотого миллиарда» будет происходить (по крайней мере, в интенции) не путем градации наций и национальных государств на «успешные» (входящие в «золотой миллиард») и «неуспешные» (лишенные такой перспективы), но – поверх государственного разделения, путем формирования особых каналов глобального общения и перемещения с ограничением доступа. Собственно, речь идет о том, что десятилетием ранее называли причастностью к перераспределению «мирового дохода». Доступ к этим особым возможностям, независимо от гражданства, и будет фиксировать принадлежность к «золотому миллиарду» и гарантировать приобщение к ресурсам современного развития.

Стремительно интенсифицирующаяся в условиях кризиса экспансия этого сетевого глобального центра, устремленная на овладение сокращающимися глобальными ресурсами, весьма конфликтогенна. Эта экспансия эффективно разлагает многие прежние форматы социальной интеграции, прежде всего – национально-территориальное государство. С ослаблением государства «под ударом» оказываются такие краеугольные элементы современного социального порядка как *гражданская самоидентификация* и *легитимная власть*. На фоне такого ослабления государства экспансия сетевых, глобальных форматов власти не только «раскрепо-

щает» и провоцирует эксцессы радикальной этнической и конфессиональной ксенофобии, но и искусственно создает ресурсные дефициты во многих жизненно важных для общества сферах (влияя на продовольственные цены, на качество и продуктивность источников водоснабжения и многое другое, не говоря уже о стоимости кредита и энергоресурсов).

«Глобальная периферия» в этой логике обречена не только на системный ресурсный дефицит, но и на полную дезориентацию и неспособность к политическому противостоянию «глобальному центру».

Тем не менее, было бы неосмотрительно сводить все предстоящие последствия текущего кризиса к развитию наметившихся на его ранней стадии тенденций. Или же рассчитывать на то, что, со временем, все эти неприятные последствия будут «преодолены», и ситуация вернется к прежним докризисным порядкам и стабильному процветанию. Последствия кризиса будут, как и ранее бывало, во многом необратимыми, а значит и непреодолимыми. Но, более того, принципиально непредсказуемыми. Ослабление роли национально-территориального государства в качестве ключевого политического субъекта кардинально меняет ситуацию в сфере мировой политики. Оказываются возможными самые неожиданные варианты конструирования новых политических субъектов, новых политических альянсов и протоинститутов. Изменения будут происходить по слишком большому числу параметров, чтобы даже современные средства глобального контроля смогли уследить за происходящим.

Иными словами, планирование в ситуации предстоящей системной глобальной неустойчивости представляется делом чрезвычайно сложным и, в рамках традиционных подходов, весьма ненадежным. Вместе с тем, именно эта неустойчивость побуждает со всем возможным вниманием отнестись не только к ведущим трендам сегодняшнего дня и к динамике макрополитических сообществ, но и к перспективам и проблемам «миноритарных» сообществ, что непосредственно связано с оценкой потенциала этносоциокультурной конфликтности.

1.2 Глобальный кризис и перспективы развития этносоциокультурных конфликтов в современном мире³

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что любой социально-экономический или социально-политический кризис. в том числе кризис глобальный имеет две стороны. Первая сторона, наиболее известная и чаще всего подразумеваемая – это сторона разрушительная, ведущая к дисфункциям или к нарушению работы прежних социальных, экономических и политических институтов, к падению уровня производства, к росту безработицы, усилению различного рода конфликтов. Однако у социального кризиса (учитывая, что слово «кризис» означает перелом в протекании какого-либо процесса) есть и другая сторона – он стимулирует поиск новых возможностей, новых вариантов экономического, социального, политического и культурного развития, что приводит в итоге к появлению новых моделей развития, к усложнению социальных институтов и к выработке нового политического курса. Тем самым экономический или социально-политический кризис открывает новые возможности и новые перспективы развития, которые до кризиса практически отсутствовали или вероятность реализации которых была весьма мала. Отсюда следует, что глобальный кризис и его политические и социокультурные последствия необходимо рассматривать не только как источник прежних и новых угроз и вызовов, но и как поле возникновения новых возможностей, новых вариантов и новых субъектов общест-

³ Автор – В.И. Пантин, д.филос.н., зав. Отделом политических процессов ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

венного развития. Другое дело, удастся ли тем или иным общественным и политическим силам использовать возникающие новые возможности: это зависит от многих факторов и в конечном итоге определяется процессом и результатами идейно-политической борьбы.

Глобальный финансовый и экономический кризис 2008 – 2009 гг. резко обострил многие этнические, социальные и культурные проблемы практически во всех регионах мира, что в целом способствовало значительному усилению этносоциокультурных конфликтов. При этом в разных регионах последствия глобального кризиса проявились по-разному. Так, во многих странах ЕС неожиданно для многих экспертов и аналитиков возник кризис социального государства, усилились национализм и сепаратизм,⁴ возникли противоречия между странами Северной и Центральной Европы (Германия, Франция, Великобритания, скандинавские страны), с одной стороны, и странами Южной Европы (Греция, Португалия, Испания, Италия), с другой. Однако в целом, благодаря достигнутому перед кризисом весьма высокому уровню жизни в странах ЕС, а также способности европейских элит достигать компромиссных политических договоренностей, социальная и политическая ситуация в Европе (кроме Кипра) пока что остается стабильной и управляемой. Правда, события в Болгарии, которые сопровождались массовыми социальными и политическими выступлениями широких слоев населения и привели к отставке премьер-министра, свидетельствуют о том, что и в относительно благополучной Европе могут обостриться разнообразные социальные, политические и межнациональные конфликты.

В то же время на Ближнем Востоке, в Северной и Тропической Африке, где многие десятилетия вызревали социальные, политические, межэтнические и межконфессиональные конфликты, в результате роста цен на продовольствие и обнищания значительной части населения разразились революции и кровопролитные гражданские войны. В итоге Ближний Восток и значительная часть Африки стали очагом не только региональной, но и глобальной дестабилизации, а попытки свержения радикальными исламистами политических режимов во многих странах с конечной целью создания «Всемирного халифата» в перспективе угрожают всем без исключения государствам. В целом же дальнейшие перспективы развития социально-политической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке из-за углубления этносоциокультурных конфликтов остаются весьма тяжелыми и даже трагическими. При этом, как показал опыт Ирака, Ливии, Мали, Сирии, вмешательство западных стран в конфликты на Ближнем Востоке часто способствует не стабилизации, а напротив, углублению социальных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Внешнее вмешательство нередко идет только на пользу радикальным исламистам и террористам, а иллюзии «управления» ими со стороны тех или иных государств и их спецслужб оборачиваются хаосом в мировой политике.

Несколько иная ситуация складывается на постсоветском пространстве. Во многих постсоветских странах, включая Россию, глобальный кризис способствовал повышению роли государства в экономической, социальной и культурной жизни, а также усилению авторитарных тенденций в политике. В результате многие социальные, межэтнические и межконфессиональные проблемы оказались «загнанными внутрь», но не разрешенными. Так, в России весьма остро стоят проблемы социального и имущественного неравенства, масштабной коррупции, охватившей все звенья государственного аппарата, роста других видов преступности, ухудшения системы образования и здравоохранения, существует выраженный социокультурный и идейно-политический раскол общества. В то же время необходимо иметь в виду, что уси-

⁴ Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике / Под ред. В.Я. Швейцера. М., 2006.

ление роли государства в экономике и в социальной сфере объективно необходимо во время кризиса. Другой вопрос, как именно должно вмешиваться государство в экономику и социальную сферу, какие именно методы регулирования оно должно использовать. Можно констатировать, что в России из-за масштабной коррупции и низкого качества системы управления⁵ экономическая и социальная политика государства остается во многом неэффективной. В целом глобальный кризис оказал противоречивое воздействие на Россию и другие постсоветские страны. С одной стороны, он способствовал углублению социальных, межэтнических, межконфессиональных и социокультурных проблем, а с другой стороны, временно отодвинул их на второй план перед лицом обострения экономических проблем и проблем, связанных с низкой эффективностью государственного управления.

При этом следует учитывать, что в постсоветском регионе наиболее сложная и взрывоопасная социально-политическая ситуация в перспективе складывается в странах Центральной Азии. Усиливающиеся противоречия между различными кланами, этносами, народностями в Киргизии уже привели к нескольким «цветным» революциям и к фактическому расколу страны на две части. В Узбекистане, Таджикистане и Туркмении эти противоречия сдерживаются за счет жестких мер, принимаемых авторитарными режимами, а также за счет массового оттока трудовых эмигрантов (прежде всего молодежи, которая не может найти работу у себя на родине) в Россию. Однако такая ситуация не является стабильной и может взорваться в любой момент.

Более благополучно положение в Казахстане и Азербайджане, экономика которых во многом развивается за счет экспорта нефти. Однако и в этих странах глобальный кризис привел к некоторому обострению социальных и политических противоречий. В большинстве же других постсоветских государств (Украине, Белоруссии, Армении, Грузии, Молдавии) экономические и социально-политические последствия глобального кризиса ощущаются весьма заметно, а идейно-политический раскол общества постепенно усиливается.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что глобальный кризис и его последствия привели к заметной активизации массовых социальных и политических движений во многих государствах мира, в том числе в странах Европейского союза, в США (например, движение «Оккупируй Уолл-стрит»), в России, во многих странах Латинской Америки. Развитие и усиление этих протестных движений оказывает все возрастающее давление на политические элиты разных стран и в итоге может привести к выработке и реализации новых важных экономических, социальных и политических реформ. В этом и состоит отмеченная выше «позитивная», обновляющая сторона глобального кризиса. Разумеется, возможны различные сценарии и способы преодоления его последствий, в том числе через развязывание масштабных региональных конфликтов и войн. Последний способ уже активно реализуется западными странами на Ближнем Востоке, но, как показывает исторический опыт, без действительно глубоких социальных, экономических и политических реформ преодоление кризиса и его последствий в длительной перспективе невозможно.

Какого рода могут быть эти реформы? Конечно, детально спрогнозировать, какие именно реформы будут иметь место в ближайшие годы и десятилетия, невозможно. В то же время можно выделить несколько направлений социального и политического реформирования развитых и некоторых развивающихся стран, которые являются наиболее востребованными и актуальными.

⁵ См., например: Розин В.М., Голубкова Л.Г. Управление в мировом и российском трендах. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 29 – 42.

Во-первых, это реформы, связанные с восстановлением социального государства во многих странах Европы и с его реальным, а не формальным утверждением в России, других постсоветских странах, в Китае, других государствах Азии, в странах Латинской Америки. Подобные реформы потребуют значительных вложений в социальную сферу, в сферу образования, здравоохранения и услуг, что связано с освоением новых технологий и новых ресурсов развития, а также с переориентацией и перестройкой «общества потребления».

Во-вторых, в целом ряде стран, включая США, Китай, Россию, Бразилию, социальное и имущественное неравенство достигло критической величины, что делает необходимым проведение реформ, направленных на уменьшение этого неравенства.

В-третьих, во многих развитых и развивающихся странах наблюдается кризис системы образования, что потребует серьезных реформ в этой сфере.

В-четвертых, во многих странах потребуется глубокое обновление политических институтов и всей сферы управления, поскольку прежние политические институты и формы управления, включая политические партии, институты парламентской демократии и судебной власти постепенно теряют свою эффективность.⁶

Однако этносоциокультурный конфликт как результат взаимодействия существующих в мире множества этнических, межконфессиональных, социальных и культурно-цивилизационных конфликтов имеет фундаментальный и долговременный характер, поэтому его вряд ли удастся преодолеть с помощью первоочередных реформ. Этносоциокультурный конфликт во многих странах существовал до глобального финансового и экономического кризиса 2008 – 2009 гг. и будет существовать после окончания всех волн глобального кризиса. Во всех рассмотренных выше случаях финансовые и экономические проблемы, вызванные глобальным кризисом, наложившись на более или менее многочисленные социальные, демографические и политические проблемы, которые долгое время существовали или вызревали на протяжении последних десятилетий. Так, в странах ЕС кризис социального государства и межэтнические конфликты были подготовлены не только финансовыми и экономическими проблемами, но и массовой инокультурной иммиграцией из стран Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Индии,⁷ а также низкой эффективностью политики мультикультурализма, кризисом европейской семьи и резким снижением рождаемости среди коренного населения. Во многом этносоциокультурный конфликт обусловлен фундаментальными демографическими, миграционными и социокультурными сдвигами, которые являются необратимыми и будут оказывать многообразное воздействие на различные стороны жизни как развитых, так и развивающихся стран на протяжении ближайших десятилетий.

В связи с этим говорить о том, что острота этносоциокультурных противоречий существенно снизится после завершения глобального кризиса и преодоления его ближайших последствий вряд ли правомерно. Скорее, можно говорить об изменении форм проявлений этносоциокультурного конфликта после завершения глобального экономического и финансового кризиса, а также о том, что в ближайшие десятилетия серьезные демографические сдвиги, в частности, «исламизация» Европы и «мексиканизация» Соединенных Штатов станут одним из важных факторов глубоких соци-

⁶ См. Розин В.М., Голубкова Л.Г. Управление в мировом и российском трендах. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

⁷ Семененко И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения, 2006, № 10. С. 58 – 68; № 11. С. 57 – 71. Цапенко И.П. Движущие силы международной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения, 2007, № 3. С. 3 – 14.

альных и политических изменений в развитых странах.⁸ При этом развитие и распространение новых технологий (например, развитие социальных сетей, других информационных технологий, нано- и биотехнологий) и появление новых видов оружия (в том числе совершенствование «бесконтактных» видов вооружения, кибероружия, использование психотропных препаратов и других видов воздействия на психику человека), а также усилия отдельных держав и отдельных политиков по решению своих сиюминутных задач во многих случаях, скорее всего, будут способствовать обострению этносоциокультурных противоречий и даже дальнейшему усилению экстремизма и международного терроризма.

Наибольшего обострения этносоциокультурных проблем и противоречий можно ожидать в период 2014 – 2020 гг., поскольку в этот период, с одной стороны, будут в полной мере ощущаться социально-политические последствия глобального финансового и экономического кризиса (точнее, целого ряда экономических кризисов), а с другой – максимально проявятся последствия «арабской весны» на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Кроме того до начала 2020-х гг. развитые западные страны и Япония, судя по всему, не смогут внедрить в массовое производство новейшие технологии и выйти из полосы экономических кризисов и социально-политических потрясений. А это будет способствовать нарастанию глобальной дестабилизации, возникновению и обострению социальных, межэтнических, межконфессиональных и политических конфликтов. Именно в период 2014 – 2020 гг. весьма вероятно распространение экстремизма и международного терроризма не только на Ближнем Востоке, в Северной и Тропической Африке, но и в странах ЕС, в России и других странах СНГ, особенно на российском Северном Кавказе и в государствах Центральной Азии. Внутренняя и международная ситуация объективно потребует объединения усилий ведущих держав и всего мирового сообщества для борьбы с экстремизмом, расизмом, международным терроризмом, поскольку ни одно, даже самое сильное государство или группа государств не будет в состоянии противостоять возросшим внешним и внутренним угрозам. Однако приходится с сожалением констатировать, что в настоящее время условия для подобного объединения усилий ведущих держав еще не возникли и вряд ли возникнут в ближайшем будущем. А это способствует и будет способствовать в дальнейшем резкому усилению этносоциокультурных противоречий в различных регионах мира.

В этом плане современная ситуация несколько напоминает ситуацию 1930-х гг., когда из-за противоречий между западными демократическими государствами и Советским Союзом нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония развязали самую кровопролитную в истории человечества Вторую мировую войну. В итоге это обернулось попыткой реализовать бредовые расистские идеи Гитлера, массовым террором и концлагерями, Холокостом, неслыханными жертвами среди гражданского населения многих стран. В настоящее время идеологическое и военно-политическое противостояние между западными странами и Россией играет на руку международным террористам и религиозным фанатикам, которые умело используют противоречия между Западом и Россией в своих целях. В результате операций западных государств в Ираке и Ливии, а также поддержки сирийских боевиков зона дестабилизации на Ближнем Востоке и в Северной Африке постоянно расширяется, и в руки исламских радикалов попадает все больше оружия и финансовых средств. Можно констатировать, что не слишком дальновидная политика, которую проводят на Ближнем Востоке некоторые западные страны, разжигает все новые

⁸ Уткин А.И. Демографический магнит мира // Свободная мысль – XXI, 2007, № 3. С. 58 – 71; Демографические проблемы промышленно развитых стран // БИКИ – бюллетень иностранной коммерческой информации, 2006, № 27. С. 1, 4 – 5.

социальные, межэтнические и межконфессиональные конфликты. А расширение масштабов и области протекания этих конфликтов грозит глобальной дестабилизацией и попытками осуществления планов по созданию «Всемирного халифата», которые в чем-то аналогичны плану создания «тысячелетнего Третьего рейха».

Таким образом, этносоциокультурные противоречия в современном мире имеют явную тенденцию к обострению. Недостаточное внимание со стороны государственных деятелей ведущих государств мира, политических элит и общественных организаций к этому обострению чревато глобальной дестабилизацией, хаосом внутри отдельных стран и в международных отношениях. В этих условиях борьба с католической или православной церквями, которую провоцируют некоторые «ультралиберальные» (но, по существу, не имеющие никакого отношения к настоящему либерализму) силы, является не только контрпродуктивной, но и весьма опасной. Разжигание конфликтов между верующими-христианами и атеистами в действительности играет на руку все тем же исламским радикалам, которые не желают слышать ни о толерантности, ни даже о подчинении действующим в разных странах законам, а стремятся навязать всем жизнь по «законам шариата». Поэтому и в России, и в странах ЕС, и в США необходим спокойный и конструктивный диалог между христианами, иудаистами, представителями умеренного ислама и атеистами с целью выработки общих норм, по которым должно жить большинство населения, взаимной терпимости и согласия по основным вопросам социальной, политической и культурной жизни. В то же время такие фундаментальные ценности, на которых зиждется любое общество, как ценности семьи, государства, равенства всех перед законом, свободы не только для индивида, но и для общества, не должны подвергаться сомнению. В противном случае, если в развитых западных странах и в России будет продолжаться бесплодная и опасная по своим последствиям конфронтация между верующими и атеистами, между представителями разных конфессий, между либералами и консерваторами, между сторонниками традиционных и современных ценностей, этносоциокультурные противоречия будут только углубляться и обостряться, чем безусловно не преминут воспользоваться самые экстремистские и деструктивные силы.

1.3. Проблемы концептуализации политической конфликтности: реалии кризисного развития в современном мире⁹

Конфликтологическая парадигма занимает сегодня заметное место в общественных науках: анализ природы и причин социальных конфликтов и поиски путей их разрешения позволяют рассматривать конфликт как фактор социальных трансформаций и оценивать перспективы социальной консолидации современных обществ. Осмысление комплексной природы современного кризиса дает основания утверждать, что в его основе лежит *кризис мотивации развития*, конфликт ценностей и интересов, который имеет онтологическую природу.

Развитие отраслевой конфликтологии привело к вычленению отдельных типов конфликтов в качестве объектов изучения (политическая конфликтология – политический конфликт, педагогика – педагогический конфликт и т.п.). Подходы к анализу содержательных характеристик конфликтов в их политической проекции диктуются выбором исследовательских приоритетов и, во многом, заранее заданы идейными позициями авторов: так, концептуализация классовых конфликтов фактически стала сегодня достоянием неомарксизма, гендерный конфликт – приоритет гендерных исследований и т.п. Однако большинство конфликтов в современном мире –

⁹ И.С. Семененко, д.полит.н., зав. Сектором прикладных социально-политических исследований ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

сложносоставные (многофакторные), и перед социальными науками стоят задачи постижения их природы и концептуализации в категориях, адекватных реалиям современного развития.

Очевидно, что нынешнего понятийного аппарата, который решает проблему с помощью, в частности, использования сложносоставных терминов (таких, например, как этнонационализм, этнофедерализм или мультикультурность / мультикультурализм), оказывается для этого недостаточно. Подобный способ трактовки природы современных конфликтов говорит скорее об ограниченности возможностей современного научного знания в постижении их природы. В контексте анализа дисбалансов и противоречий современного развития в прояснении нуждается, в частности, *понимание этнического самосознания и этничности как фактора социальной динамики в современном мире*. Расхождения в трактовке содержательных характеристик нации и этноса (в зарубежной литературе – этнической группы) в политической науке объясняются не только избранным исследователем эпистемиологическим подходом (примордиализмом, конструктивизмом, инструментализмом). Зачастую они диктуются зависимостью – явной или опосредованной известными теоретическими моделями – от национальной традиции изучения этих феноменов, вторичной по отношению к политическому устройству конкретных национальных сообществ. Так, в российской этнологии до сих пор идет спор между сторонниками известной теории этноса Ю.В.Бромлея и его более или менее последовательными оппонентами и критиками.¹⁰

В политической науке общий дискурс по проблемам этничности до сих пор не сложился. Связано это, на наш взгляд, как с объективной неоднозначностью влияния этнических факторов на социальную динамику, так и с неоднозначностью политических последствий публичной дискуссии по этой проблематике, а иногда – и с прямым «конфликтом интересов» научной объективности и политкорректности.

Так, дихотомия гражданского и этнического национализмов рассматривается в современном научном дискурсе с разных, зачастую прямо противоположных идейных позиций.¹¹ Соответственно, ему даются разные оценки с точки зрения влияния на процессы нациестроительства. На амбивалентность в трактовке этнической идентичности указывает Л.М.Дробужева: поскольку «в отечественной науке и отчасти в европейской (например, в Германии) использовалось понятие нации в этнокультурном значении, а теперь утверждается понимание нации как политической общности, для использования... в этнокультурном значении введен термин «этнонация». Отсюда «этнонациональная идентичность» интерпретируется как синоним этнической идентичности», а «гипертрофированная идентификация с этнонацией... – как этнонационализм» – «идеология, политика и политическая практика во имя интересов доминирующей этнической общности».¹² Возвращение дискурса этничности в публичную дискуссию в обществах с укорененной демократической традицией и его (дискурса) растущая политизация свидетельствуют о назревшей потребности в пе-

¹⁰ Подробнее о подходах в изучении этничности в современной российской и зарубежной этнологии см.: Винер Б.Е. Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том VIII, №3. С. 114 – 130. В заключение обзора автор статьи делает вывод о том, что «новое, достаточно приемлемое определение этноса или этничности в нашей науке появится еще не скоро», а в качестве отправной точки для объяснения этнических явлений предлагает исходить из того, что «социальные структуры (в том числе этнические общности) в своем нынешнем виде образованы благодаря деятельности людей в прошлом» (с. 127 – 128).

¹¹ О современном состоянии дискуссии см.: Панов П.В. Национализм. // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2х тт. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2011. С.182 – 186.

¹² Дробужева Л.М. Этническая идентичность. Там же. С.133.

реосмыслении сложившегося понимания нации как территориальной и культурной общности, структурирующей современную политическую карту мира.

В 2000-е гг. мир накрыла очередная волна политической конфликтности. Корни этого явления – далеко за пределами текущего финансового кризиса, будоражащего зону евро и, фактически, перечеркивающего пресловутый «Вашингтонский консенсус». Это ресурсные кризисы (экологический, продовольственный, демографический кризис и перенаселение) и нарастание кризисных явлений в западноцентричном типе развития, той модели капитализма, которой пока не просматривается реализуемой альтернативы. Кризис обозначил острую потребность в концептуализации природы современных макросоциальных конфликтов: их одномерное толкование в сугубо политических или идеологических (либо национальных, конфессиональных, этнических, поколенческих и пр.) категориях не отражает в сколько-нибудь полной мере сущностные характеристики происходящих процессов. Но, по сути, не преодолена застарелая дихотомия в объяснении природы политической конфликтности, противопоставление их социальной обусловленности (бедностью, неравенством, недоступностью ресурсов развития человека) и культурных / цивилизационных оснований и мотиваций.

Современные политические исследования разрабатывают поле «политики противостояния» (букв.: протестной, конфликтной политики - contentious politics). В это исследовательское поле (основные теоретики – Ч.Тилли, С.Тэрроу) включаются и отношения власти – оппозиции (системной и несистемной), и борьба за признание прав групп, объединяющих носителей тех или иных идентичностей, на особость («политика идентичности» в ее традиционном толковании), и развитие социальных движений, в том числе новейших их форм. Теоретики «радикальной демократии» (Э.Лакло, Ш.Муфф) априорно исходят из того, что «в демократическом обществе несогласия, которые позволяют людям утверждать свою *гражданскую идентичность* разными путями, не только легитимны, но и необходимы: они составляют суть демократической политики», дают выход политическим эмоциям.¹³

Во всех случаях ставится вопрос о динамичных и взаимозависимых отношениях субъектов политического процесса, один из которых – власть. Власть выступает как адресат, инициатор, или как одна из сторон коллективных действий, участники которых выдвигают требования, затрагивающие интересы других сторон.¹⁴

Концепт идентичности становится ключевым инструментом анализа конфликтной политики. Обращение к идентичности как системе разделяемых ориентиров в безбрежном пространстве социальной коммуникации позволяет объяснить *причины осознания членами группы общих интересов* и мотивацию противостояния «другим». На этой основе можно выстроить сценарии развития конфликта, моделируя достижение консенсуса либо его эскалацию вплоть до перехода в новое качество, появления новых политических институтов для представительства отстаиваемых интересов. Очевидно, что трансформация потенциала социальной мобилизации в реальные массовые движения возможна только при условии, что «лидерам удастся затронуть и развить глубоко укорененные чувства солидарности или (общей) идентичности».¹⁵

¹³ Mouffe Ch. Politics and Passions. The Stakes of Democracy // CSD Perspectives, University of Westminster, UK, 2002. Режим доступа: http://www.westminster.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0003/6456/Politics-and-Passions.pdf.

¹⁴ Подр. см.: Tilly Ch. and Tarrow S. Contentious politics. Boulder CA, Paradigm Pub., 2008, pp. 4 – 5.

¹⁵ Tarrow S. Power in Movement. Social Movements and Contentious Politics. 3rd ed. Cambridge University Press, 2011. P.12).

Так, потенциал конфликтности, порожденной массовой миграцией, нарастание противоречий (реальное или мнимое, осознаваемое как угроза ухудшения социального климата и качества жизни) между автохтонными и инокультурными иммигрантскими сообществами становится средством негативной политической мобилизации, объединения «своих» против «чужих» и «иных». На этой основе строятся программы праворадикальных политических сил, получающих сегодня весомую поддержку в ряде стран Запада (в Австрии, Бельгии, Финляндии). Идущие на выборы под антииммигрантскими или сепаратистскими лозунгами партии собирают голоса несмотря на то, что их идеи зачастую не соответствуют укорененным в общественном сознании принципам демократического общежития и толерантности. Эти настроения вынуждены учитывать и политические силы противоположной части партийного спектра, те, кто, как британские лейбористы, до недавних пор настойчиво и безоговорочно ратовали за государственный мультикультурализм и толерантность. От этих позиций они не отказываются, но приоритеты политической повестки дня меняются. Сегодня британские мозговые центры левоцентристской ориентации – традиционно влиятельные и авторитетные участники публичной дискуссии по социальным проблемам – пытаются перехватить инициативу в разработке программы действий по вопросу иммиграционного регулирования, до сих пор бывшего прерогативой консерваторов.¹⁶ А национализму автохтонного большинства в британском контексте – т.н. английскому вопросу – левоцентристские силы стараются придать сегодня положительный, интегративный социальный импульс.¹⁷

В поле «протестной политики» попадают конфликты, участники которых мотивируют наличие общих политических интересов общей идентичностью. Групповая идентичность выступает здесь как механизм политической мобилизации. Именно она генерирует политический сепаратизм (в Каталонии и Стране Басков, на Корсике, в франкофонной Канаде и пр.), помогает обосновывать требования культурной автономии (Уэльс), подпитывает противостояние светских и конфессиональных моделей государственности (в Египте и другие странах - протагонистах «арабской весны»). Далеко не всегда в таких конфликтах изначальной мобилизующей силой выступают (вопреки расхожим представлениям) примордиальные идентичности. Зачастую мобилизация осуществляется на основе разнородных идентификационных ориентиров. Мощным фактором политической мобилизации может выступать язык и языковая политика.

Социальные идентичности могут целенаправленно актуализироваться лидерскими группами путем либо мифологизации прошлого, или же сознательно упрощенного (и извращенного) толкования вероучительных принципов конфессий и религиозных течений. На этом фундаменте конструируются новые идентичности, в которых этничность отождествляется с культурной традицией, раса – с культурным превосходством, а вера – с догматами воинствующих адептов того или иного религиозного течения. В результате происходит политизация этих идентичностей и их трансформация в механизмы групповой политической мобилизации. *Политико-институциональное закрепление доминирования одних групповых идентичностей над другими по итогам такого противостояния – это прямой путь наращивания потенциала конфликтности и социокультурной архаизации.*

¹⁶ Подробнее об этих предложениях см.: Cavanagh M. and Mulley S. Fair and democratic migration policy. A principled framework for the UK. Institute for Public Policy Report. L., 2013.

¹⁷ См.: Kenny M. The many faces of Englishness: Identity, diversity and nationhood in England – Juncture. IPPR's Journal of Politics and Ideas. 15 Dec. 2012. Доступ: <http://www.ippr.org/juncture/166>

Утверждение «космополитической идентичности» («поверх» идентичностей примордиальных) и идеи «всемирного гражданства» рассматривается как «магистральный путь» трансформации мирового порядка к постнациональному миру (Ю. Хабермас, У.Бек). Транснационализация экономики и быстрая космополитизация идентичностей в условиях, когда национальное государство продолжает претендовать на обеспечение организации политического пространства, выводит политический конфликт за пределы национального правового и институционального поля. Тренды локализации, напротив, утверждают особость локального (по отношению к государству) сообщества и открывают путь ожесточенной борьбы за его (сообщества) политическую институционализацию. Противостояние части и целого (региона как политического субъекта в составе государства и центральной власти, олицетворяющей государство как политическую общность) – самого распространенного противостояния такого типа – может привести к росту национализма охранительного толка, мобилизующего автохтонное большинство. И в этом смысле «английский вопрос» или «русский вопрос» можно рассматривать, несмотря на глубинные различия в политической и правовой традиции и в политико-административном устройстве Великобритании и России, в одном ряду как потенциальные источники социально-политической конфликтности.

Территориальные конфликты развиваются преимущественно в системе координат Модерна, заданных привязкой к границам национального государства: противостояние государства и территориальных сообществ в его составе стимулирует утверждение территориальных идентичностей и развитие политического сепаратизма. Территория оказывается очагом политической конфликтности. О неоднозначности и разнонаправленности этих процессов свидетельствуют споры о природе политического сепаратизма в Испании: в научной среде утвердилась обоснованная точка зрения на каталонский и баскский «вопросы» как на конфликты территориальных сообществ с центром в рамках необходимости пересмотра модели «государства автономий» вплоть до закрепления политического суверенитета территориального сообщества. Таких позиций придерживаются и авторитетные российские исследователи.¹⁸ Такое сообщество утверждает свою особую идентичность на основе разделяемых культурных символов и традиций, общего языка и (что немаловажно) выраженного стремления его членов к консолидации в противостоянии с центром как «успешного» региона, стремящегося к экономической самостоятельности. Но у данного подхода есть и немало оппонентов, настаивающих на том, что у конфликтов подобного типа – этническая доминанта. И такая доминанта действительно актуализируется, когда появляется угроза дезинтеграции культурной идентичности большинства, например, в связи с ростом миграционного давления на территориальное сообщество, в том числе внутренней миграции. *Этничность, понимаемая как общий социальный опыт прошлого, материализованный в культурной традиции, и, особенно явственно сегодня - в культуре повседневности, становится эффективным ресурсом политической мобилизации.*

Современная Европа столкнулась сегодня с проявлениями территориальной конфликтности, имеющей комплексную природу. Их дополняет рост потенциала социальной напряженности, связанной с внутренней (в рамках Евросоюза) и, особенно, внешней, инокультурной миграцией. Политический кризис в Бельгии поставил вопрос и о пересмотре основ сложившихся принципов федеративного устройства. Перспективы развития т.н. этнофедераций и стратегии регулирования отношений

¹⁸ См.: Прохоренко И.Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М.: ИМЭМО РАН, 2010; Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Баскский конфликт: Истоки. Характер. Метаморфозы. М.: Изд. МГИМО (У), 2011.

между их субъектами – предмет непрекращающихся споров в научном сообществе. Однако «мнение о том, что этнополитические процессы поддаются регулированию, преобладает и в международной политической науке», и в российской научной мысли.¹⁹ В ряде стран Запада потребность в реформатировании связующих начал государственности для укрепления национального государства уже привела к комплексным политическим реформам. Так, процессы «деволюции» - передачи определенного набора полномочий от центрального правительства на уровень территориальных единиц в его составе - запущены с конца 1990-х гг. в Великобритании. Статус нации в составе канадской федерации получил в 2006 г. франкофонный Квебек.

В России влияние комплекса описанных факторов опосредовано несформированностью гражданской нации и национального государства и ассиметричным де-факто характером российского федерализма. Современные тенденции этногенеза в России носят разнонаправленный характер. С одной стороны, они целенаправленно стимулируются политическими элитами в «национальных» республиках и в близких к ним по статусу образованиях. Набирают силу и «тенденции этнокультурной дифференциации». Они выражаются, в том числе, «в создании особых этнотерриториальных локальных сообществ, которые начинают руководствоваться собственными политическими, социальными и культурными программами деятельности» (таких, как движение «финно-угорский мир») и культивируют основанную на субэтническом сознании малых групп «особую солидарность по месту жительства».²⁰ На такой основе вероятны противостояния с властью и выбросы конфликтности, окрашенной в этнические тона. С другой стороны, идут и процессы консолидации территориальных общностей в регионах и на местах вокруг общих ориентиров развития, хотя углубляющихся социокультурных размежеваний и аномии эти процессы не уравнивают. Но и само этническое самосознание не рассматривается населением современной России как абсолютная и безусловная ценность: более 80% граждан, как показала последняя перепись, отождествляет себя (независимо от этнического происхождения) с нацией большинства.

В результате актуализации латентных групповых идентичностей и роста межгрупповой конфликтности, в основе которых – борьба за экономические и политические ресурсы, этнический фактор оказывается мощным символическим ресурсом власти на местах, который она использует для противостояния иерархизации и вертикализации власти. В то же время развиваются конфликты, которые Э.Паин называет «горизонтальными» (в отличие от «вертикальных», сталкивающих национальные движения с властью) – «столкновения между представителями этнических общностей: этнического большинства с меньшинствами, местного населения с пришлым, одних мигрантских групп с другими».²¹ Вопрос в том, какие идентичности выступают здесь фактором групповой мобилизации. Видимо, такие конфликты можно рассматривать как этносоциокультурные.

Эти разнонаправленные процессы ставят проблему поиска возможностей консолидации российского государственного сообщества. Нынешние глубинные социокультурные размежевания российского общества усугубляются историческими традициями противостояния столиц и провинции, вопиющей неравномерностью в развитии российских территорий. В условиях растущего социального и экономического

¹⁹ Подробнее об этом см.: Фарукшин М.Х. Этничность и федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость // Политэкс, 2008, №2. Доступ: <http://www.politex.info/content/view/429/30/>

²⁰ Шабает Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнонациональные движения в новой социокультурной реальности // СоцИс, 2009, № 10. С. 58.

²¹ Паин Э. Этнические конфликты в постимперской России // Вестник Института Кеннана. Выпуск 22. М.: 2012. С. 41.

неравенства территория остается очагом накопления конфликтного потенциала, и, в то же время - ключевым источником экономического роста и ареной социальной консолидации вокруг общих интересов развития. Утверждение этого последнего тренда на основе соотнесения общегражданских, групповых и индивидуальных ориентиров идентичности и гражданской солидарности оказывается едва ли не основным вызовом для решения задач социокультурной модернизации и поступательного развития России.

1.4. Некоторые внешние факторы дестабилизации, этносоциальных конфликтов и экстремизма²²

События, которые произошли за последние 20 лет не только перекроили мировую политическую карту и сместили центры экономического влияния, но так и не продвинули мир к достижению стабильности и породили новые очаги проблем. Более того, резко усилилось внешнее воздействие на внутреннее развитие любой страны.²³

Идеи, родившиеся в информационную эпоху в более развитых странах, могут разрушать традиционные общества. Особенно, если они подкреплены тем или иным превосходством: «Распространение грамотности и особенно воздействие современных средств коммуникации привели к беспрецедентному росту уровня политического мышления широких масс, сделав их несравненно восприимчивее к эмоциональному потенциалу национализма, социального радикализма и религиозного фундаментализма. Притягательность этих идеологий поддерживается окрепшим осознанием различий в материальном благосостоянии, возбуждающих вполне понятные чувства зависти, возмущения и враждебности.»...<В таком контексте демагогическая обработка и мобилизация слабых, бедных и угнетенных становятся все более легким делом», – утверждал еще в 2004 г. З.Бжезинский.²⁴

Анализируя процессы, происходящие на Ближнем Востоке и Северной Африке начиная с января с.г., и отмечая решающую роль, которую в них сыграли использование Интернета и социальных сетей – фактически сознательную целенаправленную деятельность по разрушению социальных общностей, государственных систем и изменению социально-политического строя, нельзя не согласиться с мнением профессора Н.А.Косолапова: «Контролируемая дестабилизация (КДС) используется как инструмент и один из методов управления исторически очень давно.»...< Примером КДС последних десятилетий является и «экспорт демократии» – управление извне процессами смены политического устройства и/или правящего режима: от «бархатных революций» конца 1980-х до «цветных» середины 2000-х гг.»²⁵

«Символ» революции в Египте – сотрудник Google Ваэль Гоним – организовывал акции протеста в Каире и, создав страничку на Facebook, пытался вдохновить египтян выйти на улицы и добиваться отставки правительства: «Мне нравилось на-

²² Автор - М.В. Фомин, м.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

²³ Фомин М.В., Волчков Д.Н., Танасюк М.А. и другие. Россия в мировых конфликтах. Горизонт 2019 // Рефлексивные процессы и управление, 2008, №2. С.22.

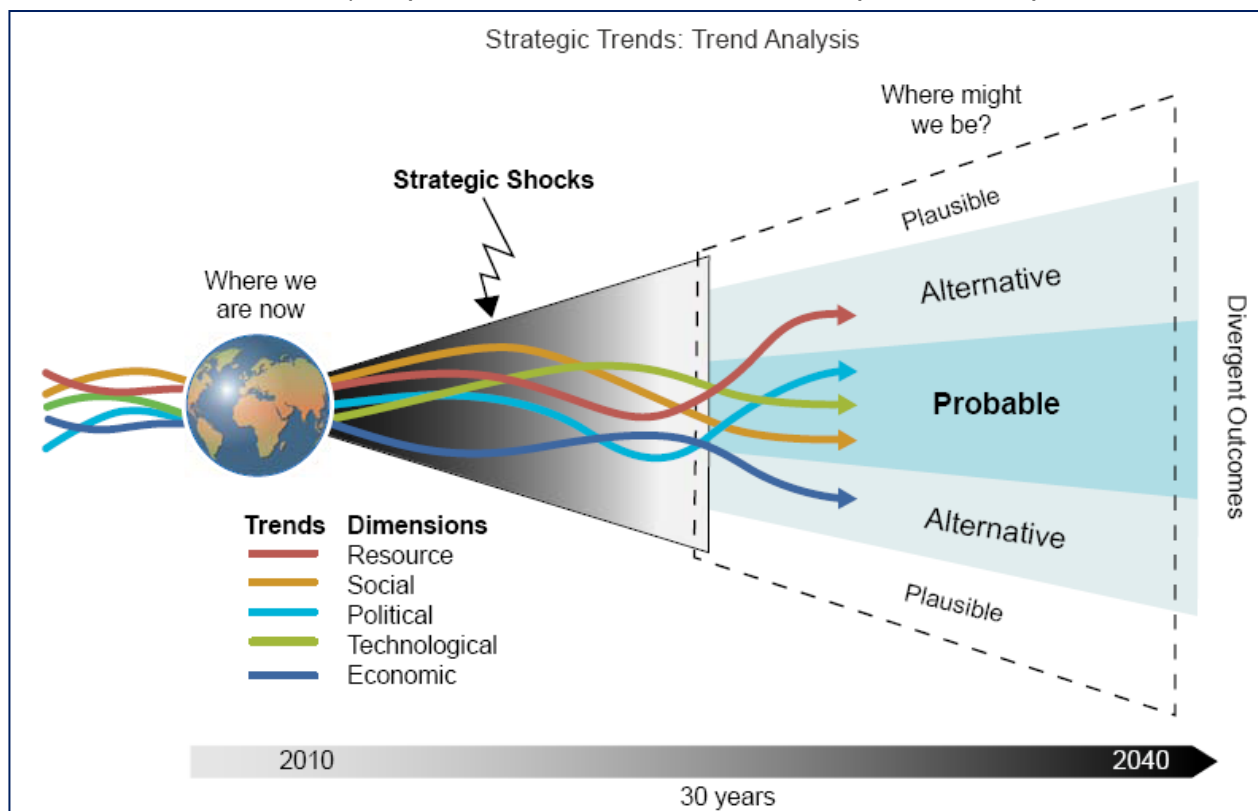
²⁴ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2007. С. 64.

²⁵ Косолапов Н.А. Контролируемая дестабилизация как метод макросоциального управления: возможности, издержки, перспективы. Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран запада и Россия. / Материалы конференции в ИМЭМО РАН, 20-21 апреля 2009г. / Отв. ред. Н.В. Загладин. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 129-136.

зывать это революцией Facebook, но, увидев людей на улице, я понял, что это революция египетского народа. Это удивительно!». ²⁶

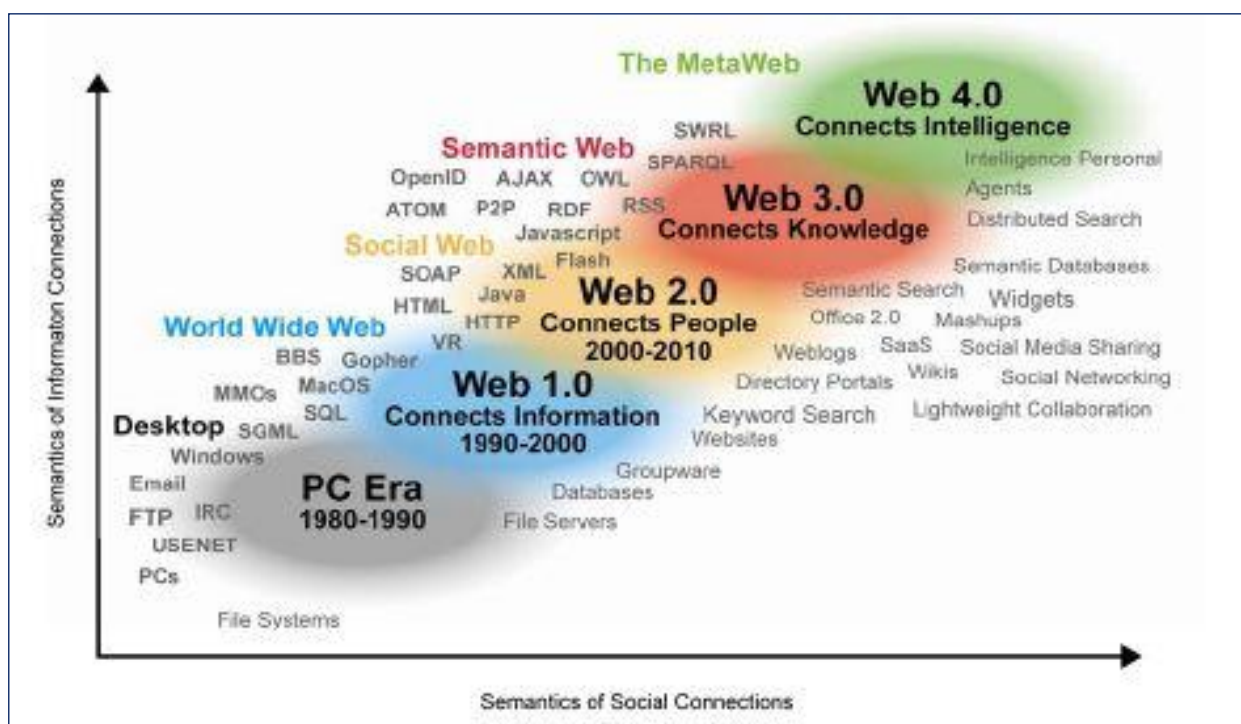
В 2012 г. была опубликована его книга «Революция 2.0», ²⁷ посвященная первой киберреволюции в мире. В этом контексте, любопытно отметить статью в New York Times «U.S. Underwrites Internet Detour Around Censors» ²⁸ в которой идет речь о проектах по созданию «независимых систем сотовой связи в других государствах, а также созданию так называемого переносного Интернета или “Интернета в чемодане”, который можно было бы тайно переправить через границу и быстро наладить с тем, чтобы установить беспроводную связь на большой по площади территории с подключением к глобальной сети». ²⁹ Администрация Б.Обамы работает над созданием «теневых» систем Интернета и мобильных телефонов, которыми «могли бы пользоваться диссиденты для подрыва репрессивных режимов, прибегающих к цензуре и отключению телекоммуникационных сетей». К концу 2011 года, пишет New York Times, Госдепартамент США истратил на всевозможные проекты обходных технологий около 70 миллионов долларов. Газета отмечает, что усилия в направлении «чемоданного» Интернета «активизировались после того, как президент Хосни Мубарак в последние дни своего правления отключил Интернет в Египте». ³⁰ Необходимо отметить, что США довольно последовательны в своих планах. Например, вот что на этот счет еще в 2006 г. было сказано в Стратегии Национальной безопасности США (*The US 2006 National Security Strategy*): «Соединенные

Штаты должны: ... Расширять сферу развития, открывая общества и строя инфраструктуру демократии». ³¹ Анализируя подобные документы, можно предположить следующее: в современном мире, под видом «борьбы» демократии с тоталитаризмом и свободы с посягающим на нее террором, начался новый этап «битвы» за мировые ресурсы, глобальное экономическое господство и передел рынков. В докладе Центра развития, концепций и доктрин Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции до 2040 года» («Global Strategic Trends – Out to 2040») период 2010-2025 гг. назван периодом «стратегических шо-

ков», а в период 2025-2040 гг. развитие экономики и ресурсосведения предсказывается как альтернативное, а вопросы политики, технологий и общества, как вероятностные.³²

К 2040 году информационные технологии, вероятно, будут распространены так широко, что люди будут постоянно подключены к локальной или глобальной сетям, в том числе, с нарушениями гражданских свобод. Те же, кто сделает явным образ жизни вне сети – «отключенные» - будут считаться подозрительными. Есть целый ряд социально-экономических тенденций, которые приведут к распространению информационных технологий, в том числе: расширение мировой экономики, большей культурной ассимиляции, создание и внедрение новых технологий, и, соответственно, постоянное сокращение стоимости компьютерных систем.

Таковые достижения неизбежно приведут к росту и качеству технологий обработки и вычислений, что, в свою очередь, позволит внедрить более высокий уровень моделирования поведенческих стереотипов и потенциально обеспечит более эффективное распознавание образов, улучшит выявление, представление и объяснение систем и процессов. В результате, моделирование будет становиться все более мощным инструментом для оказания помощи политикам и лицам, принимающим решения. Моделирование также будет способствовать размыванию границ между виртуальным и реальным.

³² См.: Доклад Центра развития, концепций и доктрин министерства обороны Великобритании «Global Strategic Trends – Out to 2040», produced by a research team at the Development, Concepts and Doctrine Centre (DCDC), is benchmarked at 12 January 2010) // под ред. генерал-майора Пола Ньютона (Paul Newton)). (http://www.mod.uk/NR/rdonlyres/38651ACB-D9A9-4494-98AA-1C86433BB673/0/gst4_update9_Feb10.pdf)

Фактически, речь идет не только о развитии компьютерных систем, но о чем-то более новом - о новой парадигме развития человечества в новой системе координат.

Первые «ласточки» новой парадигмы - появление в начале XXI века достижений постбинарного компютинга – проекта модификации технологии «Bluetooth» для оперативного перебрасывания файлов любого типа с одного смартфона на другой в рамках ограниченной сети, система сетевых сообществ «Google +» или система «Smart grid» – интеллектуальная система, анализирующая поведение участников сетевых сообществ и с учетом этого управляющей сетями. Кроме того в Интернете появились географические сервисы, резко отличающиеся от привычных географических карт и геоинформационных систем. Первым таким продуктом явился геосервис «Google Earth» (впоследствии его русифицированная версия получила наименование «Планета Земля»), открытый в июне 2005 года – фактически прообраз развивающегося нового направления в области информационных технологий – «неогеографии».³³

В этом контексте необходимо отметить следующее. 12 мая 2009 года была утверждена Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.,³⁴ в которой такая ключевая составляющая национальной безопасности России как устойчивое (устойчиво-безопасное) развитие предполагает адекватную оценку возникающих перемен в природе, обществе, экономике, идеологии, технике и технологии и реакцию на эти перемены. Это особенно актуально, как в связи с уже произошедшими событиями в России и мире, так и с тем, что только еще ожидается.

Неравенство возможностей в современном мире в кратко- и среднесрочной перспективе будет все более очевидным в связи с глобализацией и расширением доступа к более дешевым и легко доступным телекоммуникациям. Соответственно, таковое неравенство может стать значительным источником недовольства, что может привести к увеличению числа конфликтов, несмотря на рост числа людей, которые могут считаться более успешными, чем их родители.

Демографические тенденции также могут стать источником продолжающейся нестабильности, особенно на Ближнем Востоке, Центральной и Юго-Восточной Азии, африканских странах. Молодежь стран в этих регионах станет резервуаром социального гнева. В частности, молодые мужчины с ограниченными экономическими перспективами могут быть крайне восприимчивы к радикальным идеям любого толка.

В связи с этим, роль идеологии крайне возрастет, особенно, на основе религии, этнических различий, национализма, неравенства и, скорее всего, в комбинации этих факторов.³⁵ Вероятно, что экстремистско-идеологические конфликты будут возникать для прикрытия корыстных интересов, а экстремистские группы будут использоваться для достижения политических целей. К сожалению, возможность возрождения идей нацизма / фашизма, очень высока. Также, может произойти новый виток развития такой антикапиталистической идеологии, как марксизм – например, в обедневших государствах Европы, а националистической / нацистской / фашистской – в

³³ Turner A. Introduction to Neogeography. O'Reilly Media, 2006. *Ерёмченко Е. Н.* Неогеография: особенности и возможности. Материалы конференции «Неогеография XXI–2008» IX Международного Форума «Высокие технологии XXI века, Москва, 22–25 апреля 2008 года. С. 170.

³⁴ См.: Стратегия Национальной Безопасности РФ (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537) (<http://www.president.kremlin.ru/>).

³⁵ См.: Доклад Центра развития, концепций и доктрин министерства обороны Великобритании «Global Strategic Trends – Out to 2040».

государствах с претензиями на ресурсную базу соседей и собственным демографическим ресурсом рекрутов.

В мировой системе всегда существовали напряженности, но сейчас очевидно, что эти напряженности нарастают повсеместно. В 1990-х годах в энергетических сценариях концерна «Шелл» было введено понятие «безальтернативности». Как никогда ранее, этот термин применим для определения ситуации в России в целом.

Как отметил Евгений Юрьев на форуме «Деловая Россия» в июне 2005 года, уже через двадцать – тридцать лет население в России, при сохранении существующих тенденций в демографических процессах, будет составлять лишь 1% населения земного шара, и этот один процент должен будет защищать от посягательств других стран треть мировых запасов сырья.³⁶

Однако потребность в глубоких преобразованиях российского общества натолкнулись на инерцию социальной психологии населения, у которого был резко деформирован привычный уклад жизни. Особенно деформированы свойства и качества молодежной популяции как основы будущего экономически активного населения России.³⁷ Существующая в стране проблема новых поколений очевидна: 1.01.2015 г. – в активную жизнь вступает поколение 1990-х гг. 1.01.2020 г. – в активную жизнь начинает вступать «поколение Путина» (Generation P). А ему свойственны следующие черты.

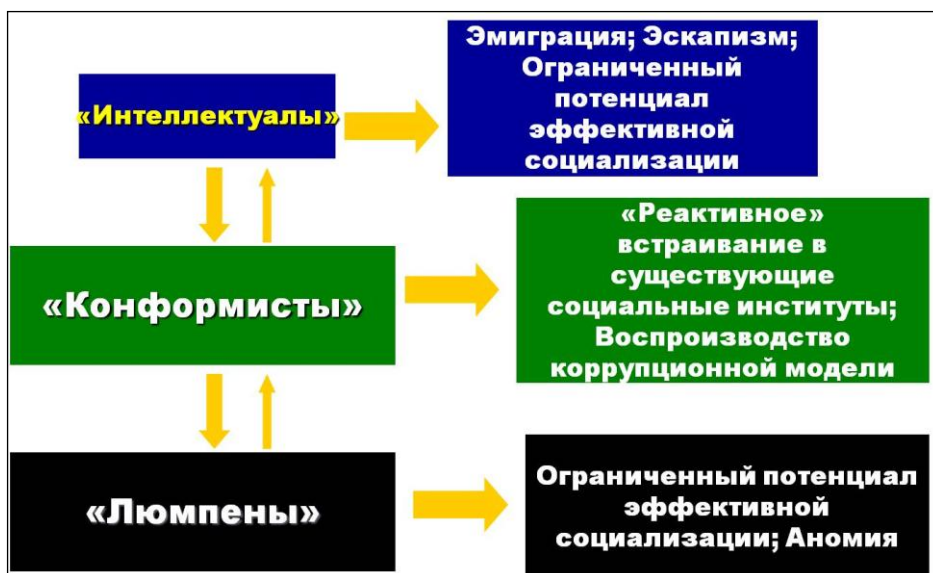
Ценностно-образовательный облик новых поколений:

1. Конформизм;
2. Боязнь перемен;
3. Практицизм: принцип «лучше синица в руках»;
4. Молодая женщина – лидер в семье, обладает более высоким уровнем образования;
5. Молодой мужчина – инфант;
6. Общий дефицит образованности.

В результате - дефицит творческой активности. Кроме того, необходимо учитывать социальные траектории новых поколений, которые формируются уже сегодня – интеллектуалы, конформисты, люмпены. Они взаимодействуют и в силу социальных, личностных, профессиональных причин могут меняться местами. Чем характеризуются эти группы? (см. Рис. 4)

³⁶ Архангельская Н. Тема недели – Форум «Деловая Россия». // Эксперт. 2005. №24. С. 21.

³⁷ См.: Проблемы социально-политической стабильности в условиях глобализации / Отв. редактор Н.В. Загладин. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 13.

Источник: Фомин М.В. Вихри глобальных рисков и стратегия развития России / Доклад на X Глобальном стратегическом форуме. Президиум РАН, декабрь 2010г.

Интеллектуалы тяготеют к эмиграции, им свойственен ограниченный потенциал эффективной социализации. У конформистов преобладает реактивное вступление в существующие социальные институты и фиктивная социализация. Люмпены обладают ограниченным потенциалом, для них типична и ярко выраженная, прогрессирующая аномия.³⁸ И у всех категорий наблюдается дефицит творческой активности, что явно не способствует повышению уровня конкурентоспособности государства.³⁹

В случае проведения ситуационного анализа такой фундаментальной основы общества, как социальное пространство, его возможно характеризовать по следующим параметрам: «размеры (размещение в пределах некоторых границ); устойчивость (способность сохранять свою идентичность под воздействием различных факторов); плотность⁴⁰ (наличие различных социальных форм на единице величины); цивилизованность (соответствие социальных форм пространства достижениям цивилизации); потенциал (возможности и ресурсы для реализации целей жизнедеятельности людей); структура (формы взаимосвязи жизненных форм); функции (воздействия социального пространства на людей, общество, природу)».⁴¹

³⁸ **Социальная аномия** – состояние ценностно-нормативного вакуума, характерное для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии обществ, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились. Это может привести к ослаблению и отвержению правовых, нравственных и других основ человеческой жизни, обеспечивающих социальную стабильность. *Прим. автора.* Подробнее см.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2006. С. 330-331.

³⁹ См.: Фомин М.В. Вихри глобальных рисков и стратегия развития России / Материалы доклада на X Глобальном стратегическом форуме. Президиум РАН, декабрь 2010г. // Экономические стратегии. 2011. №5. С. 40-43.

⁴⁰ При рассмотрении данного фактора необходимо также учитывать наличие замкнутости (капсулизации) различных социальных форм, например, диаспор, т.к. это может привести к «замыканию» единицы величины социального пространства и разрыву «единой социальной ткани» - фрагментации общества, что, по Э.Тоффлеру, может привести к диверсификации ценностей. *Прим. автора.*

⁴¹ См.: Ситуационный анализ или анатомия кейс-метода / Под ред. д-ра социологических наук, профессора Сурмина Ю. П. Киев: Центр инновации и развития, 2002. С. 49.

Кризис российского государства в середине 90-х годов XX века сопровождался ростом преступности, наркомании и алкоголизма, резким социально-имущественным расслоением населения, что в свою очередь усилило социальную напряженность в государстве. Уровень социального неравенства, воспринимаемый в обществе как приемлемый, во многом зависит как от типа политической культуры, так и от постулатов главенствующей идеологии.

Например, несмотря на то, что, согласно формальному социологическому подходу, децильный коэффициент в СССР 1960-1980-х гг. находился на уровне 5-6:1, а реально был даже меньше, налицо были изошренная дифференциация и неравенство в доступе к товарам и услугам. Но как такового недовольства в обществе не наблюдалось. В настоящее же время при официально подтвержденном превышении децильного коэффициента (16:1) над критическим (13:1) разница доходов населения в Москве достигает значения 40:1. Однако латентное недовольство существующей ситуацией подавляется страхом потери доступа к полученным за последние годы потребительским возможностям.

Фактически, в российском обществе возникло состояние массовой фрустрации (от лат. *frustration* – обман, неудача) – конфликтного эмоционального состояния, вызванного диверсификацией и девальвацией прежних ценностей (или, по Э.Дюркгейму, социальной аномии), при отсутствии внятно сформулированной альтернативы. А также чувством утраты жизненных перспектив и, как следствие, агрессивного поведения либо замещения недоступных целей повышения статуса путем пьянства, наркотиков и вандализма.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время, как никогда ранее, обострилась проблема идентичности – одного из ключевых, по мнению ряда исследователей, параметров устойчивости⁴² социального пространства. Фактически, речь идет о несформированной российской идентичности, усугубленной деградацией идентичности советской: «Тема российской идентичности всплыла сразу после распада идентичности советской. Затем к ней несколько охладели, к тому же по ходу разобрав ее на отдельные направления (этническое, религиозное, социальное и т.п.), даже в сумме дающие лишь малую долю идентичности целого. Видимость сырьевого благоденствия позволила какое-то время прожить... > < Кризис не позволяет и дальше жить, не приходя в сознание. Теперь, перед лицом потребности в быстром, но глубоком самоизменении, проработка российской идентичности получает новые, куда более весомые импульсы: вчера это было просто важно – сегодня становится вопросом выживания», – отмечает отечественный ученый А.В. Рубцов.⁴³

В условиях наблюдаемого **кризиса идентичности**, не только человек и общество теряют основные ориентиры своего развития. Автор разделяет позицию А.В. Рубцова, что идентичность даже важнее идеологии, она представляет собой «единство ценностной ориентации и элементов социального знания».⁴⁴ «...если идеология это не только система идей, но и система институтов, то идентичность общности это также не только ментальное и духовное состояние, но и своего рода **институт**. Точнее составляющая многих институтов. > ... < Более того, институты идентичности в целом ряде случаев являются **государством**».⁴⁵

В свою очередь, кризис государственных ориентиров развития – их отсутствие

⁴² **Устойчивость** понимается как способность сохранять свою идентичность под воздействием различных факторов.

⁴³ Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ. 2009. С. 12-13.

⁴⁴ См.: Гуревич П. С. Социальная мифология. М.: Мысль, 1983. С. 117–118.

⁴⁵ Рубцов А.В. Указ. соч. С. 113-114.

или неприятие таковых обществом – может привести к деградации государства. Кроме того, высокий уровень коррупционности органов власти (Россия по «Индексу восприятия коррупции – 2011» Transparency Int.⁴⁶ занимает 145 место из 182) и их бездействие в решении проблем, значимых для общества, вызвали утрату государственной властью доверия населения⁴⁷.

Системный кризис и деструктивные тенденции в современной России уже превышают психофизиологические защитные механизмы населения. Некоторые процессы носят необратимый характер и в ближайшие 10-15 лет определяют качество экономически активного населения, а значит положение России в мировом сообществе.⁴⁸

Как отмечал профессор С.П.Перегудов, «многонациональность российского общества с большим культурно-этническим разнообразием предполагает особую сложность и противоречивость этноконфессиональных отношений, что напрямую влияет на характер и степень консолидации государства. С одной стороны, в этих условиях национально-государственная (политическая) идентичность неизбежно обретает полиэтнический характер, и ее становление оказывается гораздо более трудным делом, нежели в так называемых национальных государствах. С другой стороны, сплошь и рядом выходят на поверхность националистические настроения, способные на практике привести не только к острым конфликтам, но и к сепаратистским, дезинтегрирующим последствиям».⁴⁹

Чем же особенно опасен национализм в России – как раз тем, что он «серьезнейшим образом осложняет отношения между двумя основными национальными общностями – русской (православной) и нерусской (преимущественно мусульманской)»,⁵⁰ тем более, что как русский национализм, так и нерусский «далеко не однороден, в нем присутствуют и умеренная, и экстремистская фракция»⁵¹. Учитывая факт усиления протестных (до уровня экстрима) настроений в российском обществе в связи с напряженными межнациональными отношениями (данный факт зафиксировали все без исключения социологические службы еще до событий на Манежной площади 11 декабря 2010 г.) необходимо более подробно остановиться на рассмотрении его особенностей.

Классическое определение экстремизма (от фр. *Extremisme* или от лат. *Extremus* – крайний) – это приверженность крайним взглядам и, в особенности, мерам (обычно в политике).⁵² Как отмечает профессор В.Ф. Пилипенко, «среди таких мер можно отметить провокацию беспорядков, террористические акции, методы партизанской войны. Наиболее радикально настроенные экстремисты часто отрицают в принципе какие-либо компромиссы, переговоры, соглашения. Росту экстремизма обычно способствуют: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, тоталитарный политический режим с подавлением властями оппозиции, преследованием инакомыслия».⁵³

⁴⁶ См.: <http://cpi.transparency.org/cpi2011/>

⁴⁷ См.: Факторы и акторы дестабилизации: опыт прошлого и современность. С. 107-108.

⁴⁸ См.: Фомин М.В. Вихри глобальных рисков и стратегия развития России С. 40-43.

⁴⁹ Перегудов С.П. Россия: общество рисков? / Материалы семинара «Россия: общество рисков?» в ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, 20 мая 2011г. // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 97.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Опр. по: Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник / Автор-сост. профессор В. Ф. Пилипенко. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005.

⁵³ См.: Там же.

В России, в соответствии со ст.1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и т.д.⁵⁴

В целом же, как отмечает со-координатор Международного Движения по защите прав народов В.Д. Трофимов-Трофимов, экстремизм не всегда связан с политикой и может распространяться на все виды человеческой деятельности: «Экстремизм – это идеология допустимости использования крайних мер, экстремумов социального поведения, для получения желаемого эффекта».⁵⁵

Этот тезис подтверждают так же и другие исследователи. Например, профессор И.Ю.Сундиев, в одном из своих выступлений отметил тот факт, что «экстремизм, как навязываемая оболочка, всегда является внешним по отношению к эндемичному радикализму. Особенно хорошо это заметно на трендах, приписываемых мировыми и российскими, вместе с ними, средствами массовой коммуникации российскому молодежному экстремизму».⁵⁶ Каковы же нынешние основные тренды российского молодежного экстремизма – возможной будущей «пехоты террора»? (см. Рис.)

На первом месте «фашизм», в содержание которого включают национализм, расизм, гомофобию (более 60% всех характеристик насильственных действий молодежи)⁵⁷. Его зеркальным отражением является «анти-фа» [не путать с классическим определением антифашизма], включающий в себя космополитизм, глобализм, гомосексуальность, предельно агрессивное неприятие «фашизма», гомофобии и патриотизма. Уникальность противостояния этих трендов в противоположности не только политической, но и сексуальной ориентации. Третий тренд – религиозный фанатизм. Если два-три года назад речь шла исключительно об исламском фанатизме, то сейчас сюда добавилось неоязычество. Четвертый тренд – этнократизм. Таким образом, сформировалась устойчивая система взаимосвязанных трендов («фа – анти-фа», фанатик – этнократ), которая в медийном пространстве способна мгновенно «подогнать» любой радикальный выплеск под актуальную для заказчика роль.⁵⁸

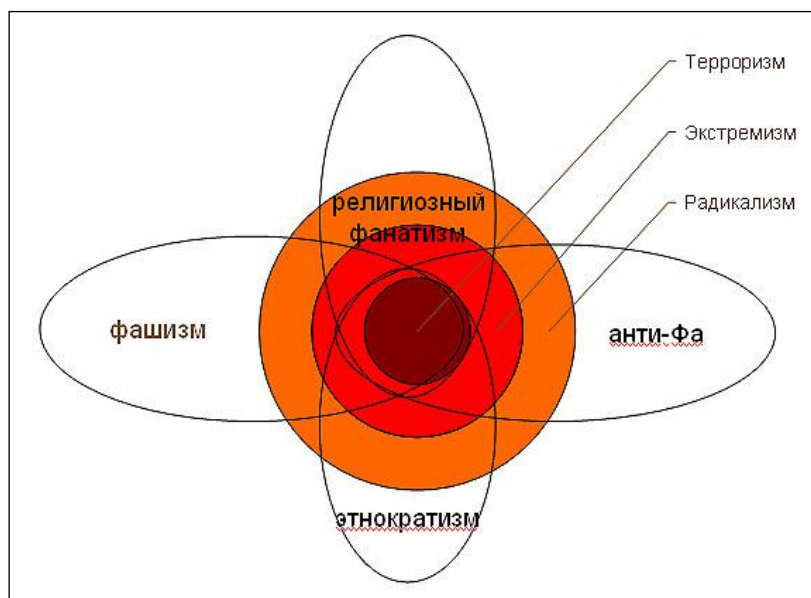
⁵⁴ См.: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. № 138-139, 30.07.2002.

⁵⁵ См.: Трофимов-Трофимов В.Д. Экстремизм / <http://ttrofimov.ru/2011/07/ekstremizm/>

⁵⁶ См.: Экстрим и экстремизм современной России. Доклад проф. И.Сундиева на семинаре Центра методологии и информации ИДК 19 января 2010г. <http://www.dynacon.ru/content/articles/375/>

⁵⁷ Подробнее см.: Василенко В.И. Терроризм как социально-политический феномен. М.: Изд-во РАГС, 2002.

⁵⁸ См.: Экстрим и экстремизм современной России. Доклад проф. И.Сундиева.

Основные тренды и течения молодежного экстремизма

Источник: Экстрим и экстремизм современной России. Доклад проф. И.Сундиева на семинаре Центра методологии и информации ИДК 19 января 2010г.

И здесь самое важное то, что так же отмечает профессор Сундиев – эти тренды стали ориентирами в системах социальной ориентации молодежи: «Юношеский радикализм, чаще принимающий формы демонстративного нонконформизма, явление повсеместно распространенное. В свою очередь – экстремистами, а, тем более, террористами – становятся считанные единицы. Конечно, в кризисных ситуациях многие ситуативно способны на экстремистские действия и поступки, но об этих своих способностях они, до поры, даже не догадываются. Ситуативный экстремизм и осознанное членство в экстремистских организациях – явления разно порядковые. Тем не менее, в любом, даже самом благополучном обществе можно выделить фиксировано стабильное количество (4-6% от общей численности) ультрарадикальных членов, готовых совершать и обосновывать любые формы насилия по отношению к другим людям».⁵⁹

Если проанализировать статистику⁶⁰ расистских и неонацистских нападения в 2004–2011 гг., то можно выделить следующие особенности. Отмечается рост числа убитых в 2004–2008 гг. в 2,4 раза, с последующим падением от 2008 к 2011 году – в 5,8 раз (в 2004 – 50 убитых, в 2008 – 116, в 2011 – 20). Число избитых и раненых также было подвержено росту – в 2004–2008 гг. – в 2,8 раза, с последующим падением в 4,2 раза (в 2004 году – 219 человек, в 2007 – 623, в 2011 – 148 человек).

Рассматривая статистику преступлений по этническому признаку, нельзя не отметить рост числа нападений (включая убийства) на уроженцев Центральной Азии и Кавказа. Но отдельного внимания заслуживает «взлет» числа избитых и раненых среди представителей молодежных субкультур и левацкой молодежи: до **30 раз** в 2004–2005 гг. и до **50 (!) раз** к 2007 году с последующим значительным падением.

⁵⁹ См.: Там же.

⁶⁰ Статистика приведена специалистами Информационно-аналитического центра «СОБА» (<http://sova-center.ru>) по данным МВД России.

Данное явление можно объяснить, с одной стороны, ростом конфликтов внутри молодежной среды – например, уже упоминаемое выше противостояние «фа – антифа», а с другой, ответными акциями и отпором, в том числе организованным, который был дан «неславянскими» этническими группами. В целом, снижение числа убитых и раненых в результате расистских и неонацистских нападений, обусловлено, прежде всего, усилением работы профильных подразделений МВД и ФСБ: агентурной деятельности, нейтрализацией лидеров и активных членов группировок, профилактикой данного вида преступлений и более качественной работой в социальных сетях и интернете – выявления предпосылок действий и мест проведения возможных акций и «экссов».

Однако, некоторые специалисты⁶¹ считают, что в недалекой перспективе нас снова ожидает рост числа подобных преступлений – с одной стороны, в виду смены поколений и передачи «романтики», а с другой – из-за нерешенных проблем: кризиса духовности, демографических и миграционных вопросов, слабой профилактики алкоголизма и наркомании, отсутствия мобилизационных проектов и субъектов, увеличивающейся поляризации доходов и расслоения социума, невозможности самореализации и социализации, трансформации информационных технологий и киберпространства, роста числа девиантных молодежных субкультур и пр., т.е. всего того, что способствует формированию питательной среды экстремизма и терроризма – идеологическому кризису и вакууму.

Кроме того, возросла ответная реакция населения на экстремистские преступления – прежде всего, количество массовых столкновений и драк. Так в 2009-2010 гг. количество массовых драк выросло минимум в 2 раза, а количество убитых в них – в 1,7 раза.⁶² Особенно выделяются регионы Юга России и Северного Кавказа, где высокая протестная активность, по сравнению с остальными регионами России, «особенно тревожит, поскольку протекает на фоне усиливающейся криминально-террористической войны. Нередко организатором или катализатором акций протеста являются клановые структуры (особенно в межэтнических коллизиях).

Вовлекая целые народы в противостояние, кланы повышают общий «градус недовольства», зачастую призывая к незаконным действиям. В таких условиях недовольство властью, недовольство ее действиями фактически приводят к полной делегитимации государственных институтов, слабости и уязвимости государства в целом».⁶³ Тем более, что в этих регионах особенно обострены проблемы государственно-конфессиональных отношений, существуют линии разлома как между русской (православной) общностью и нерусской (мусульманской), так и внутри самой мусульманской общности – разделение ее на светское общество, традиционалистов (основные особенности – борьба за власть и влияние в Духовных управлениях мусульман – ДУМ, конфликты между шейхами и их мюридами, попытки создания альтернативных ДУМам религиозных структур) и салафитов (исповедуют только «чистый» ислам, обосновывают необходимость террора, проповедуют джихад против России и создание исламского государства).

Учитывая продолжающийся цивилизационный дрейф мусульманских республик Северного Кавказа России в сторону исламского фундаментализма, все это может привести к еще большему расколу общества, неприятию модернизационных идей, росту насилия, обособлению Северного Кавказа и попытке его отделения от

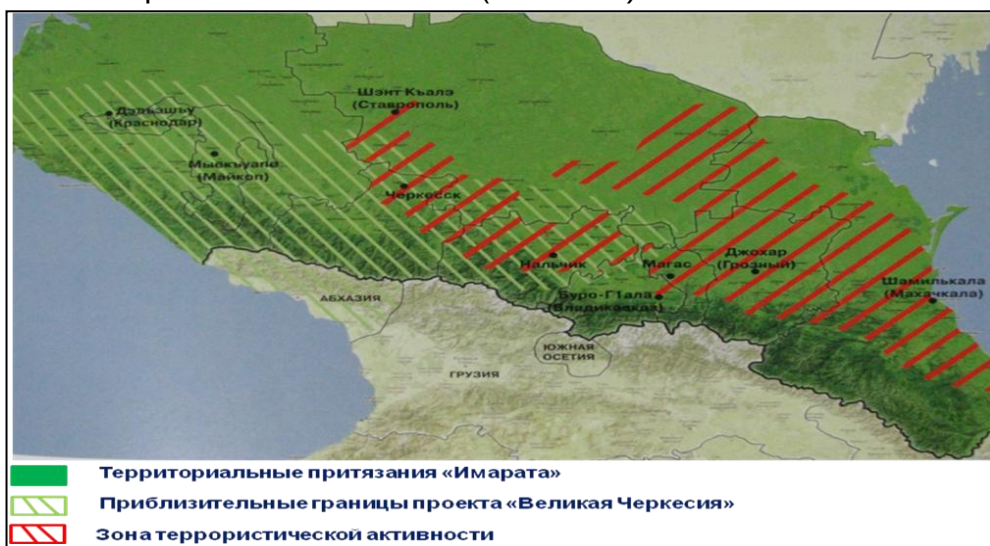
⁶¹ Например, проф. Я.Гилинский, ген.-майор В.Овчинский, проф. И.Сундиев и др. *Прим. автора.*

⁶² Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том V. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Специальный выпуск / Г.Г. Матишов, Л.В. Батиев, И.В. Пащенко, И.В. Романов. Ростов на Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С.21.

⁶³ Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том V. С.46.

России. Такого рода сепаратистские тенденции особенно хорошо прослеживаются на примере территориальных амбиций самопровозглашенного исламского «Имарата», предусматривающих захват и объединение всех территорий Северного Кавказа и Юга России до Ростова, Волгоградской и Астраханской областей включительно, и проекта «Великая Черкесия» – антироссийского проекта переустройства Северного Кавказа России путем захвата и объединения территорий Краснодарского края, Республики Адыгея, Карачаево–Черкесии, Кабардино–Балкарии, всей территории Абхазии, а также южной части Ставропольского края и северных частей Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия–Алания. (См. Рис.).

Данные проекты особенно опасны ввиду их инспирирования и поддержки извне как международными неправительственными организациями (НПО), так и откровенно исламистскими зарубежными организациями, сектами и террористическими группами. Кроме того, эти же организации поддерживают незаконные вооруженные формирования на Северном Кавказе, как, впрочем, и другие ареалы международного исламского терроризма, от Африки до Юго–Восточной Азии.

Виртуальный «Имарат» и агрессия против России

Источник: Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т.V.

Необходимо также отметить следующие факты жизнедеятельности Северокавказского террористического комплекса:

1. Постоянное кадровое пополнение/год ~ до 400 чел.; ликвидация / год ~ до 350 бандитов; постоянно действующих бандгрупп ~ до 80 (~ 1200 чел.); среда соучастия – до 10 000 чел.; среда сочувствия – до 100 000 чел.; все взрослое население – 2 700 000 чел;
2. Постоянно действующая взаимосвязь: чиновничество – подполье – криминал;
3. Существование криминально-террористического интернационала;
4. Свыше 70 НПО – помощь ~\$ 20 млн. в год;
5. Свыше 100 (из 20 стран) исламистских организаций, поддерживающих экстремистов;
6. Идеологическая война против России – свыше 15 постоянно действующих исламистских интернет-ресурсов.

Кроме того, принципиальное отличие нынешних исламистов (ваххабитов, салафитов) в том, что они не хотят никаких компромиссов и признают только единство в вере и отвергают этническое разделение. Фактически, национальная идея угасла, но на смену ей пришла религиозная. На наших глазах произошла такая значитель-

ная трансформация международного терроризма, включая «Аль-Каиду». Безусловно, это представляет серьезную угрозу для суверенитета, национальной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

По мнению Дэни Родрика, профессора политэкономии Школы госуправления им. Кеннеди Гарвардского университета, в настоящее время мы наблюдаем проявление «политической трилеммы мировой экономики»⁶⁴ – фактическую несовместимость экономической глобализации, демократии и существования национальных государств.

Как он утверждает в своей статье «Будущее Европы: Черная метка», «одновременно могут существовать только два пункта из трех. Демократия великолепно уживается с национальным суверенитетом, если исключить глобализацию. Но если мы стремимся к глобализации, сохраняя национальные государства, мы должны избавиться от демократии. Если же мы желаем демократию наряду с глобализацией, придется отказаться от национальных государств и перейти к наднациональному управлению»⁶⁵.

В то же время как отмечает профессор В.Л. Лобер, «состояние международных отношений, характерной чертой которых является рост взаимосвязи и взаимозависимости в мире, стало играть еще более важную роль в решении ключевых, основополагающих, особенно так называемых глобальных проблем, стоящих перед человечеством»⁶⁶.

Среди таковых глобальных проблем важное место занимают вопросы социально-политической стабильности, экстремизма, терроризма, контроля за киберпространством и др. В связи с тем, что в настоящее время «международные отношения уже нельзя ограничивать рамками межгосударственных отношений, так как они осуществляются не только на государственном уровне»,⁶⁷ в нахождении путей разрешения глобальных проблем участвуют как государственные структуры, так и международные и неправительственные организации, предприятия и отраслевые ассоциации, политические партии и объединения и т.д. Безусловно, все это оказывает колоссальное влияние на обеспечение национальной безопасности. Это особенно актуально в настоящее время для России, т.к. уже 6-7 лет, после 2004-05 гг., в нашей стране наблюдается состояние «нестабильной стабильности»,⁶⁸ что, по мнению многих исследователей, является достаточно опасным явлением, чреватым серьезными негативными последствиями.

В контексте устойчиво-безопасного развития матрица стабилизационных действий, по мнению автора, выглядит следующим образом (*Таблица*).

⁶⁴ См.: Родрик Д. Будущее Европы: Черная метка / <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/05/25/235297#ixzz1bllsguXt>

⁶⁵ См.: Там же.

⁶⁶ Лобер В.Л. Международные отношения: понятие, структура, историческая логика развития / <http://www.xserver.ru/user/mopsi/>

⁶⁷ См.: Там же.

⁶⁸ **Нестабильная стабильность** в данном контексте представляет собой процессы становления временной стабильности при отсутствии стратегической устойчивости. *Прим. автора.* См.: Шаповаленко М. В. Нестабильная стабильность транзитных обществ / Электронная библиотека юридической литературы «Правовед» // <http://www.pravoznavec.com.ua/books/320/24642/18/>

Таблица. Вариативность действий по поддержанию/обеспечению социально-политической стабильности

Природа дейст- вий власти Модальность гос. политики	Адаптивная	Преобразователь- ная
	Нахождение компромис- са	Интеграция
Кооперативная (стратегия вовлече- ния)		
Конфронтационная (стратегия противो- стояния)	Сдержива- ние	Изоляция

Источник: *Фомин М.В.* Россия. Матрица социальной (не) стабильности // МЭ и МО. 2010. №8. С. 66.

Здесь необходимо отметить следующее. При движении от сдерживания к интеграции невозможно не пройти через нахождение компромисса, равно как и от изоляции к интеграции. Но, с другой стороны, достаточно легко при нахождении компромисса дойти до сдерживающих или до изолирующих акций.

Взаимодействие внутренних процессов в различных социально-экономических системах с внешними условиями и внутренними возможностями является определяющим фактором качественного изменения. Но следует быть готовым к тому, что побочным эффектом этого процесса окажется противостояние между укреплением стабильности и обновлением системы. Поэтому на стадии стабилизации будет достаточно сложно найти компромисс между стабильностью и свободой. Кроме того, существующая в России проблема региональных диспропорций – это не только социально-экономическая проблема, это угроза национальной безопасности и территориальной целостности, т.к. во время экономических кризисов возможно возникновение тенденций сепаратизма. А в случае еще и длительного нахождения государства в состоянии «нестабильной стабильности» или нарушения политического баланса, перспектива генерации и радикального проявления сепаратизма остается вопросом времени и конкретного триггера – критической ситуации, мотивированной активности неформального лидера, пассивности федерального центра, наличия внешнего участия и т.д.

Условиями для успешного развития и выхода из кризиса являются не только совместные действия власти и организованного бизнеса, реализация стратегических проектов, но и реализация идеи социального и гражданского согласия. Но, как отмечал Карл Маркс, «для осуществления идей требуются люди, которые должны употреблять политическую силу».⁶⁹ И, следует добавить, что не только политическую. «Бархатные» революции, а именно: «оранжевая» в Украине, «революция роз» в Грузии, «тюльпанов» в Кыргызстане и попытка проведения революции «юрт» в Монголии, вооруженные выступления в Узбекистане, Армении и Молдове, события в Се-

⁶⁹ *Маркс К.* Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание соч. Т. 2 – М., 1955. С. 102.

верной Африке и на Ближнем Востоке, убедительно доказывают, какую опасность представляет для национальной безопасности одна лишь возможность проявления стратегической неустойчивости⁷⁰ государства. Это реальная почва для действий различного рода экстремистских и радикальных организаций. Другими словами, «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает *ad hominem*, а доказывает она *ad hominem*, когда становится радикальной».⁷¹

Безусловно, в случае проявления какого-то рода подрывных действий, обеспечивающих реализацию стратегии или создание «нового» миропорядка, в т.ч. описанных выше, государство обязано нейтрализовать их и обеспечить собственную безопасность. Даже если таковое обеспечение будет воспринято в обществе неоднозначно. Кардинал Ришелье в подобных случаях требовал «управлять своим намерением», что означало «наметить благотворное окончание своих действий, которые первоначально могли быть достойными порицания».⁷²

Тем более, что «социальная нестабильность, экстремизм и терроризм, незаконная миграция, пиратство, организованная преступность – все эти явления возникают в том случае, если государство, в силу каких-то своих причин не справляется со своими функциями, не справляется со своими обязанностями».⁷³

Это особенно актуально в настоящее время – когда на наших глазах происходит трансформация – переход от ситуации риска к ситуации сомнения: «Ситуация риска – это ситуация, в которой распределение вероятности различных возможных вариантов является в определенной мере объективным. В этом случае проблема выбора не представляет особой сложности. Ситуация сомнения – это, наоборот, такая ситуация, в которой не существует какой-либо объективной основы распределения вероятности. Здесь уже сделать выбор намного сложнее. Это тем более справедливо, чем меньше мы представляем себе последствия различных возможных вариантов выбора...».⁷⁴

Но благополучие страны напрямую связано с эффективностью действий институтов власти. Особенно в контексте нынешнего уровня состояния как политического процесса в стране – внутренне связанной последовательной смены состояний социально-политической действительности (в первую очередь ввиду возможной ибилизации⁷⁵ политической системы страны), так и социальной ситуации – имманентности⁷⁶ социальной системы, происходящих в результате совокупной деятельности социально-политических субъектов, направленной на удержание и использование политической власти, но усугубленных влиянием мирового финансово-экономического кризиса.

⁷⁰ Стратегическая устойчивость государства, позволяющая ему эффективно развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий, сохраняя свои системные характеристики и основные качества, является неотъемлемой составной частью национальной безопасности. *Прим. автора.*

⁷¹ Маркс К. Критика гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 422.

⁷² Блюш Ф. Ришелье. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 72.

⁷³ См.: <http://www.yaroslavl-2009.ru/ru/about/part85>

⁷⁴ Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // Жирар М. (рук. авт. колл.) Индивиды в международной политике / Пер с фр. М.: 1996., С. 134.

⁷⁵ **Ибилизация** – в данном контексте – современное состояние российской политической динамики, т.е. нарушение временного равновесия или эфемерного баланса основных политических сил. *Прим. автора.* Подробнее см.: Шаповаленко М.В. Указ. соч.

⁷⁶ По П.А. Сорокину, социальная система изменяется сообразно своим собственным ресурсам и свойствам, таким образом, изменение как имманентно (внутренне) ей присуще, так и неотъемлемо от нее. *Прим. автора.* Подробнее см.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М. Астрель. 2006.

Глава II. Этносоциокультурный конфликт и российские реалии

2.1. Современный российский национализм: особый случай или встраивание в мировой тренд?⁷⁷

Возникает вопрос о том, является ли современный российский национализм особым случаем или встраиванием в мировой тренд? В широком спектре этносоциокультурных противоречий и конфликтов далеко не последнее место занимает национализм в весьма разнообразных его формах и проявлениях. Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее раскрытие этого феномена, можно высказать ряд соображений по поводу основных черт и особенностей современного российского национализма и его совместимости или несовместимости с национализмом ряда других стран, где также наблюдается его развитие.

Существуют две основные ипостаси национализма в РФ, которые можно обозначить как национализм русский и «нерусский», причем этот последний зачастую, но далеко не всегда является антирусским.

Национализм русский в основном идентифицируется с той частью россиян, которые поддерживают лозунг «Россия для русских», и, судя по опросам, его поддерживает сегодня более 50% респондентов. Важно, однако, иметь в виду, что лишь не более 10% из них считают необходимым реализовать его «в полной мере», т.е. сделать Россию государством «русских людей» и готовых для достижения этой цели пойти на насильственные действия.

Что же касается основной массы тех, кто поддерживает указанный лозунг, то они согласны с ним лишь «в известной степени». А это значит, что их национализм носит весьма условный характер и нацелен не на вытеснение «иностранцев», а на обеспечение полноценного и полноправного участия «русского большинства» в общественно-политической жизни на всей территории Российской Федерации.

В плане организационном российский национализм также можно подразделить на две составляющие – экстремистскую и «управляемую», хотя, как и в первом случае чересчур жесткую грань между ними провести трудно, и в определенных ситуациях не исключено перетекание и людей, и организаций из одной, умеренной категории в экстремистскую (но не наоборот).

Национализм нерусский и антирусский концентрируется, в основном, в национальных республиках, а также в некоторых мигрантских диаспорах, формирующихся преимущественно в русских регионах РФ. Как и русский национализм, национализм в республиках существует в экстремистской и умеренной версиях, причем этот последний поддерживается и направляется как правило, самим республиканским руководством. Вопреки широко распространенному мнению, умеренный республиканский национализм в своем нынешнем виде, становясь полиэтническим, не нацелен на сепаратизм, а, напротив, все основательнее встраивается в общероссийский дизайн.

Но так же, как и две ипостаси русского национализма, экстремистская и умеренная составляющие национализма в республиках жестко не разведены и в принципе вполне возможно перетекание умеренного национализма или какой-то его части в экстремистское русло.

Сложившееся к настоящему времени раздельное существование русского и нерусского национализмов, несмотря на периодически происходящие эпизодические стычки между их отдельными группировками, не представляет сколько-нибудь серьезной угрозы ни для политической стабильности, ни для целостности страны. Существующий запрет на формирование политических партий по национальному принци-

⁷⁷ Автор - С.П.Перегудов, д.и.н., г.н. с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

пу и жесткая линия властей по пресечению массовых акций националистов в условиях такого разграничения служит достаточно надежным средством удержания националистических стремлений в рамках существующего правового поля.

Однако существуют вполне реальные риски прорывов националистических страстей за пределы этого поля, и связаны они с той пока что гипотетической экспансией экстремистского национализма, о которой говорилось выше. Представляется возможным вычленить два основных казуса возникновения такого рода рискованных ситуаций.

Первый из них – это столкновение адептов русского и антирусского национализма, выходящее за рамки контролируемых конфликтов и вовлекающие в это столкновение массы приверженцев умеренного национализма как в преимущественно русских регионах, так и в республиках. Наиболее вероятным триггером такого рода выходящих из-под контроля и расползающихся конфликтов может послужить какая-либо из периодически возникающих националистических разборок в случае, если она вызовет широкий общественный резонанс и спровоцирует цепную реакцию взрывного, не поддающегося контролю характера. В этом случае всплеск националистических страстей будет подчинен уже собственной, деструктивной логике.

Второй вариант возникновения и развития подобного рода неконтролируемых ситуаций в чем-то сходен с первым, но может стать реальностью в случае, если набирающий силу социальный протест обретет активный, массовый характер и создаст благоприятные условия для подключения к нему существующих экстремистских националистических организаций. Подключение это, обусловленное самой предрасположенностью радикального национализма к активному действию, превратит вышедший на улицу социальный протест в массовый и растекающийся по всем азимутам этно-политический конфликт с далеко идущими разрушительными последствиями для самого существования страны.

Несмотря на маловероятность подобного рода рискованных ситуаций, полностью исключить возможность их возникновения, к сожалению, нельзя, особенно в случае, если существующие аномалии в сфере социальных и этно - конфессиональных отношений сохраняются или тем более, усугубляются. Минимизация указанных рисков в решающей степени будет зависеть от тех усилий, который предпримет общественность и власть для изживания указанных аномалий и далеко идущей модернизации страны.

Если теперь обратиться к ситуации в сфере этнонациональных отношений, в тех странах, чье развитие шло в условиях прогрессирующего процесса демократизации и тем самым принципиально отличалось от российских, то мы обнаружим, что здесь также существуют два основных варианта национализма – широкого общественно-политического и более узкого этно-регионального.

Что касается первого, то его главными субъектами являются здесь национальные партии, опирающиеся на т.н. бытовой национализм и расизм «коренных» наций, а также этноконфессиональный расизм некоторых диаспоральных сообществ. Наиболее ярким примером партийно-политического национализма является собой Франция, где партия «Ле Пен» пользуется поддержкой почти трети избирателей. В некоторых других странах основными носителями националистических устремлений и установок являются партии консервативной ориентации (наиболее очевидный пример такого рода совмещения – консервативная партия Великобритании).

Национализм этнорегиональный становится все более весомым политическим фактором в целом ряде западных демократий. В последние годы он наиболее зримо обнаруживает себя в Испании, Великобритании, Канаде, отчасти – в Италии. При

этом происходит набирающая силу радикализация «национализма регионов и автономий».

Как и в России, обе составляющие национализма в странах Запада чреваты серьезными политическими рисками, однако и характер, и степени этих рисков здесь во многом иные.

Риск взрывного «бытового» национализма, несмотря на его выходы в партийно-политическую сферу, здесь значительно слабее, хотя миграционные потоки из бывших колоний ведут к возрастанию напряженности между «коренными» и «пришлыми» жителями и их общинами.

Зато риск «отпочкования» этнонациональных регионов здесь явно выше, чем в России (в условиях сохранения здесь относительной политической стабильности).

В свете сказанного можно констатировать, что, *несмотря на принципиальное различие ситуаций, национализм в России предрасположен к тому, чтобы постепенно встраиваться в общемировые тренды.*

Однако неперенным условием такого встраивания должны явиться, как уже было сказано выше, целенаправленные действия конструктивных общественных и политических сил по преодолению существующих этно-конфессиональных и социальных аномалий (конечно же, в рамках общей модернизационной стратегии).

Только при этом условии предсказываемые некоторыми СМИ (и не только ими) катастрофические сценарии останутся не более чем «страшилками», а риски останутся рисками, и не более того.

2.2. Тенденция к углублению кризисных явлений в политической жизни России⁷⁸

Одна из главных особенностей глобального кризиса в том, что он проявляется по-разному, выдвигает на первый план неодинаковые проблемы в разных частях современного мира. Общее между этими проблемами - неочевидность путей их разрешения и неопределенность самой перспективы преодоления кризисных явлений. Переход от авторитаризма к демократии во многих странах Латинской Америки, Южной и Восточной Европы породил иллюзию понимания существования общих закономерности этого мирового процесса на исходе XX в. и вызвал к жизни научную дисциплину - транзитологию. Однако порожденные ею теоретические конструкты в начале XXI века оказались поставлены под вопрос самобытным опытом Китая, ряда стран Юго-Восточной Азии. Россия же, как это не раз бывало в ее истории, также пошла своим путем. Надежды акторов демократической революции рубежа 80/90-х годов были перечеркнуты, переход стал совершаться не к демократии, а от одной формы авторитаризма (распадающегося тоталитаризма) - к другой. Но Россия, как страна преимущественно европейской культуры, хотя и особой ее ветви (вопрос ее цивилизационной специфики важен, но в рамках данной работы не рассматривается), вошла в переходный период от индустриального к постиндустриальному производству и обществу, которые с авторитарной политической системой несовместимы в принципе. Поэтому чем основательнее здесь институты демократии и гражданского общества, пробившиеся в годы перестройки и постперестройки, вытеснялись и заменялись симулякрами, тем более неотвратимо страна начинала вползать в *системный кризис*.

Специфика системного кризиса в том, что он может разворачиваться продолжительное время (иногда - десятки лет). Стадии обострения могут сменяться относительными смягчениями и по-разному затрагивать отдельные сферы социальной

⁷⁸ Автор – В.Л. Шейнис, д.э.н., г.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

жизни. Вышли ли события рубежа 2011-2012 гг. на уровень *политического кризиса* с его перепадами или разгоревшийся политический конфликт между властью и частью российского общества представлял одно из преходящих *обострений вялотекущего системного кризиса* - вопрос дискуссионный. Убедительный ответ на него даст только время. Но уже сейчас можно сказать, что обострение это имело собственные причины, непосредственно не связанные ни с экономикой, ни с воздействием внешних факторов. Конечно, несамодостаточная, периферийная российская экономика, посаженная на нефтяную иглу, структурно диспропорциональная, с падающими темпами экономического роста, отягощенная перенапряженным бюджетом, крайне уязвима. Но в данном случае дестабилизирующие импульсы шли не по традиционной цепочке: экономика - социум - политика.

Исходные временные точки наступившего обострения политической ситуации в стране - 24 сентября и 4-5 декабря 2011 г. Возникает искушение подменить причину поводом: объявленной рокировкой наверху властной пирамиды и откровенной фальсификацией итогов думских выборов. Событийная связка между откровенным пренебрежением, продемонстрированным властью по отношению к обществу, и вспышкой протестной активности, конечно, существовала. И все же речь скорее должна идти о глубинных, долговременных кризисных явлениях в отношениях власти и общества. Ибо ожидания в обществе, что либеральный курс, заявленный младшим членом тандема, будет продолжен, были не столь уж велики, а фальсификация результатов выборов в 2011 г. вряд ли серьезно превосходила то, что уже творилось в 2003 и 2007 гг. Вернее предположить, что созревавшее в предшествующий период общественное недовольство, размывающее негласный социальный контракт между властью и населением, перешло в новое качество. В известных событиях 2011-2013 гг. нашел выражение моральный протест продвинутой части общества, оценившей характер политического развития как тупиковый, пробудившееся чувство гражданского достоинства. Насколько этот сдвиг глубок, устойчив и продолжителен - как раз и составляет предмет дальнейших размышлений.

Прежде всего - *какое влияние открытые протестные выступления оказали на политическую систему, на курс внутренней и внешней политики*. В публичных дискуссиях на этот счет высказаны две крайние версии. Одна исходит из того, что налицо признаки агонии режима, который вступил в последнюю стадию своего упадка. Нам говорят: его кажущаяся устойчивость не должна никого обманывать: в истории не раз внешняя безмятежность власти предшествовала ее крушению. Что, правда, не обязательно обещает благие перемены: падение путинского режима может послужить воспроизводству самодержавия в новой персонификации.⁷⁹ Согласно другой версии, маловероятны радикальные изменения в обозримом будущем, будь то революционная смена власти, раскол элиты или перехват власти фракцией политического класса, взявшей за проведение реформ.⁸⁰

Информация о том, какие принципиальные решения обсуждаются и принимаются в "комнате с кнопками управления", как почти всегда в России, для общества - тайна за семью печатями. Отрывочные сведения, проникающие из закрытого "черного ящика", часто искаженные (иногда намеренно), не дают возможности обоснованно судить о том, что происходит в нем. По-видимому, первой реакцией на вызов, открыто брошенный режиму неожиданно большим числом протестантов, было замешательство. Сверху стали поступать противоречивые сигналы: квазилиберальные законопроекты уходящего дуумвирата и конфронтационная риторика заступающего

79. Л. Шевцова. Политические итоги 2012 года: последний этап упадка режима. - <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/231428>

80. Л. Гудков. Социальный капитал и идеологические ориентации. - "Pro et Contra", 2012, №3, с. 29.

на главный государственный пост. Последовавшие события показали тем, кто этого не уяснил раньше, что сколько-нибудь влиятельной либеральной фракции при кремлевском дворе не существует и что полнота власти, как прежде, де-факто, а теперь и де-юре сосредоточена в одних и тех же руках. В то же время в политическом курсе президента третьего срока аналитики усмотрели некоторые перемены. От идеологии всеобщей консолидации общества - к конфронтационной логике: противопоставление "человека труда" независимому гражданскому сектору. Акцентацию консервативных (семья, церковь, патриотизм в традиционалистской интерпретации и др.). Коррекцию правил игры внутри правящей элиты: дозированное вторжение в сферу коррупционных доходов и обрыв зарубежных связей тех ее представителей, кто поторопился создать "запасные аэродромы" на Западе и укрепить свою имущественную независимость от властителя.⁸¹

Отдадим должное этим наблюдениям. Главное, однако, в том, что была лишь несколько модифицирована комбинация знакомых приемов властвования при известном (но все-таки не запредельном) повышении роли силового и антиконституционного компонентов во внутренней политике и агрессивной риторики - во внешней. Было бы серьезным преувеличением сказать, что люди при власти пошли напролом во всех направлениях и перестали отдавать себе отчет в значимости отношений с Западом. Не подтверждаются и опасения, что какая-то авантюристическая группа из силовых кругов изготавилась к перехвату власти, реанимации тоталитарного режима и конфронтации с Западом на уровне и в формах советского периода. К тому же поведение правительств (и даже парламентов) демократических государств (вызывающие жесты - только на декларативном уровне) не дает оснований для такого разворота. Спустя примерно полтора года после всплеска протестного движения можно констатировать: власть отбила его натиск, осознала надежность инструментария, пока что позволяющего ей контролировать общество, и использует известные приемы социального и политического маневрирования.

Это, конечно, не снимает системный кризис установленного в России режима, не убирает вызовы, с которыми при неожиданно обострившейся ситуации он совладать не сможет. Кураторы, способствовавшие карьерному продвижению начинающего спецслужбиста, убежденного в том, что "жизнь, она такая простая штука на самом деле", отмечали среди его личных качеств "пониженное чувство опасности".⁸² Вероятно, родовая травма подобного рода свойственна многим, если не большинству лидирующих фигур нынешнего режима. Уверенность в способности прокладывать курс, не обращаясь к уступкам и компромиссам, казалось бы, подтверждает опыт - за все прошедшее время им ни разу не приходилось проходить трудные испытания: удачливым игрокам карта шла в руки.

Вероятно, осознание пусть не остроты, но глубины кризиса и необходимости кардинальных перемен - в том числе и в собственных долговременных интересах, во избежание горшей беды, - все же должно пробиваться хотя бы на периферии правящей элиты - среди отставных политиков и экспертной obsługi. Ведь в Кремле и вокруг него обитают не маразматические геронтократы позднебрежневского периода. Но если такое понимание и возникает, то его переводу в действия препятствует у одних убеждение, возможно, не обосновательное, что такие перемены невозможно реализовать здесь и сейчас без существенных потерь для тех, кто решился бы поступиться властью. А у других - ощущение слабости собственных позиций и исторически укорененная в сознании вменяемой части элиты капитулянтская установка, ко-

81. Соображения такого рода высказаны К.Роговым, М.Виноградовым и др. - см. "Новая газета", 27.02.2013; "Независимая газета", 1.03.2013.

82. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000, с.11, 34.

тору она почитает за разумную компромиссность: "годить", "по возможности", "хоть что-нибудь" и т.д. - все, что запечатлел гениальный Щедрин. К несчастью, иного толчка к началу некатастрофических перемен, кроме как раскол правящей элиты и переход власти к реформатору (-ам) хоть и не до конца осознающему (-щим) последствия своих действий, в сегодняшней России не видно.

Появлению такого (-их) реформатора (-ов) и тем более смене команды у рычагов власти обычно предшествуют сдвиги в настроениях и поведении общества. В середине первого десятилетия нового века, уже после вспышки протестов против монетизации бесплатных прежде услуг социологи, пристально вглядывавшиеся в состояние общественного мнения, пришли к выводам, побуждавшим к трезвой оценке ситуации. "В конце 80-х многим казалось, что из-под обломков коммунистического режима появится нормальный, свободный, активный человек, готовый для свободной жизни...- писал Ю.Левада. - Человек, которого мы начали изучать в 1989 г., оказался скорее растерянным и встревоженным, чем освобожденным". Увидев, что его надежды обмануты, он ушел из политики или, того хуже, пошел под иные знамена. Ситуация в общем выглядела следующим образом. Во-первых, "общественное недовольство и протесты сосредоточены в наиболее консервативных слоях и имеют скорее традиционалистский, чем авангардистский характер." Во-вторых, собственно протестный потенциал не следует переоценивать. В-третьих, и это самое главное, "рассеянное и беспомощное массовое недовольство" (его "позитивная" точка отсчета - в милитаризованном прошлом, а протест направлен прежде всего против "чужих" и "чуждых") "на деле служит средством нейтрализации и обесценивания протестного потенциала, а в более широком плане - средством оправдания сложившейся системы государственного произвола и общественной беспомощности".⁸³

Прошло несколько лет. Социокультурные сдвиги совершаются не быстро. Человека советского, нуждающегося в опеке государства, живущего как бы в крепости, осажденной врагами, лукавого, апатичного, никому не верящего ни слева, ни справа, ни сверху, ни снизу, рано хоронить, их все еще большинство. И вместе с тем что-то относительно новое, чего уже и не надеялись дожидаться, стали замечаться в последние годы. Нулевые годы закончились, простое к ним возвращение невозможно. Нарастает, хотя и неравномерно, отказ в доверии действующей власти, истаивает магия ее безальтернативности - считают исследователи Левада-Центра.⁸⁴ Такова общая оценка. Самое же интересное в социальных исследованиях последнего времени - выявление параметров нарастающей дифференциации российского общества.

Социокультурное размежевание в территориальном разрезе было выявлено в работах Н.Зубаревич, директора Независимого института социальной политики. В стране надо различать, показывает она, не две, а четыре России.

- Большие города, в которых сосредоточено от 21 до 36% населения (в зависимости от критерия численности жителей на один город). Особое место среди них занимает Москва (с меньшим отрывом от остальных - Санкт-Петербург.) Это зона постиндустриальной трансформации.
- Средние промышленные города (25%), включая самую нестабильную их часть - монопромышленные реликты советской индустриализации, заповедники советского образа жизни населения (10%).
- Периферия: малые города, поселки, деревня со стареющим населением, выживающим "на земле" и не замечающим смены властей (38%).

83. Ю.Левада. Человек недовольный? - "Вестник общественного мнения", 2006, №5, с.12-17.

84. Л.Гудков. Народ говорит. - "Независимая газета", 3.07.2012; Равнодушие - фундамент действующей власти. - "Новая газета", 1.02.2013; Б.Дубин. У людей есть запас солидарности. - "Новая газета", 6.08.2012; Сдвиг. - "Знание-сила", 2012, №11, с.55-62.

- Республики Северного Кавказа, Тыва и Алтай (около 6%) - зона, решительно отличающаяся от всех остальных.⁸⁵

Следующий шаг был сделан Л.Гудковым, директором Левада-Центра. Пространственные метафоры общества, представленные в типологии Н.Зубаревич, отмечает он, при всей их эвристичности и продуктивности, ограничены жесткой привязкой к территориальным образованиям. Между тем основные виды социокультурных структур ("идеальные типы" по М.Веберу) наличествуют во всех поселениях, но в различной концентрации.⁸⁶ Основные типы социального капитала, различающиеся по статусу, образу жизни, ценностям, поведению и т.д., представлены в России тремя главными массивами народонаселения: современным (ядро - порядка 20%), домодерным (20-25%) и антимодерным (35-40%).⁸⁷

Повышенное внимание социологов привлекли группы, которые положением в обществе, своим достатком и возможностями обязаны себе, а не государству. С существующим режимом большинство из них несовместимо цивилизационно, поскольку главным вектором развития почитает вестернизацию. Основные дефекты государственной системы большинство "модернистов" усматривает в непрозрачности и несменяемости власти, в закрытости механизмов принимаемых ею решений. Эти люди самостоятельны, обладают высоким уровнем квалификации, информированы (в Москве, например, Интернет сломал монополию государственного телевидения) и компетентны, знают иностранные языки, включены в современный мир. Именно такое меньшинство определяет судьбы иных стран. Без привлечения этого социального слоя, а тем более - пренебрегая его интересами и заостряя против него курс государственной политики, невозможно решить ни один вопрос современного развития. Но в России он политически не консолидирован и, в свою очередь, подразделяется на разные по взглядам и политическому поведению составляющие.

На протестные акции выходило меньшинство постмодернистского меньшинства (порядка 1,5-2%). Еще 8-10% - люди информированные, постоянно отслеживающие политические процессы в стране, имеющие собственный взгляд на происходящее, но не принимавшие непосредственного участия в деятельности существующих политических и иных общественных организаций. И, наконец, преобладающая часть (до 25 - 30 %) - более или менее пассивная зрительская масса, проявляющая спорадический интерес к событиям и имеющая непоследовательные и неустойчивые представления о том, что происходит в стране и мире.

Продвинутое в культурном отношении меньшинство территориально и социально обтекает другая Россия. Сюда также проникают стандарты общества потребления. Доверие к властям и здесь в последнее время пошатнулось. Свертывание социальной поддержки малоимущих, распространение платности "дармовых" прежде услуг здравоохранения, образования и жилищно-коммунального хозяйства, иные стандарты потребления и образ жизни вызывают у одних раздражение, у других - зависть и агрессию. Их представления и верования, которые определяются и объективным экономическим и социальным положением, и исторической памятью, консервативны

85.Н. Зубаревич. Перспектива: четыре России. - "Ведомости", 30-12.2011; Социальная дифференциация регионов и городов. - "Pro et Contra", 2012, №4-5.

86.Так, Москва всего более приближается к западноевропейским городам, но и в столице представлены крупные массивы традиционалистской, архаической культуры: привезенный из Афона пояс Богородицы привлек более миллиона богомольцев - ни одна политическая демонстрация не собирала столько москвичей и приезжих.

87.Л.Гудков. Социальный капитал и идеологическая ориентация. - "Pro et Contra", 2012, №3, с.6-31; Доклад на Ежегодной конференции Левада-Центра 23.01.2013.

и традиционны. Но политические ориентации домодерной и антимодерной России существенно разнятся.

"Традиционалисты" отчуждены от политики и не связывают с нею свое частное существование. Не доверяя и побаиваясь власти, они принимают основы существующего в стране порядка как должное и хотят верить, что они такими же и останутся, ибо альтернативы не видят или полагают, что она будет хуже. Голосуют они довольно дисциплинированно и так, как указывает начальство и рекомендует массовое ТВ. Иное дело - "антимодернисты", значительная часть которых приходится на моногорода с разваливающимися индустриальными гигантами, которые наносят вред окружающей среде и продукция которых не находит надежного сбыта. В современных крупных центрах это преимущественно занятые на предприятиях госсектора, в государственных учреждениях (бюджетники) либо живущие на небогатую пенсию или пособия. Многие из них пребывают во власти советских или уж совсем дремучих представлений, почитают соответствующих героев и символы и украшают жилища и рабочие места портретами верховного палача. От их имени выступают ловкие демагоги из их собственной среды и люмпен-интеллигенции. Они-то как раз и представляют наиболее устойчивую часть социальной базы режима. Таково наше общество, и не приходится удивляться, что мы имеем такую власть и такую оппозицию, какие есть.

Вернемся к событиям на Болотной площади в Москве и развернувшемуся вслед за тем протестному движению. Демонстрации, возвращавшие память о событиях более чем двадцатилетней давности, были неожиданностью и для власти, и для оппозиции. В ее рядах они породили эйфорию, преувеличенные ожидания. В течение двух-трех месяцев казалось многим: "еще напор, и враг бежит...". Между тем уличная активность горожан сразу к политическим сдвигам могла повести при двух условиях: если бы в политический контакт с противниками режима вступили их союзники (или хотя бы попутчики, добросовестные контрагенты) из правящей элиты и если бы активность и лозунги меньшинства встретили сочувствие в глубинных пластах общества. Или иначе: если бы на публичные акции отозвалась на порядок бо́льшая масса людей. Ни того, ни другого не было. И потому настойчиво заявленные требования: распустить нечестно избранную, а потому нелегитимную Думу и провести новые выборы повисли в воздухе. Повторить "опрокидывающие" выборы, которых в 2004-2005 гг. добилась украинская оппозиция, не получилось. И совсем уж нереальным было требование о проведении круглого стола "власть-оппозиция" для согласования условий смены власти. Отличие ситуации в России, скажем, от Польши 1989 г., где за спиной переговорщиков со стороны оппозиции стояли 10 млн. членов "Солидарности"- практически все взрослое население страны, было очевидным. И потому лозунг проведения круглого стола был не практичен даже как запросная позиция.

Когда стало ясно, что настойчиво повторявшиеся под одинаковыми лозунгами шествия в столице и угасавшие выступления в других городах есть не что иное как попытки открыть запертые двери, начались поиски средств, которые могли бы придать протестному движению новое дыхание. Прозвучали призывы изыскать харизматичного лидера, способного объединить разные потоки движения и привлечь новых сторонников. Никто из тех, кто выходил на трибуну и заслужил толику популярности, на такую роль (вспомним Ельцина на рубеже 80-90-х годов) явно не подходил. Вряд ли, однако, следует сокрушаться по этому поводу. Менее всего современные проблемы России могут быть решены харизматиком, оседлавшим популистскую волну. Пробудившееся движение выполнит свое предназначение, если не просто разрушит существующий режим, но и сможет заместить его политической структурой, способной повернуть страну на путь демократического развития. Для этого по-

пулизм, хотя бы и очень на первый взгляд привлекательный и многообещающий, - опасный наркотик.

Исторический опыт свидетельствует, что когда легитимность властвующей элиты начинает размываться, претенденты на замещение ее лидеров возникают как бы из воздуха. Гораздо сложнее дело обстоит с формированием организационно-политических структур, способных дать движению реалистическую программу действий и осуществить широкую политическую мобилизацию в ее поддержку. Протестное движение выдвинуло две структуры, претендующие на такую роль. Одно из них - Клуб 12 декабря, возникший сразу вслед за выборами 2011 г. На первых порах инициаторы создания клуба попытались привлечь в его состав разнообразный круг лиц: известных демократических политиков и руководителей общественных объединений, организаторов протестных акций, ученых, писателей, деятелей искусств, журналистов. Была поставлена задача разработать и предложить обществу "системную альтернативу не только авторитарному режиму, но и полуразрушенным, не работающим государственным институтам... Пройдет не так много времени, и мы встанем перед необходимостью самим перестраивать наше государственное здание. Пора работать над чертежами."⁸⁸ Клуб был задуман, следовательно, как непартийная (в отличие, скажем, от Якобинского клуба времен Французской революции) надпартийная структура, мозговой центр оппозиции, который, опираясь на сосредоточенные в нем интеллектуальные силы сумеет предложить различным течениям оппозиции объединяющую их развернутую программу преобразований во всех областях государственной жизни. Для решения этой задачи было сформировано шесть рабочих групп. Скоро, однако, стало ясно, что общественные изменения протекают не столь стремительно, как ожидали, и предсказанный "крах власти" в ближайшей перспективе не просматривается. Единственная рабочая группа, до размеров которой скукожилось многолюдное поначалу собрание, занялась сценарной разработкой возможных вариантов развития событий до и после условного "часа X". Работа эта не бесполезна, но общий замысел оказался замороженным и в "сухом остатке" дал еще одну квалифицированную экспертную площадку, дополняющую существующие уже в Москве, а не объединившую их.

С самого начала в Клубе 12 декабря наметилось размежевание между аналитиками и гражданскими активистами нового поколения. Они объявили, что им не требуется ни новая Конституция, ни разработка законодательства, ни нынешние партии, ни их лидеры. Большинство из них прекратило деятельность в структурах Клуба и занялось созданием оперативного центра - Координационного совета (КС) оппозиции. КС был сформирован голосованием в Интернете, в котором участвовали более 100 тыс. граждан, добровольно включившихся в процесс выдвижения и отбора кандидатов. Строгая процедура была продумана и опробована в действии небольшой группой инициаторов. В социальную практику был, кажется, впервые введен перспективный, использующий возможности современной техники способ общественной самоорганизации. КС, как рассчитывали, сможет не только отрабатывать стратегию и тактику протестного движения, но и обеспечит для него адекватную структуру. Однако едва КС конституировался, выяснилось, что роль объединяющего центра оп-

88. Под Учредительным меморандумом и Обращением Клуба 12 декабря стояла 61 подпись. На первое заседание 6 февраля 2012 г. были приглашены 170 человек. В меморандуме "О системной альтернативе", принятом на этом заседании, говорилось, что в России настало время "стремительных общественных изменений", "власть, не успевающая за обществом, обречена", и к моменту, "когда это обернется для нее крахом", участники клуба должны заслужить "право сказать политикам из числа наших сторонников, которые неизбежно придут на смену обанкротившейся власти: мы знаем, что сейчас надо делать, мы знаем как надо делать". - Материалы Круглого стола 12 декабря. Архив автора

позиции он выполнить не может. Во-первых, потому что нереально объединение всех антивластных потоков. Оппозиция слишком разнородна: попытка не только объединить, но и эффективно координировать действия сил, в ряде случаев отстоящих друг от друга не ближе, чем от власти, - стратегия крайне сомнительная, как и квотный принцип формирования КС. Места в нем были зарезервированы для идейно и политически несовместимых направлений. Последовали неизбежные расколы и отставки, ибо нельзя договариваться о ближайших шагах, не задумываясь о последующих, которые далеко разведут и противопоставят шагающих сегодня рядом демонстрантов. Во-вторых, оказалось, что кроме как организацией уличных акций Координационному совету в полном составе заниматься нечем.

Шествия и митинги, на которых гремела обличительная риторика по поводу нечестных выборов, сыграли свою роль. Они были своего рода смотром сил, открыто заявивших антирежимную позицию. Это сильный инструмент просвещения общества и давления на власть. Инструмент экстраординарный. От частого применения его воздействие ослабевает. Люди не станут выходить на одни и те же площади, если их требования никто выполнять не собирается. Тем более, что после короткого замешательства власть направила против демонстрантов весь сохранившийся в ее распоряжении набор средств - от разного рода запретительных или ограничительных предписаний и управляемых судов до инфильтрации провокаторов в ряды протестующих, избирательных задержаний и арестов. А затем показала, что способна, мобилизуя своих сторонников всеми доступными ей средствами, добиваться численного превосходства на собственном поле оппозиции. Ведь число протестантов ни в столице, ни тем более в стране в целом не подошло к той критической массе, которая может принудить власть к отступлению.

Остается поле, на котором оппозиция может и должна вести систематический спор с властью, - выборы. Тезис этот не бесспорен. Сторонники неучастия в выборах утверждают, что на выборах партиям несистемной оппозиции приходится отнюдь не на равных вести борьбу не с привластной партией, а с мощной государственной машиной, нацеленной на достижение предустановленных показателей (как заряжена была советская плановая система на производство своих показателей). Итоги голосования предъявляются в фальсифицированном виде, а суды санкционируют беззаконие. Все так. И все же выборы - основная, а подчас и единственная сфера доступной публичной политической деятельности для партий оппозиции. Результативность их участия в избирательных кампаниях не следует переоценивать, и существующие ныне условия не обещают демократическим силам выдающихся успехов на предстоящих выборах. И все же выборы не всегда и не везде абсолютно подконтрольны властями. Достижение даже частных, локальных результатов будет проверять жизнеспособность оппозиции.

Кажется поразительным, что власть, добившись высокой степени управляемости общественными процессами и оттеснив несистемную оппозицию в политическое гетто, столь трепетно относятся к выборам. Рейтинг - не учитываемый социологическими службами, а получаемый на выборах, - важное средство управления массовым сознанием и едва ли не главное обоснование ее легитимности. К тому же достижение электоральных показателей расценивается как свидетельство дееспособности всех нижестоящих звеньев аппарата власти, их способности выполнить поставленные задачи. Но сопоставление даже официальных данных об итогах последних федеральных выборов (2007 и 2011 гг.), к которым власть особенно чувствительна, показывает ослабление позиций привластной партии. Сверх того оценкам экспертов, основанным на протоколах участковых избирательных комиссий, которые были собраны 25-30 тысячами наблюдателей по всей стране, Единой России в 2011

г. было приписано порядка 15% из официально объявленных 49,3% голосов.⁸⁹ Вероятно, последующие выборы будут становиться для их организаторов все более проблемными, а политическую повестку дня будет во многом определять электоральный календарь.

Для сторонников мирного пути преобразования политической системы участие в выборах имеет первостепенное значение. Само их участие - важный способ организации и мобилизации структур гражданского общества. Решающую роль на выборах закон отводит политическим партиям. Поэтому так вреден антипартийный синдром, укоренившийся в немалой части населения, в том числе в его социально продвинутых, современных группах. Привлечение этих людей на выборы и их голосование за демократические партии могли бы существенно оздоровить ситуацию в основных центрах страны. Выборы представляют определенные возможности вовлечения в публичную политику и инертных пока слоев населения. Обширное поле деятельности - агитация, просвещение граждан, наблюдение за порядком проведения выборов и подсчетом голосов и т.д. - открывается на выборах перед общественными организациями. Ибо именно в политической сфере могут достигаться осязаемые, публичные и необратимые результаты их деятельности, от чего в конечном счете зависит сила и авторитет в массах этих организаций.

В заключение обратимся еще раз к выводу социологов о завершении эпохи нулевых годов. Хотя динамика протестного движения менее всего представляет победный марш и, весьма вероятно, будет и далее показывать подъемы и спады, в политической жизни российского общества происходит нечто необратимое. Прав, вероятно, К.Рогов в том, что существующий режим столкнулся с перспективой не немедленной утраты власти, а пока еще цугцванга. Протестное движение исподволь формирует предпосылки изменений в расстановке сил в элитарных кругах и способствует расколу правящей элиты в будущем. В основе прежнего (и распространяющегося пока на большинство населения и окол властных групп) консенсуса "лежит не только политика "кнута и пряника" - способность наказывать нелояльных и поощрять лояльных, - но и фактор политической поддержки "снизу", повышающий издержки элитных групп при выборе конфронтационной стратегии".⁹⁰ Наметившийся переход "модернистского" меньшинства, все более проникающегося сознанием несовместимости своего бытия с режимом "управляемой демократии", в оппозицию как раз и ставит правящую группировку в положение, при котором любой ее последующий шаг подрывает, а не укрепляет ее позиции. Сумеет ли нынешнее поколение российских граждан использовать этот сдвиг, покажет время.

2.3. Этнический национализм или баланс межэтнических интересов: роль языка и его преподавания в сохранении межэтнического согласия в Республике Татарстан⁹¹

Поднятая в ходе обсуждения проблема концептуализации этничности имеет ключевое значение для осмысления характера межэтнических отношений. Она находит свое отражение, например, в наличии в нашей стране национальных республик, имеющих помимо русского языка также и другие государственные языки. Одной из таких республик является Татарстан, имеющий также два государственных языка: русский и татарский

⁸⁹ <http://www.vybory.izbirkom.ru/>; "Вестник общественного мнения", 2012, №3-4, с.142; "Новая газета", 23.01.2012.

⁹⁰ К.Рогов. Политические циклы постсоветского транзита. - "Pro et Contra", 2012, №4-5, с.6-7.

⁹¹ Автор - С.Р. Закирова, аспирант ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

Язык часто называют стержнем этничности, поэтому его сохранение является необходимым не только для существования и развития этноса. Сохранение языка важно для поддержания баланса отношений различных этносов. Язык, как инструмент общения может поддерживаться различными способами: проведением всевозможных конкурсов по знанию языка, различных фестивалей, созданием и развитием различных площадок для общения на этом языке, телевидением, радио и прочими СМИ, ведущими свои программы на определенном языке и пр. Однако каналом, имеющим наибольший «охват аудитории», является изучение языка в школе. Дело в том, что обучение в школе в нашей стране, т.е. получение среднего образования, является обязательным для всех, имея возможность воздействовать на весьма широкие массы населения. Таким образом, школьные предметы имеют очень широкий, если не абсолютный «охват аудитории», т.к. есть очень мало людей, не обучавшихся в школе. Изучение школьных предметов также является обязательным.

В Татарстане конституционно закреплено равноправие двух государственных языков (Ст. 8 раздел 1 Конституции РТ).⁹² Более подробно о равноправии языков говорится, в частности, в законе «О языках народов Республики Татарстан».⁹³ Исходя из этого документа, татарский и русский языки являются обязательными для изучения в школах республики. Согласно ст. 9 вышеупомянутого закона: «...Государство обеспечивает гражданам в Республике Татарстан условия для изучения и преподавания родного языка ... Татарский и русский языки в общеобразовательных учреждениях и учреждениях начального и среднего профессионального образования изучаются в равных объемах».⁹⁴ Именно в связи с обязанностью государства обеспечить не только полноценные возможности для изучения языка, но и равный объем изучения, связано довольно много критики. Последнее утверждение будет рассмотрено в статье немного позже.

Необходимо отметить, что татарский язык стал изучаться школьниками в обязательном порядке с начала 90-х годов, т.е. со времени «парада суверенитетов», лидером которых была Республика Татарстан. Стремление властей республики к независимости проявилось во всех сферах политической жизни: культурной, экономической, особенно во внешних контактах с другими государствами, образовательной, языковой и пр. Статус языка как предмет политических дискуссий, а именно татарский язык, как родной для татарской половины республики, стал важен не только из-за своей высокой значимости, как инструмента общения и обучения. Язык, как уже было сказано, основа передачи этничности, без которой сложно представить полноценное и долгосрочное развитие любого этноса. Если же говорить о татарской идентичности, здесь дело не обстоит иначе. Татар в республике 52, 9 %⁹⁵ населения, т.е. большинство, при этом преобладающая часть татар исповедуют ислам. Примечательно, что состав республиканской элиты, который претерпевает мало перемен в последние годы, в абсолютном большинстве представлен татарами-мусульманами.⁹⁶ Т.е. их идентичность можно охарактеризовать как татарскую по эт-

⁹²Официальный Татарстан. Правительства Республики Татарстан. Конституция РТ. Доступ: <http://prav.tatarstan.ru/docs/const/razdel1.htm>

⁹³ Национальная библиотека Республики Татарстан. Закон РТ от 08.07.1992 N 1560-XII (ред. от 03.03.2012) "О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан". http://kitaphane.tatarstan.ru/rus/legal_info/zrt/lang.htm

⁹⁴ Там же

⁹⁵ Республики Татарстан, Архив Официального сервера 1997-2011 гг. Доступ: http://1997-2011.tatarstan.ru/?DNSID=3a848c4b05776a007b359e2bf917df45&node_id=33

⁹⁶ Например, по данным за 1994 г. – 78, 9%. Источник: Политнаука – Политология в современном мире. М.Х. Фарукшин «Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации». Доступ: <http://www.politnauka.org/library/ELIT/farukshin.php>. Даже если предположить, что сейчас в эли-

ническому признаку и мусульманскую по конфессиональному признаку. Именно утверждение этой «доминирующей» по численности этничности можно проследить в действиях властей с начала 90-х и до нашего времени.

Поскольку в отношениях с федеральным центром республиканские власти делали акцент на возрождение татарского этноса, которому, по их мнению, не давали возможности полноценно развиваться (т.е. имеет место ущемление татарской самобытности и утверждения татар как этноса со своей культурой, традициями, обычаями), то логически понятной становится и их позиция, связанная с приданием татарскому языку наравне с русским статуса государственного. Однако не стоит забывать, что речь идет не только о составной части культурной политики, но и об экономике. Ведь законодательное закрепление татарского языка должно быть обеспечено в том числе и финансовыми ресурсами. Т.е. второй государственный язык должен принести, и принес республике дополнительное финансирование на обеспечение использования татарского языка наравне с русским. Стоит отметить, что с приданием татарскому языку статуса государственного перемены прямо затронули «официальную» сферу использования татарского языка. Например, в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления работа должна вестись на татарском и русском языках, а в республиканских документах оба языка используются равнозначно.⁹⁷ Однако, в деятельности, например, органов местного самоуправления в общении превалирует русский язык.

Закрепление статуса второго государственного языка коснулось органов государственной власти, культурной сферы, и, разумеется, не могло не затронуть образование. Т.к. школьное образование является обязательным, как уже было сказано, и финансируется государством, то тот факт, что татарский язык входит в базовую школьную программу республики имеет долгосрочные последствия и касается больших групп людей. А значит, исследования в этой области важны не только с теоретической точки зрения. Они важны и с практической точки зрения, т.к. могут способствовать сохранению или, наоборот, тормозить утверждение «баланса идентичностей», наиболее крупных по численности: татарско-мусульманской (52, 9%) и русской-православной (39, 5%);⁹⁸ могут способствовать или, наоборот, препятствовать утверждению имиджа региона, как оплота равенства не только этносов и конфессий, но и языков.

Татарский язык и литература изучаются в школах республики по 5-8 часов в неделю в зависимости от образовательной программы, как говорит об этом министр образования и науки РТ Альберт Гильмутдинов.⁹⁹ Такое же количество часов отводится согласно новым образовательным стандартам русскому языку. Таким образом, с точки зрения законодателей и политиков соблюдается равноправие. Однако так считают не все. В частности, в Татарстане уже не первый год имеют место недовольства групп родителей, связанные с тем, что, по их мнению, татарский язык изучается в объеме, большем, чем русский. Последнее снижает шансы учеников сдать так необходимый ЕГЭ по русскому языку на высокий балл. Среди недовольных родителей школьников есть как русскоговорящие, так и татароговорящие. Таким обра-

тах произошли перемены, все же это коренным образом это не изменило ситуацию, и татары-мусульмане составляют большинство в республиканской элите и сегодня.

⁹⁷ Национальная библиотека Республики Татарстан. Закон РТ от 08.07.1992 N 1560-XII (ред. от 03.03.2012) "О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан". Доступ: http://kitaphane.tatarstan.ru/rus/legal_info/zrt/lang.htm

⁹⁸ Республики Татарстан, Архив Официального сервера 1997-2011 гг. Доступ: http://1997-2011.tatarstan.ru/?DNSID=3a848c4b05776a007b359e2bf917df45&node_id=33

⁹⁹ Российская газета. ПФО. О.Карякин «Найти общий язык. Как соблюсти баланс в преподавании русского и татарского». Доступ: <http://www.rg.ru/2011/09/23/reg-volga-kama/tatrus.html>

зом, неправомерно утверждать, что русский язык «защищают» только русскоговорящие родители.¹⁰⁰

У сообществ родителей есть свои сайты, где они обмениваются информацией и обсуждают возможности разрешения проблем. Так, например, они сами формулируют свои собственные цели: «Этот сайт создан группой родителей казанских школьников для координации усилий тех, кто желает изменить положение, сложившееся с преподаванием татарского языка в Республике Татарстан. Наша конечная цель — добиться того, чтобы татарский язык изучался в школах республики по желанию, а не в обязательном порядке, как в настоящее время. Для этого необходимо изменение законов, регламентирующих изучение государственных языков в республике, в частности, статьи 6 Закона республики Татарстан "Об образовании" и статьи 10 Закона "О языках". Заставить татарстанские власти сделать это можно только одним способом — совместными усилиями обращаться с частными и коллективными заявлениями, жалобами и исками по поводу нарушения ваших конституционных прав в адрес Президента РФ, Министерства Образования РФ и др. органов, которые могли бы повлиять на законодательные власти Татарстана и, в конечном итоге, на разрешение этой наболевшей проблемы».¹⁰¹ Это сообщество довольно ясно сформулировало и проблему, и свою конечную цель. Вероятно, именно такая определенность вынуждает власти реагировать на деятельность подобных организаций и митингов родителей. В данном случае власти действуют как опосредованно (Через СМИ), так и прямо через лиц, официально ее представляющих, заявляя, что в Татарстане с изучением языков все в порядке, стараясь смягчить, по возможности, остроту ситуации.

Примером последнего может послужить высказывание уже упомянутого министра образования и науки РТ Альберта Гильмутдинова, который постарался свести все к простому недопониманию родителями целей и формы изучения языков: «У нас были обращения по поводу якобы имеющихся ущемлений в изучении русского языка. Мы тщательно рассмотрели каждый случай. Выезжали на места. Я ответственно заявляю, ни один факт не подтвердился. По поручению президента РТ Рустама Минниханова прокуратура республики также провела проверку и не обнаружила нарушений. Школы являются государственными организациями и обязаны работать строго в рамках закона. В соответствии с ним ни один язык не может преподаваться в ущерб другому... Ну, или если учитель татарского языка несколько недель болел, а затем решил нагнать пропущенные часы. Это ведь жизнь, всякое случается».¹⁰²

Власти Республики дают и опосредованный ответ на выступления недовольных родителей. Так например, в сообщении Информационного агентства «Татар-информ» говорится следующее: «В прошлом году средний балл за ЕГЭ по русскому языку в Татарстане составлял 58,0, а в нынешнем – 62,2 балла. В 2011 году количество татарстанских выпускников, не преодолевших минимальный порог, составило 2,3 процента сдававших экзамен, по Российской Федерации – 4,1 процента», - сообщила глава отдела организации ЕГЭ. В этом году ЕГЭ по русскому языку на 100 баллов в Татарстане сдали 54 школьника, в прошлом году было 40 стобалльников...

¹⁰⁰ См. например: «Среди выступавших были представители не только русских, но и татар, которые проявили солидарность с требованиями митингующих...». Источник: ИА REGNUM. В Казани прошел большой митинг в поддержку русского языка. Доступ: <http://www.regnum.ru/news/polit/1395575.html>

¹⁰¹ Обсуждение проблемы обязательного преподавания татарского языка в школах Татарстана. Доступ: <http://www.notatar.narod.ru/index.html>

¹⁰² Российская газета. Опп. cit. Доступ: <http://www.rg.ru/2011/09/23/reg-volga-kama/tatrus.html>

Таким образом, тенденции последних лет по результатам ЕГЭ по русскому полностью сводят на нет излишние тревоги некоторых родителей относительно снижения уровня знания русского языка выпускниками школ Татарстана».¹⁰³

Говоря о государственных языках, мы имеем в виду не только их статус: государственный или негосударственный. Речь идет также и о позиции государства по отношению к носителям этого языка. И в Татарстане вопрос татарского языка связан с отношением к татарам и представителям других говорящих на татарском языке народов.

В этой связи, нельзя не сказать о произошедшем в Казани инциденте. Сотрудница телеканала «ТНВ» («Татарстан Новый Век») на пикете в защиту русского языка, состоявшегося у парламента республики 9 июня 2011 г., вступила в спор с участниками. По словам пикетчиков, журналистка назвала русских "оккупантами, которым не место в республике". Кроме того, она пообещала «перегрызть горло любому за родной татарский язык». Этот акт разжигания межнациональной розни вызвал возмущение собравшихся, которые обратились в милицию и прокуратуру с просьбой привлечь журналистку к ответственности.¹⁰⁴ О том, что подобные заявления уже не являются единичными случаями, говорит комментарий одной из организаторов пикета «Верните детям право изучать родной русский язык» Е. Беляевой: «Мы уже оставили без заявлений события 16 и 30 апреля... Тогда татарские националисты без церемоний заявили на наши митинги, провоцировали участников, пытались сорвать проведение мероприятий. Теперь мы намерены добиться суда над Исрафиловой за «высказывания, унижающие честь и достоинство» пикетчиков и «высказывания, носящие экстремистский характер»... Прокуратура Татарстана посчитала, что нет оснований возбуждать уголовное дело, (якобы, слишком разными были свидетельства очевидцев), хотя и занималась им некоторое время. Таким образом, желание снизить возможные риски от подобных событий в органах региональной власти дает о себе знать. В средствах республиканских СМИ тема, связанная с недовольствами родителями обсуждается лишь с точки зрения несерьезности, необоснованности претензий по слишком большому числу часов на изучения татарского языка. Инцидент, связанный с Исрафиловой, и вовсе нельзя найти в республиканских СМИ, что говорит о желании замалчивать случившееся.

Говоря о преподавании татарского языка и литературы в школе, часто речь заходит о повышении его качества. На последнее, в частности делают упор, говоря о том, что преподавание этого предмета необходимо изменить, но не отменить. Например, высказывание из интервью министра образования РТ Альберта Гильмутдинова: «У нас есть проблемы с методикой обучения. Когда наши оппоненты говорят, что татарский язык преподается неинтересно, с этим мы полностью согласны ... Ключевая проблема в том, что он преподавался как филологическая наука. ... Самое главное, чтобы ученикам было интересно его изучать. Поэтому мы максимально используем игровые формы: мультфильмы на татарском языке, интерактивные пособия. ...»¹⁰⁵ Власти, таким образом, хотят снизить остроту проблемы, сведя ее просто к недостаткам педагогического и учебного процессов.

¹⁰³ Татат-Информ. Информационное агентство. Школьники Татарстана сдали ЕГЭ по русскому языку лучше, чем в среднем по РФ. Доступ: <http://www.tatar-inform.ru/news/2011/06/15/274524/>

¹⁰⁴ ИА REGNUM. Татарстан: оскорблять русских в России можно безнаказанно? Доступ: <http://www.regnum.ru/news/1414520.html>

¹⁰⁵ Российская газета. Opp.cit. Доступ: <http://www.rg.ru/2011/09/23/reg-volga-kama/tatrus.html>

По оценкам автора статьи,¹⁰⁶ татарский язык и литература, разделение на которые было довольно условным и на практике почти не соблюдалось, преподавались пять часов в неделю, а русский язык и литература шли четыре часа в неделю. В случае русского языка разделение на литературу и язык было четким и весьма определенным. Последнее, а также то, что программа русской литературы весьма обширна, особенно в старших классах, создавали ситуацию, при которой учащиеся едва успевали проходить необходимые произведения, а порой и не успевали вовсе, пропуская их. Нельзя не отметить, что русский язык понимали все.

Прямо противоположна ситуация с уроками татарского языка и литературы. Во-первых, программа татарского языка и литературы была не так обширна, как программа русского языка. Во-вторых, татарский язык было понятен далеко не всем. Особенно это касается «русских групп», т.к. перед изучением языка классы делят на «татарскую» и «русскую» группы. В первую группу как правило записывают детей из татарских семей, а также тех, кто уже в начале обучения хорошо говорит на татарском. Чаще всего, хотя и не всегда, эти две группы совпадают. Во вторую группу идут все остальные, а именно дети из русских, либо русскоговорящих семей, а также те, кто совсем не знает языка в начале обучения. В русских группах, на мой взгляд, уровень знания татарского языка в начале и в конце обучения, к сожалению, почти не повышается. Причин тому несколько. Как уже было отмечено, само преподавание языка оставляет желать лучшего. Язык преподают не как разговорный, в результате чего дети даже к концу обучения не могут объясниться на татарском, правильно писать. Татарский язык, в отличие от русского языка, не был необходим для обязательной сдачи во время выпускных экзаменов, а сейчас - не является обязательным для сдачи ЕГЭ. Этим в большой мере объясняется сильное недовольство родителей старшеклассников большим количеством часов татарского, т.к. дети в это время «подтягивают» необходимые для ЕГЭ предметы. В частности, родителям часто приходится нанимать репетиторов по русскому языку, т.к. школьных часов на этот предмет не хватает. Появилась информация о возможной обязательной сдаче ЕГЭ по татарскому языку, но она пока не подтвердилась.

Тот факт, что преподаванию татарского языка как языка татарско-мусульманской идентичности уделяется такое большое внимание, является проявлением желания властей утвердить доминирующую идентичность через образовательную политику. Последнее находит взаимосвязь с этническим составом республиканской элиты. Подобная ситуация стала прямым следствием увеличения внимания к этничности, которая в свою очередь стала важной «козырной картой» в отношениях с федеральным центром. Последнее утверждение может стать предметом отдельного исследования. Важно то, что преподавание татарского языка прямо связано с отношениями с федеральным центром, а также с дополнительным финансированием на поддержание татарского языка в частности, и этничности - в целом. Преподавание татарского языка в школе в данный момент недостаточно эффективно, что признают даже представители официальной власти. Это имеет ряд причин, но приводит к одному результату – школьники в большинстве своем, получив среднее образование, не умеют говорить на татарском языке. Результатом фактического незнания татарского языка становится то, что этот язык не может выполнять свою

¹⁰⁶ Для данного исследования, полагаю, могут быть полезны и наблюдения автора, закончившего школу в городе Казани и изучавшего татарский язык. По итогам недавних (2012 г.) бесед с преподавателем средней школы автор сделал вывод о том, что за прошедшие с тех пор несколько лет ситуация не изменилась.

основную функцию передачи информации, и процесс передачи этнической идентичности, ее воспроизведение оказывается нарушенным

В данный момент в республике существует довольно высокий уровень недовольства существующей ситуацией с преподаванием языков у определенной части населения, а именно среди родителей школьников. Республиканские власти же стараются не замечать проблему, либо значительно уменьшают ее остроту. Все это говорит о том, что у власти есть определенная позиция по данному вопросу. Правительство стремится сменить недовольство населения на лояльность существующему курсу.

Утверждения властей о том, что русский и татарский преподаются в равных объемах, говорит об их желании сохранить, хотя бы на словах языковой баланс, а через него и межэтнический баланс русско- и татарско-говорящей частей населения. Последнее является свидетельством того, что межэтническое равновесие в республике становится довольно шатким, несмотря на все попытки показать, что баланс соблюден. Это является тревожным сигналом того, что, по меньшей мере, «этнический мир и согласие» - предмет гордости республики - могут быть поставлены под угрозу.

Как можно исправить эту ситуацию? Необходимо, выслушать претензии родителей, в полной мере рассмотрев все их жалобы, сделав акцент на практической, а не формальной стороне вопроса, т.к. с точки зрения стандартов образования баланс соблюден. Также необходимо серьезно изменить методику преподавания татарского языка, приблизив его к разговорному, а не к литературному, сделав акцент на мотивировании школьников изучать татарский язык.

Не следует оставлять без внимания националистические выпады отдельных националистов, даже если они как-либо связаны с государственными СМИ, или иными государственными структурами. Ведь таким образом создается прецедент безнаказанности за фактическое разжигание национальной розни. Нужно помнить и о том, что не менее значимым фактором для сохранения стабильности в республике является равновесие религиозных идентичностей: мусульманской и православной. Печально известным стало событие 19 июля 2012 г., а именно покушение на муфтия Татарстана Илдуса Файзова и убийство другого сотрудника Духовного управления мусульман республики, начальника учебного отдела организации Валиуллы Якупова.¹⁰⁷ Сами факты убийства и покушения на убийство дают основания говорить о наличии проблем во взаимоотношениях внутри мусульманской уммы. Однако наличие проблем с преподаванием языка, как основы этничности, вместе с проблемами внутри мусульманского сообщества, позволяют сделать вывод о том, что баланс не только этнических, но и конфессиональных взаимоотношений нарушен. Последнее становится особенно важным в связи с тем, что в республике доминирующей являются именно этноконфессиональная, а не отдельная этническая или конфессиональная идентичности. Этноконфессиональные особенности региона, таким образом, делают сохранение как этнического, так и религиозного равновесия необходимым условием его полноценного динамичного развития и ставят вопрос об оперативном разрешении настоящих и о предотвращении потенциальных конфликтов.

¹⁰⁷ Российская газета. Дело о покушении на муфтия Татарстана. Доступ: <http://www.rg.ru/sujet/4681/index.html>

Глава III. Миграционные процессы и этносоциокультурный конфликт

3.1. Типы этнических конфликтов, порожденных иммиграцией¹⁰⁸

Нельзя не согласиться с Г.И.Мирским, заявившим еще несколько лет назад, что этноконфессиональные конфликты и противоречия сейчас существенно преобладают по сравнению с «чисто классовыми».¹⁰⁹ Важность этнонационального вопроса для развитого мира определяется, с одной стороны, сепаратистскими движениями, порожденными компактно проживающими национальными организациями (не обязательно меньшинствами), а с другой стороны (и в первую очередь) проблемами, порожденными инокультурной иммиграцией. По данным И.Цапенко, в Европе уже насчитывается 12--18 млн. мусульман, в том числе 3.5--4 млн. во Франции, 2,5--3 млн. в Германии и 1,5 млн. в Великобритании.¹¹⁰

Что касается сепаратистских движений, они, конечно, существуют не во всех странах Запада. Но для таких стран, как Великобритания, Канада, Бельгия, Испания, отчасти Италия и Франция, это важный пункт повестки дня. Самая гибкая, многоопытная британская элита в связи с этим предпринимает даже носящие в основном превентивный характер действия, идущие навстречу чаяниям населения Шотландии и Уэльса - разворачивает процесс так называемой деволюции, то есть расширения автономии этих частей Великобритании. Во многих других странах эти меры могли быть приняты лишь под сильнейшим давлением национальных общин и могли оказаться запоздалыми. В Великобритании же, будучи приняты своевременно, они во многом нейтрализуют напряженность в межнациональных отношениях. Что касается будущего - по крайней мере, в краткосрочном аспекте - они, наверно, безопасны. Ни Шотландия, ни тем более Уэльс, какие бы референдумы ни проводились, конечно, останутся в составе Великобритании. Но вот за дальнейшее ручаться уже сложнее.

Все дело в том, что порывы к самостоятельности национальных регионов существуют не только в Великобритании. А в некоторых странах ЕС ситуация намного сложнее и опаснее. Самым слабым звеном здесь является Бельгия. Сравнительно недавнее государственное образование (первая половина XIX века), во многом искусственное, оно находится сейчас в состоянии полураспада, политически объединяемое фактически только общей династией. Фламандцы, некогда «второсортная» община, став большинством и завоевав экономическое первенство, рвутся к независимости от Валлонии, превратившейся в отстающую провинцию. Создание общегельгийского правительства превратилось в мучительный и затяжной процесс. Если Бельгия распадется, это может вызвать цепную реакцию. Неминуем тогда выход из состава Испании Каталонии, а, может быть, и Эускади (Басконии). И тогда кто знает, как поведет себя Шотландия. Несомненно, резко обострится ситуация и в Северной Ирландии.

Серьезный сдерживающий фактор – заявление руководства ЕС, что в случае выхода Каталонии из состава Испании новое государство в ЕС принято не будет. Думаю, что так оно и случится, но только первое время. В случае, если таких новых государств будет несколько, придерживаться этой линии будет уже трудно. В конце концов, сепаратисты лишь довели до логического заключения лозунг ЕС «Европа регионов».

¹⁰⁸ Автор – К.Г. Холодковский, д.и.н., руководитель группы изучения политических институтов ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

¹⁰⁹ Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм. Г.И.Мирский (основной доклад). // «Мировая экономика и международные отношения», 2008, № 1. С. 89.

¹¹⁰ Цапенко И.П. Управление миграцией: опыт развитых стран. М.: Academia, 2009. С. 168.

Еще более серьезен и опасен вопрос о влиянии на будущее западных государств массовой иммиграции. Эта проблема вообще неразрешима, по крайней мере ни в краткосрочном, ни в среднесрочном аспекте. Окончательно уходит в прошлое этническая и культурная однородность подавляющего большинства развитых стран, превращающихся в центры притяжения людских потоков из других частей мира. Этот процесс особенно опасен с учетом постоянно растущей доли иммигрантов и их потомков в населении и невозможности эффективно препятствовать иммиграции.¹¹¹ Учитывая гораздо более высокую рождаемость в мусульманских семьях, их доля в населении растет даже независимо от иммиграции. Во Франции уже каждый третий новорожденный - из мусульманской семьи. В Европе через несколько лет уже будет несколько десятков миллионов мусульман. Кроме того, помимо продолжающейся трудовой иммиграции, множество переселенцев (а в некоторых странах и большинство) въезжает в европейские страны в порядке воссоединения семей.

Обычным явлением стали мечети в Великобритании или Германии, французы или немцы с арабскими и турецкими фамилиями. Даже США уже не справляются с ролью «плавильного тигля», в котором представители других культур быстро ассимилируются и утрачивают свою прежнюю национальную идентификацию. В Калифорнии и южных штатах уже существуют значительные испаноязычные анклавы (возникла даже проблема обучения на родном языке), среди американского студенчества и научных работников значительную часть составляют выходцы из Азии (преимущественно китайцы, японцы и индийцы), и т.п. Проблемы этнических и профессиональных отношений выдвигаются на первый план внутренней политики.

Неэффективными оказались и европейские схемы взаимоотношений коренного населения с иммигрантами, как жесткая немецкая (*ius sanguinis*—принадлежность к нации по признаку «крови»), так и либеральная французская (*ius solis*—каждый гражданин страны независимо от происхождения считается французом). Если первая подверглась критике как дискриминационная, то вторую обвинили в принуждении к ассимиляции.

С.М.Хенкин указывает на четыре возможных модели взаимоотношений иммигрантов с коренным населением: интеграция (полноправное участие переселенца в жизни принимающей страны при сохранении своих культурных традиций), ассимиляция (принятие иммигрантом новых обычаев и традиций и разрыв со старыми), отчуждение (отторжение переселенца коренным населением и ограничение его контактов с новыми соотечественниками) и маргинализация (отторжение иммигрантов коренным населением и разрыв социальных связей со своей средой).¹¹² В различных сочетаниях эти модели воспроизводятся в разных странах.

В развитых странах нет особых препятствий для ассимиляции иммигрантов, близких по своей цивилизационной идентичности местному населению. Что же касается инокультурных иммигрантов, а это в первую очередь люди мусульманской культуры, то здесь одновременно идут два основных процесса.

Один процесс - усвоения и признания, по крайней мере частичного и неполного, значительной их массой ценностей страны приема (прав женщин, смешанных

¹¹¹ В лондонских районах Дебтфорд, Милтон Корт и Пепис доля «этнических меньшинств» достигает 40-45%, то есть они находятся на грани превращения в большинство. Из-за криминальной обстановки сюда в начале 90-х годов даже отказывались заезжать таксисты, водители машин скорой помощи и почтовой службы. Эти районы получили у лондонцев название «по го», то есть те места, куда лучше не заходить. Сам Лондон в брошюре английской журналистки Мелани Филипс получил наименование «Лондонистана». (Берсон А.Б. Европейский мегаполис и мультикультурализм: степень совместимости. // «Современная Европа», 2011, № 1. С. 64, 67.)

¹¹² Хенкин С. Мусульмане в Испании: проблемы адаптации. // «Мировая экономика и международные отношения», 2008, № 3. С. 57.

браков, ограничения рождаемости, власти денег, и т.п.) и соответственного изменения их социального поведения. При этом переселенцы могут оставаться приверженцами ряда традиционных норм поведения (отрицать возможность внебрачных связей, аборт, и т.п.). Другой процесс - радикализации немалой их части, особенно во втором и третьем поколениях, воинствующего отвержения современных ценностей, замыкания в пределах своей диаспоры, или, что еще хуже навязывания своих ценностей коренному населению.

Как соотносятся между собой эти два разных процесса - постепенного встраивания пришельцев в новое общество с частичным принятием его ценностей и упорного, иногда воинствующего отъединения от него? Вряд ли здесь можно рассуждать в категориях большинства и меньшинства. Дело в том, что оба процесса имеют различные степени и градации, что они пересекаются, накладываются друг на друга, что радикализация может в какие-то моменты и в каких-то случаях захватывать людей, по внешним признакам вроде бы интегрированных в принимающее общество. Кроме того, те или иные акции мусульман-экстремистов и они сами, особенно в ситуации их преследования представителями власти, могут вызывать сочувствие вроде бы «мирной» части иммигрантов. Наконец, даже усвоение пришельцами некоторых ценностей коренного населения в тех или иных ситуациях может не препятствовать процессу обособления, «закукливания» диаспоральных общин.

Этому обособлению способствует территориальное размещение иммигрантов в определенных районах городов и в пригородах, превращающихся тем самым в своего рода гетто. В России пришельцы в своем подавляющем большинстве отказываются посылать детей на специально созданные для них курсы русского языка, а многие - и в обычные школы. По словам исследователя проблем миграции И.П. Добаева, «этнически однородные общины мигрантов активно - и, надо сказать, успешно - формируют так называемую анклавную среду обитания, которая явно тяготеет к локализации в соответствующих территориальных границах».¹¹³ Исламские предприниматели, чтобы избежать конкуренции и дискриминации, зачастую уходят в «серую зону», способствуя распространению бесконтрольного и криминального бизнеса. Словом, процесс, взятый в целом, необычайно сложен. Все это создает благодатную почву для конфликтов. Первое поколение иммигрантов даже сравнительно скромное существование на новой родине воспринимает как улучшение своего положения, зато требовательность следующего поколения возрастает, и создаются предпосылки для конфликтов.

Характер этих конфликтов намечается уже в настоящее время. При этом важное значение имеет то, что они явно не одинаковы по своему происхождению и последствиям. Часть конфликтов вызывается в первую очередь тяжелыми социальными, материальными, бытовыми условиями жизни иммигрантов и их потомков. Эти тяжелые условия связаны, прежде всего, с их уязвимыми позициями в сфере образования и на рынке труда, а иногда - с прямой дискриминацией со стороны работодателей, коренного населения, местных властей. Поэтому и степень маргинализации и криминализации пришлого населения и его потомков гораздо выше, чем у местного населения. В соответствии с такой конфигурацией причин на первый план в их требованиях и действиях выходят социальные мотивы.

Такого рода конфликты - прежде всего социальные конфликты, напоминающие по своему характеру, особенностям действий классовые битвы раннеиндустриального времени. Эти действия часто приобретают деструктивный, «луддистский» оборот (внезапные бунты, погромы, поджоги, и т.п.), то есть воскрешают те методы

¹¹³ Добаев И. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // «Мировая экономика и международные отношения», 2008. С. 52.

борьбы, которые местное население уже давно оставило в прошлом или маргинализировало (но под воздействием бурных волнений иммигрантского контингента сейчас иногда воскрешает). Этнокультурные мотивы в «луддитских» выступлениях иммигрантов находятся на втором плане - в основном как протест против дискриминации (и объяснение характерных форм борьбы).

В других конфликтах на первом плане - наоборот, как раз цивилизационные, ценностные противоречия (типичный пример - волнения, возникшие в знак протеста против запрещения хиджабов и других элементов мусульманской одежды). Здесь часто социальные мотивы либо вообще отсутствуют, либо (чаще всего) находятся в скрытом, латентном состоянии. В соответствии с этим конфликты первого рода заслуживают наименования этносоциальных, вторые - этнокультурных. Яркие примеры конфликтов и первого, и второго рода дает, например, Франция. В 2004 году там был издан закон, который запрещал носить одежду и символы, которые недвусмысленно обозначают принадлежность к определенной конфессии. В протестах против этого закона приняли участие школьники и их родители, занимавшие самое разное социальное положение. В то же время в массовых беспорядках, охвативших осенью 2005 г. пригороды ряда французских городов (прежде всего парижский район Клиши-су-Буа), участвовали главным образом представители деклассированной и люмпенизированной части преимущественно второго поколения иммигрантов. Во время беспорядков на окраинах Парижа было сожжено 10 тыс. машин и разграблены десятки магазинов и учреждений культуры. Французские события вызвали попытки подражания в ряде других европейских стран. Летом 2011г. погромы и грабежи произошли и в Лондоне.

Этнокультурные мотивы приобретают особенно важное значение в связи с террористическим наступлением «Аль Каиды» и других мусульманских экстремистских организаций, пытающихся найти и действительно находящих адептов среди потомков иммигрантов, в том числе иногда находящихся в самом благополучном положении. Так, в попытках террористических акций в Лондоне и Глазго участвовали врачи местных госпиталей. «Оторванная от своих корней космополитическая исламская интеллигенция, чей язык преимущественно английский, а не арабский, очень часто оказывается носителем радикальных идей и идеологий. Именно поэтому многие из радикальных интерпретаций ислама рождаются в эмигрантских общностях на Западе, а не в исламских странах».¹¹⁴ Радикальные исламисты создали там свои организации--Сторонники шариата и Исламская партия освобождения в Великобритании, Союз исламских организаций во Франции. В пользу «Аль Каиды» и других террористических и экстремистских организаций нередко обращаются закят и другие сборы с членов мусульманской общины. Вербуя в качестве исполнителей терактов членов находящихся в Европе мусульманских общин, исламисты тем самым избавлены от необходимости засылать террористов извне.

Следует учитывать и другую сторону проблемы: вероятность распространения в будущем и пока еще сравнительно более редких массовых протестов местного населения против поведения иммигрантов или их потомков. В этих протестах также стоит различать социальные и этнокультурные корни. К первым, в частности, относится воздействие иммиграции на снижение уровня занятости и заработков местных жителей, в первую очередь их менее квалифицированной части, особенно женщин. «Иммигранты составляют серьезную конкуренцию местным работникам в сфере мало- и неквалифицированного труда, и в условиях кризиса эта конкуренция еще бо-

¹¹⁴ Там же. С.53.

лее усиливается».¹¹⁵ Поскольку негативные последствия иммиграции для местного рынка труда носят в основном локальный характер,¹¹⁶ такой же локальный характер обычно приобретают и протесты местного населения. И в этих случаях на его настроения мало влияет тот факт, что, как установлено рядом исследований, благодаря иммиграции улучшаются условия труда и занятости более квалифицированных групп местных работников, а в долгосрочном плане--и всего их контингента.¹¹⁷ Против конкуренции со стороны дешевой рабочей силы иммигрантов активно выступают, например, профсоюзы США. На отношение к иммигрантам влияет и возникающая перегрузка социальных учреждений, в которой местное население склонно винить приезжих.

Характер возникающих из-за всего этого конфликтов достаточно многообразен. В общей форме можно сказать, что «проникновение в сложившийся жизненный уклад коренных жителей элементов поведения и культуры других народов нередко встречает реакцию отторжения со стороны местных общин. (...) Деление местного и пришлого населения на «своих - других» нередко принимает более резкую форму - «свой - чужой». «Увеличение численности иноэтничного населения создает угрозы социокультурной безопасности местных общин, питает настроения ксенофобии и расизма, способствуя усилению конфликтности в социально-трудовых отношениях, общей социальной напряженности и нестабильности».¹¹⁸ Тем более, когда речь идет о попытках иммигрантов, используя сплоченность диаспоральной общины, завоевать выигрышное или даже преимущественное положение в тех или иных житейских ситуациях. Одним из проявлений растущей требовательности иммигрантов стали призывы убрать из больниц кресты, или предложение мусульманской общины Берна удалить крест с государственного знамени Швейцарии.

В отношении открытых проявлений недовольства местного населения Россия оказывается «впереди всех» - в особенности из-за корыстной позиции некоторых представителей власти или правоохранительных органов, покрывающих выходки агрессивной части иммигрантов. Такого рода конфликт приобрел «классические» формы в виде беспорядков в Москве, на Манежной площади, в связи с убийством одного из болельщиков, а также в подмосковном Хотькове, на Севере – в Ненецком национальном округе, в Вологодской области, сопротивления местных жителей в ряде мест при попытках сооружения новых мечетей, и т.д.

В западных странах также имели место уличные выступления антииммигрантского характера (например, в Испании против строительства мечетей), но недовольство коренного населения чаще проявляется в серьезных электоральных успехах праворадикальных партий, выступающих под ксенофобскими лозунгами. Так, в Дании и Норвегии именно ксенофобские настроения местных жителей позволило праворадикальным партиям (Партии прогресса в Норвегии, Народной партии в Дании) впервые завоевать значительное число мест в парламентах, а в Дании - даже стать частью правительственного большинства и добиваться принятия законов, направленных против иммигрантов.

Так обстоит дело с открытыми конфликтами, столкновениями и протестами. Стоит, однако, иметь в виду не только конфликты такого рода, где противоречия ме-

¹¹⁵ *Цапенко И.П.* Иммиграция: влияние на социально-экономическую обстановку и возможности выхода из кризиса развитых стран. // Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран Запада и Россия. М.: ИМЭМО, 2009. С. 122.

¹¹⁶ Рынок труда: реакция на кризис (по материалам зарубежных стран). Под ред. Ф.Э.Бурджалова, Е.Ш. Гонтмахера. М.: ИМЭМО, 2011. С. 70.

¹¹⁷ Там же. С. 71.

¹¹⁸ *Цапенко И.П.* Управление миграцией: опыт развитых стран и Россия. М.: Academia, 2009. С.166-167.

жду общинами явственно прорываются наружу, но и глухие, скрытые, латентные, постепенно вызревающие настроения взаимного неприятия, отталкивания, недовольства иммигрантов (зачастую и сравнительно интегрированной их части) и коренного населения. Похоже, что именно такого рода противоречия в первую очередь заслуживают сложного наименования *этносоциокультурных*, хотя практически во всех случаях можно выделить какие-то мотивы, которые тут выходят на первый план, и другие, которые находятся на втором плане или попросту подразумеваются.

Правящие круги европейских стран предпринимают различного рода меры, в общегосударственном, региональном и местном масштабах, чтобы предотвратить обострение противоречий на этнической почве, разрешить на более или менее приемлемой основе проблему иммиграции. Здесь и меры по возможному в данных условиях ограничению въезда пришельцев и его регламентации, предотвращению нелегальной иммиграции, и попытки не допустить дискриминационной оплаты их труда, и организация их обучения языку новой родины, и неукоснительное уголовное преследование криминальных элементов из их числа, и многое другое. Создаются также общественные организации, имеющие целью помощь в налаживании отношений между коренным и пришлым населением.

Одно время в научных и окол властных кругах западных стран считалось, что решение этой проблемы обеспечивается так называемым мультикультуральным подходом—ставкой на лояльное сосуществование и культурный диалог разных цивилизационных сред. Однако нарастание волны преступности и терроризма, участие в террористических актах иммигрантов второго поколения, которые, казалось бы, должны были прочно интегрироваться в западное общество, поколебали эту уверенность. Внимание общественности было привлечено не только к объективным трудностям интеграции, связанным с элементами социальной маргинализации, но и к серьезному цивилизационному отчуждению немалого числа «закапсулированных» иммигрантских общин, отсутствию искомого культурного диалога.

Как разрешится эта коллизия в долгосрочном плане (через три--четыре поколения), можно только гадать. Мыслимы два варианта выхода. Первый вариант, вероятно, более приемлемый, но, увы, и менее вероятный --возникновение в конечном счете мультикультурного общества с более или менее цивилизованными отношениями между этнонациональными общинами. Второй - изменение этноцивилизационной идентичности всего западноевропейского и североамериканского общества, «афроазиатизация» первого и «латиноафроазиатизация» второго.¹¹⁹ Такого рода процесс уже имел на территории Европы исторический прецедент в период крушения Римской империи под натиском пришлых племен.

Как бы то ни было, утверждение не того, так другого конечного варианта возможно, видимо, только через длительный период конфликтов - вполне вероятно, влекущих за собой даже кризисы катастрофического характера, особенно если они совпадут по времени с обострением каких-либо противоречий иного характера (социальных, межгосударственных, и т.п.). В ходе этих конфликтов должна совершиться та или иная перестройка сознания новых поколений.

¹¹⁹ В.С.Мартьянов видит возможность такой эволюции даже в более сжатые сроки: «Не исключено, что размывание исторического, социокультурного и этноконфессионального ядра сложившейся ранее национально-государственной идентичности стран ЕС, США и России станет *в среднесрочной перспективе* (курсив мой-К.Х.) необратимым». (Мартьянов В.С. Конфликт идентичностей в политическом проекте модерна. Мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО, 2011. С. 40.)

3.2. Регулирование иммиграции принимающими странами в условиях структурного кризиса: эффективный ответ или имитация?¹²⁰

Миграционные процессы и прежде всего внешние миграции становятся одним из центральных вопросов политики принимающих стран в современных условиях. Происходит расширение общественной и политической дискуссии по миграционной политике. Основные причины:

- Продолжение финансово-экономического кризиса
- Сложное положение на рынке труда и продолжающийся рост безработицы
- Избыточное давление иммиграционных потоков (беженцы и нелегалы)
- Рост этно-социальной напряженности в странах приема
- Высокая доля иностранцев с неурегулированным статусом

Сложное положение экономик большинства принимающих стран заставляет правительства вносить существенные коррективы в **реальную** иммиграционную политику:

- ужесточать правила приема гуманитарных иммигрантов (воссоединение семей, беженцы);
- изменять структуру приема экономических иммигрантов (высококвалифицированные специалисты, сезонные работники, командированные);
- вводить дополнительные фильтры для иностранных студентов.

С другой стороны международные организации (ОЭСР, МОМ, Мирбанк, ряд представителей Еврокомиссии), признавая изменившиеся социально-экономические условия, значение новых подходов в социально-экономической политике - продолжают настаивать на свободе перемещения рабочей силы, невозможности дальнейшего развития без притока свежих сил и т.п.

А. Гурриа (Angel Gurría) генсек ОЭСР: «ЕС должен пересмотреть свою иммиграционную политику и содействовать свободному движению рабочей силы. Квалифицированные и неквалифицированные иммигранты являются ключевым компонентом для нациестроительства и важны для функционирования наших экономик» (27.06.2012, Париж)

С. Мальмстрем (S. Malmstrom) комиссар ЕС по внутренней политике считает миграционный политический климат в ЕС трудным, при котором миграционная и связанная с беженцами политика завязла в переговорах Европарламента со странами-членами. (там же).

Проблема экономической эффективности иммиграции является предметом острой дискуссии и остается нерешенной. Особенно интенсивная полемика ведется в Великобритании (например, Migration Watch UK и Migration Matters Trust/Barbara Roche) и США (например, между Институтом экономической политики (Economic Policy Institute) и Центром иммиграционных исследований (Center for Immigration Studies))

Борьба разных подходов нашла отражение в достижении приоритетов миграционной политики изложенных в Стокгольмской программе 2009 г. на 2010 – 2014 гг.

Особое внимание в программе уделяется координации действий институтов ЕС действующих в данной сфере (Европол, Фронтекс и др.), координация управле-

¹²⁰ Автор – В.В. Комаровский, к.и.н., зав. Отделом социально-трудовых отношений ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

ния внешними границами и визовой политики для обеспечения безопасности граждан и повышения эффективности международного обмена.

Европейский пакт по иммиграции и предоставлению убежища (2008) предполагает:

- отказ от массовых регуляризаций и иммиграционных амнистий, применение индивидуального подхода;
- укрепление периметра внешних границ ЕС, особенно на юге;
- усиление борьбы с нелегальной иммиграцией.

Происходит актуализация иммиграционной политики для принимающих стран, как старых (США, Австралия, Канада), так и новых (Россия, Турция, Малайзия, Таиланд). Степень актуализации проблемы, размах политической дискуссии в принимающих странах весьма различна.

Особенно интенсивная полемика в США вокруг введения в действие **«Deferred Action for Childhood Arrivals»** (2012); предложений группы 8 сенаторов **«BIPARTISAN FRAMEWORK FOR COMPREHENSIVE IMMIGRATION REFORM»** (01.2013) и предложений Б. Обамы. Последний, констатируя, что в стране находится около 11 млн. нелегальных мигрантов предложил программу мер по предоставлению им легального статуса.¹²¹

В России наблюдается относительное усиление внимания к проблеме иммиграции, принят ряд разнонаправленных политических шагов, была принята Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.)

Концепция перечисляет все мыслимые принципы и задачи миграционной политики, однако принятые после ее одобрения законодательные нормы свидетельствуют о несколько иных приоритетах: ужесточение требований к безвизовым иммигрантам, противодействие незаконной миграции и т.п.

Это соответствует текущим общемировым тенденциям, но разрыв между декларируемой и реальной политикой заметно шире, чем в старых принимающих странах.

Среди причин разрыва декларируемой и реальной политики можно выделить:

- недостоверность информационной базы;
- высокие коррупционные издержки и риски правоприменения;
- фактическая открытость границ.

В современном мире вместо довольно либерального отношения к иммиграционным потокам и прибывающим мигрантам формируется более структурированная и стройная система, ориентированная на защиту внутреннего рынка труда. Турция, Малайзия, Таиланд ввели новые иммиграционные законодательства, ведут борьбу с незаконной иммиграцией, вводят запрет на профессии для иностранцев.

Национальные институты иммиграционного контроля оказались в разной степени готовности к изменившейся ситуации:

¹²¹ «America's immigration system is broken. Too many employers game the system by hiring undocumented workers and there are 11 million people living in the shadows. Neither is good for the economy or the country». <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/01/29/fact-sheet-fixing-our-broken-immigration-system-so-everyone-plays-rules>

Великобритания. Анализ действующей с 2008 г. балльной системы оценки иммигрантов (PBS) проведенный офисом Генерального Аудитора,¹²² показал, что эффективность применения данного инструмента иммиграционного контроля зависит от многих обстоятельств и не является эталонной.

Швеция. «Либеральная реформа» 2008 г. не привела к декларированным результатам и по сути оказалась саморекламой.¹²³ Введение осенью 2011 г. платы для иностранных студентов привело к сокращению числа иностранных студентов в два раза

Россия. Принятие Концепции лишь четче проявило разнонаправленность реальной и декларируемой политики при отсутствии адекватной информационной базы.

США. Старт второго срока Б. Обамы наряду с глубокими финансовыми проблемами ознаменовался всплеском борьбы по направлениям иммиграционной реформы: массовая регуляризация или усиление пограничного контроля

Австралия. Глобальные потрясения отозвались и в национальной иммиграционной политике: предпринимаются изменения в правилах отбора, системы виз, усилению требований к иностранным абитуриентам.

Анализ готовности национальных систем иммиграционного контроля принимающих стран к адаптации при быстро меняющейся социально-экономической ситуации, эффективность их действия в кризисных условиях показал, что она определяется:

- национальными моделями приема иммигрантов, накопленным опытом регулирования их потоков (старые и новые страны приема, опыт перехода от статуса страны-донора к статусу принимающей стороны);
- влиянием мирового финансово-экономического кризиса на конкретную экономику;
- уровнем социально-политической напряженности в стране, причинами и поводами данной напряженности;
- уровнем расхождения реальной и декларируемой иммиграционной политики;
- ресурсами, выделяемыми на данную сферу регулирования.

В зависимости от влияния и комбинации выделенных факторов степень адаптивности и гибкости национальной системы иммиграционного контроля может быть представлена в следующем виде.

Низкая степень – преобладание имитационных подходов и практик – организационные изменения, косметические изменения законодательства, правил приема при широкой информационной и рекламной поддержке;

Средняя степень – преимущественный акцент на некоторые направления, результаты которых поддаются оценке и дают достаточно быстрый эффект. Это, как правило, обустройство границ, усиление пограничного контроля, реадмиссии, ужесточение правил пребывания;

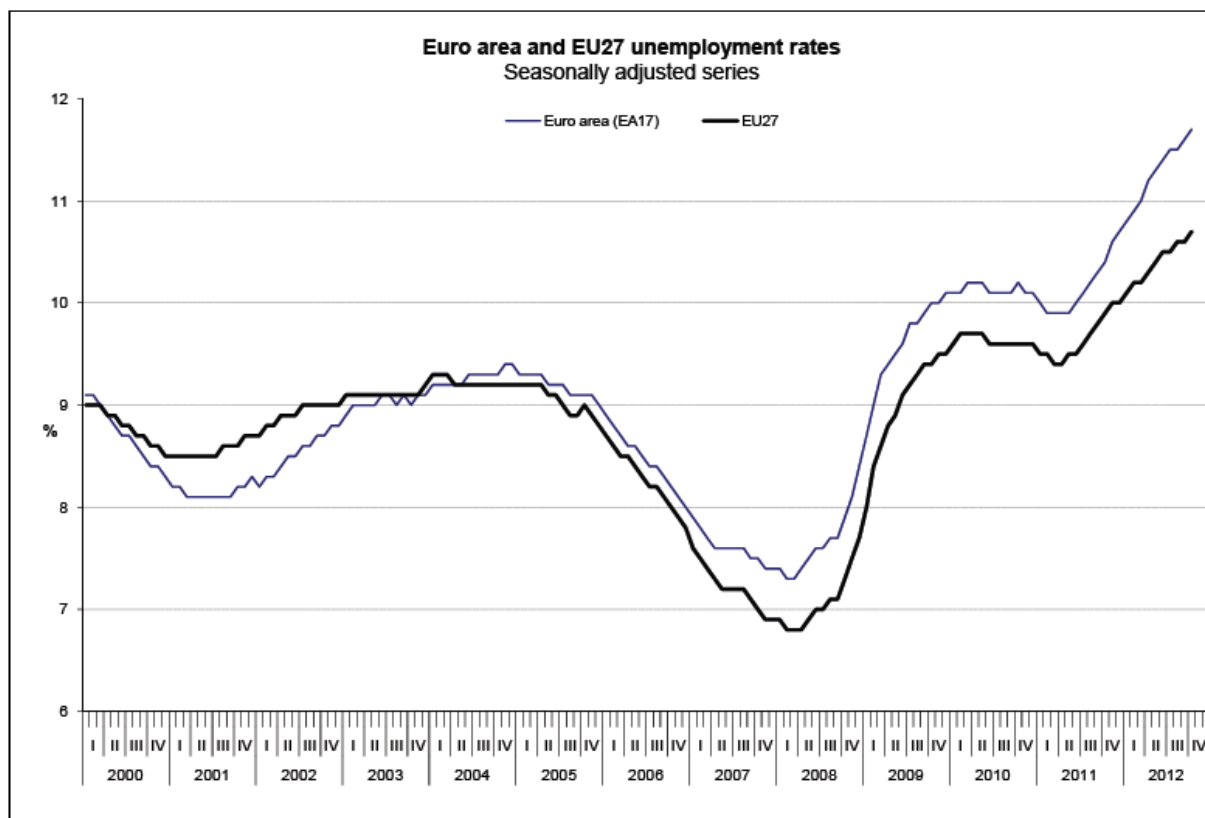
¹²² Home Office: UK Border Agency Immigration: The Points Based System – Student Route Ordered by the House of Commons to be printed on 26 March 2012 Report by the Comptroller and Auditor General HC 1827 Session 2010–2012

¹²³ <http://www.sweden.se/eng/Home/Work/Get-a-permit/#apply>

Высокая степень – предполагает четкое выделение текущих и перспективных задач, разработку принципов и процедур оценки эффективности (потенциальной и реальной), комплексный подход к решению проблем по их приоритетности, использование всего арсенала доступных инструментов регулирования (от законодательных до кадровых), постоянный диалог с обществом, адекватное информационное обеспечение и сопровождения предпринимаемых шагов.

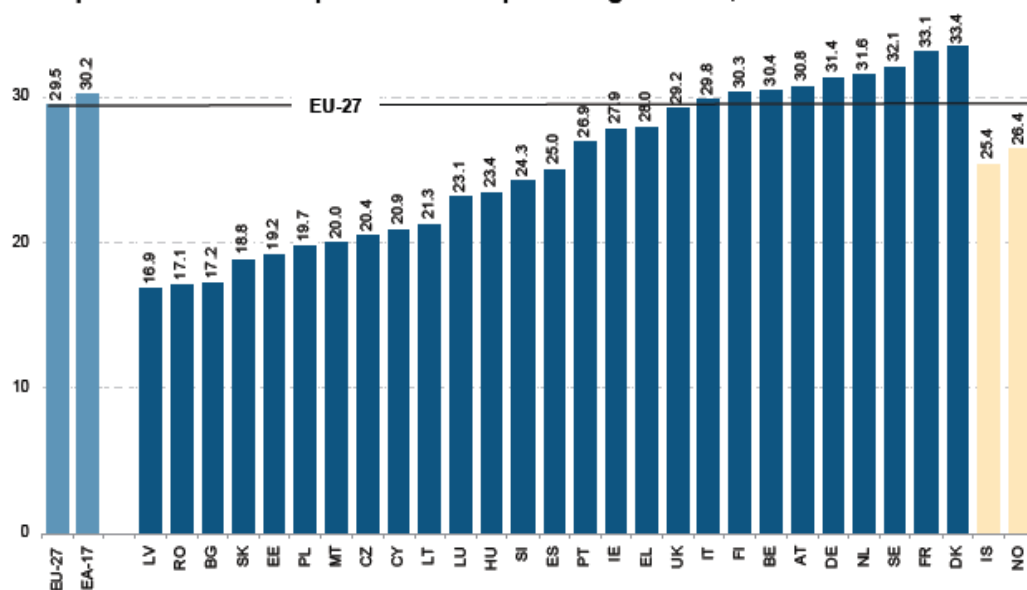
Приложение

Уровень безработицы в ЕС (%). 2000 – 2012 гг.

Расходы на социальную защиту в ЕС в % от ВВП. 2009 г.

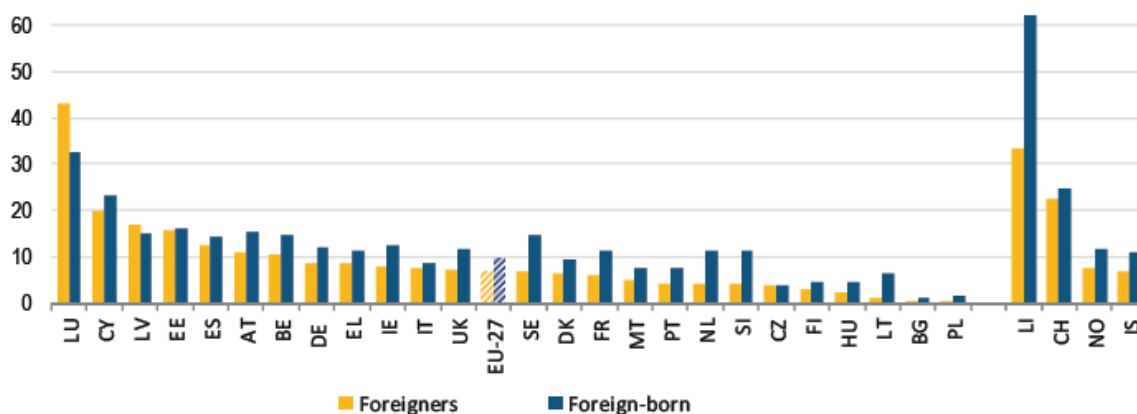
Figure 1: Expenditure on social protection as a percentage of GDP, 2009

Source: Eurostat (online data code: [spr_exp_sum](#))

Доля иностранцев и рожденных за границей в населении стран ЕС (%). 2011 г.

Figure 1: Proportion of foreigners and foreign-born in the total population, 2011 (%)

No data by country of birth for RO, SK, ME, HR, MK and TR

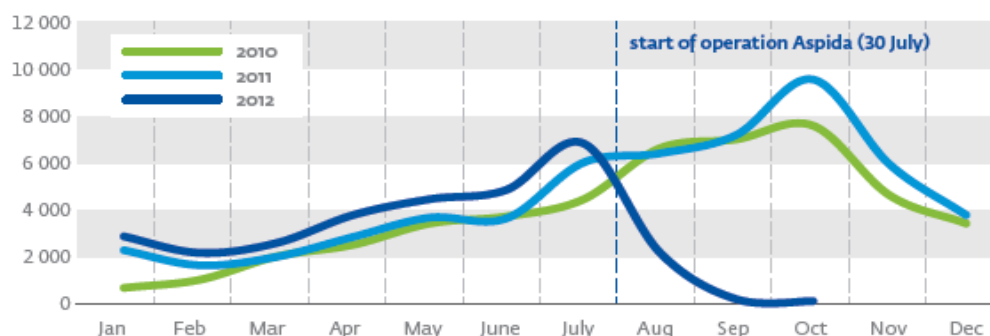
Source: Eurostat (online data code [miqr_pop1ctz](#) and [miqr_pop3ctb](#))

Динамика задержания нелегалов на греко-турецкой сухопутной границе.

2010 – 2012 гг. с учетом устроения пограничного контроля 30 июля 2012 г.

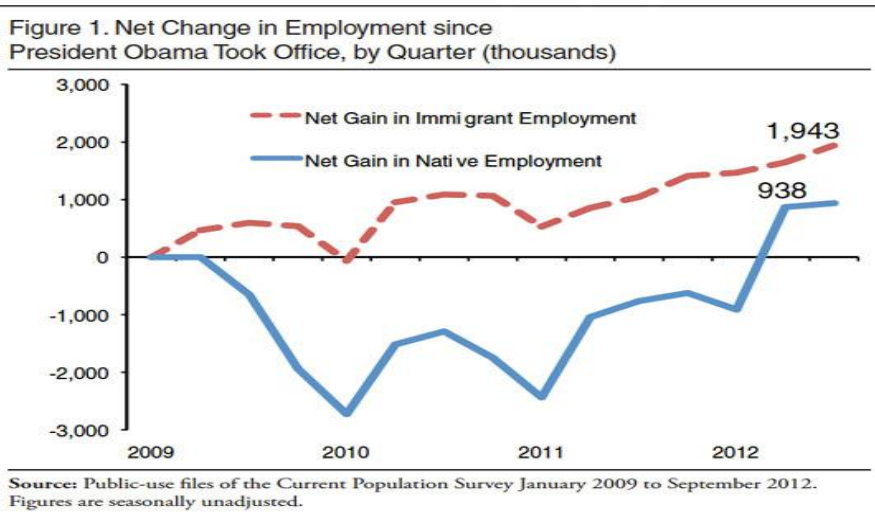
Figure 2. Detections of illegal border-crossing at the Greek land border with Turkey declined rapidly after the deployment of operation Aspida on 30 July 2012

Monthly numbers of migrants apprehended at the Greek-Turkish land border in 2010–2012

Source: JO Poseldon

Динамика прироста занятости иммигрантов и местных в США. 2009 – 2012 гг.

3.3. Этнокультурный конфликт в Европе: специфика, динамика и некоторые его политические последствия¹²⁴

Приток многомиллионных масс иммигрантов в развитые страны Запада, являющийся характерной особенностью современных миграционных процессов, все в большей степени оказывается фактором усиления общественной конфликтности в современном мире. Вместе с тем, эта тенденция имеет свою региональную специфику. Хотя обострение этно-культурных противоречий представляет собой общее для практически всех стран развитого Запада явление (за исключением, пожалуй, одной лишь Японии), с наибольшей остротой оно проявляется в Европе (в странах Евросоюза и в первую очередь странах Западной, Северной и Южной Европы).

При всех страновых особенностях этно-культурного конфликта в жизни европейского общества все они, так или иначе, обнажают общеевропейскую региональную

¹²⁴ Автор – Г.И. Вайнштейн, д.и.н., в.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

специфику. Суть ее - в особой напряженности этно-культурного конфликта в странах Евросоюза по сравнению с Северной Америкой, причем напряженности, которая почти повсеместно развивается по нарастающей и чревата во многих европейских странах весьма тревожными изменениями в их общественно-политической жизни.

Дело в том, что влияние на общественную жизнь демографических трансформаций, происходящих в связи с небывалым для новейшего времени расширением масштабов международной миграции, усугубляется на европейском континенте рядом обстоятельств. Среди них можно выделить три, представляющих наиболее важными. Два обстоятельства связаны с историческими особенностями самих европейских стран. И одно — с особенностями миграционной составляющей в структуре нынешнего европейского населения.

Во-первых, присутствие значительных масс иммигрантов - совершенно новое в истории европейских стран явление. На протяжении нескольких веков массовые потоки иммигрантов «текли» из Европы. И лишь со второй половины прошлого столетия потоки международной миграции «потекли» на европейский континент. Сегодня в странах Евросоюза проживает, по разным оценкам, от 47 до 51 миллиона международных мигрантов и лиц с «мигрантскими корнями». Еще более важным обстоятельством является то, что примерно 70% из этого числа — это иммигранты из стран неевропейской и незападной цивилизации (выходцы из развивающихся стран Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки), а также то, что примерно 40 % из этой общей массы инокультурных мигрантов является представителями различных мусульманских этносов.

Во-вторых, в отличие от стран Северной Америки (и в частности от США), развивавшихся на протяжении всей их истории как страны иммигрантов, европейские страны оказались, по сути дела, неготовыми к происходящим демографическим трансформациям. Будучи в основном странами моноэтническими и монокультурными, страны Евросоюза столкнулись с новой демографической реальностью, не имея опыта и традиций интеграции инокультурных этносов, сопоставимых с опытом и традициями США или Канады.

И, в третьих, - значительно большая численность в Европе, нежели в Северной Америке, той части инокультурных меньшинств, задача интеграции которых представляет особую сложность — а именно, мусульманской диаспоры. В составе населения США, по разным оценкам, насчитывается от 1% до 1,5%, максимум до 2% мусульман. В странах же Евросоюза мусульмане составляют сегодня в среднем около 6% населения. В некоторых странах их доля достигает 8%, и, как утверждают демографы, уже через полтора десятилетия этот показатель станет средним для всех стран ЕС. Для Европы, в большинстве стран которой население всегда отличалось, как уже сказано, моноэтническим составом, масштабность этого инокультурного компонента обретает особо деструктивный характер в силу сугубой устойчивости антиевропейских и антизападных ориентаций, характеризующих значительную часть как самих мусульманских иммигрантов, так и их потомков во втором и третьем поколениях.

Чем определяется эта устойчивость неприятия многими представителями мусульманской диаспоры окружающего их европейского мира? При всей внутренней неоднородности мусульманского населения Европы, его характеризует наличие некой общей, по сути своей антизападной, идентичности. Если идентичность испаноязычных этносов, преобладающих сегодня среди инокультурных меньшинств в США и в количественном отношении сопоставимых с мусульманской диаспорой в Европе, базируется, главным образом, на их языковой и определенной сугубо культурной общности, которая постепенно, по мере адаптации новых поколений, ослабевает, то

для мусульманских этносов в Европе основным компонентом их идентичности служит гораздо более устойчивый фактор - религия, причем религия, которая в ее наиболее радикальной форме исламского фундаментализма открыто демонстрирует свою враждебность по отношению к европейским ценностям и нормам поведения. И именно значимость религиозного фактора как системообразующего компонента идентичности европейских мусульман радикальным образом отличает их от всех других инокультурных диаспор современного Запада, оказываясь мощным и весьма устойчивым препятствием их интеграции.

Существенное значение для понимания характера нарастающей в последние десятилетия этно-культурной напряженности в общественной жизни Европы имеет рассмотрение этого феномена в его динамике. Думается, что выделение особенностей разных этапов развития этно-культурного конфликта в жизни современной Европы дает возможность, во-первых, лучше понять иерархию факторов, определяющих его уровень, а во-вторых, оценить перспективы его развития.

Происходящим вот уже почти полвека демографическим трансформациям, связанным с ростом иммиграционных потоков из развивающихся стран в Европу, соответствуют, как представляется, четыре этапа нарастания этно-культурного конфликта в странах Западной, Северной и Южной Европы.

Первый этап — это этап зарождения основ и предпосылок этно-культурных противоречий на европейском континенте. Он приходится на 60-70-ые и отчасти 80-ые годы прошлого столетия, в течение которых инокультурные иммигрантские этносы превращаются в статистически заметный компонент в структуре населения ряда европейских стран. Начало этому демографическому сдвигу было, как известно, положено в период, когда ряд западноевропейских стран переживал послевоенный экономический бум и, испытывая в связи с этим острую нехватку трудовых ресурсов, обратился к импорту дешевой рабочей силы из развивающихся стран. В последовавшие десятилетия увеличение инокультурной составляющей европейского населения шло тремя путями: по линии трудовой миграции, по линии предоставления убежища политическим беженцам и по линии воссоединения семей.

В 60-е — 80-е годы и общественности в целом, и политическому истеблишменту, в частности, свойственно было явное благодушие и оптимизм по поводу влияния иммигрантских меньшинств на процессы не только социально-экономического, но и общественного развития их стран. Проекцией этих общественных настроений в политическую сферу оказалось утверждение политики мультикультурализма как господствующей модели отношения европейских государств к своим новым «инокультурным гражданам» и превращение политкорректности в общепринятую норму добропорядочного политического и общественного поведения европейцев.

Второй этап, который приходится на вторую половину 80-х — 90-е годы, отмечен дальнейшим количественным ростом инокультурного компонента и превращением этнических иммигрантских меньшинств - выходцев из Третьего мира в социально значимое для ряда европейских стран явление. На этом этапе появляются признаки осознания европейской общественностью (правда, еще относительно небольшой ее частью) противоречивости социальных последствий миграционных процессов. В сравнительно узких социальных слоях возникает тревога в связи с первыми признаками разрушения традиционного культурно-цивилизационного облика европейского общества и понимание реальности и опасности рождающегося в нем этно-культурного конфликта. В этот период на европейской политической сцене появляются праворадикальные партии, становящиеся основными выразителями этих тревог. Антииммигрантская и в первую очередь антимусульманская направленность выступлений этих партий, наряду с исходящей от них критикой мультикультуралистской

модели, становятся основной проекцией в политическую сферу новых тенденций, возникающих в обществе.

Третий этап приходится на первую половину «нулевых» годов нынешнего столетия. В этот период доля иммигрантских и особенно мусульманских меньшинств в структуре европейского населения существенно возрастает (в некоторых странах — в разы). Значительные мусульманские диаспоры, которые до этого существовали лишь во Франции, Великобритании и Германии, появляются практически во всех основных странах Евросоюза. Параллельно с этим растет озабоченность коренных европейцев негативным влиянием демографических сдвигов на общественную жизнь. После терактов в США, а затем в Мадриде и Лондоне, присутствие неевропейских иммигрантских меньшинств начинает восприниматься населением Европы не только как фактор разрушения культурно-цивилизационного ландшафта континента, но и как источник угрозы общественной безопасности, чему в немалой степени способствуют то и дело появляющиеся в средствах массовой информации сообщения о предотвращении очередной попытки исламских радикалов осуществить новый теракт. В результате, антииммигрантские, преимущественно антимусульманские настроения, характерные до этого лишь для сторонников праворадикальных партий, находят поддержку во все более массовых слоях населения. Соответственно, позиции праворадикальных сил укрепляются практически во всех странах Евросоюза, а взгляды, выражаемые ими, все отчетливее начинают определять реальную политику. Это ведет к определенной радикализации системных партий политического мейнстрима и вообще к смещению вправо всей оси европейской политической жизни (по крайней мере, в вопросах, касающихся иммиграционных проблем).

Наконец, четвертый этап охватывает период со второй половины «нулевого» десятилетия по сегодняшний день. Хотя приходящийся на этот период экономический кризис в известной мере снижает приток трудовых мигрантов, в целом темпы прироста инокультурного иммиграционного компонента в структуре европейского населения остаются на достаточно высоком уровне (отчасти за счет характерной для мигрантских сообществ высокой рождаемости). Это позволяет демографам прогнозировать существенное (почти двукратное) увеличение этого компонента в ближайшие полтора-два десятилетия.

В условиях произошедшего в конце «нулевых» годов ухудшения экономической ситуации европейцы все в большей степени видят в растущей массе неевропейских и особенно мусульманских меньшинств уже не только угрозу сохранению культурного облика Европы или ее общественной безопасности, но и социальных изживенцев и конкурентов на рынке рабочей силы. Антииммигрантские настроения окончательно выходят с периферии общественного сознания и распространяются далеко за пределы массовой базы крайне правых. В качестве характерной иллюстрации этой тенденции можно привести, например, результаты одного из недавних опросов во Франции. Мнение о том, что от мусульманской диаспоры исходит угроза национальной идентичности французов, еще сравнительно недавно характеризовавшее в основном сторонников крайне правого Национального Фронта, было поддержано в октябре 2012 года в среднем 43% населения и в большей или меньшей степени оказалось свойственным сторонникам всех идейно-политических взглядов. Его высказали 59% сторонников правоцентристского Союза за народное движение, а также в среднем 21% сторонников всех левых партий, в том числе 23% сторонников Левого Фронта и 34% сторонников «зеленых».¹²⁵ Аналогичным образом антимусульманские

¹²⁵ L'Image de L'Islam in France. IFOP pour Le Figaro, October 2012, P.6 (<http://www.lefigaro.fr/assets/pdf/sondage-ipsos-islam-france.pdf>)

настроения получают все большее распространение и в других европейских странах. И сегодня можно говорить уже не только об увеличении числа прямых сторонников праворадикальных партий, но и о том, что европейское население в целом перестает воспринимать эти партии как некую одиозную, ультрарадикальную политическую силу.

Еще одним заметным явлением нынешнего этапа этно-культурного конфликта становится раскол европейского политического истеблишмента в вопросах иммиграционной политики и размывание прежней приверженности его подавляющей части мультикультуралистской модели.

В целом периодизация произошедших за последние полвека изменений общественно-политической атмосферы в европейских странах свидетельствует, как представляется, о резком ускорении в последнее время динамики развития этно-культурного конфликта. Существует некий соблазн объяснять это обстоятельство нынешними кризисными явлениями в экономике. И очевидно обострение социально-экономических противоречий в условиях экономического и финансового кризиса, действительно, играет определенную роль. Однако придавать факторам экономического характера особое значение было бы неверным. Во всяком случае, однозначных социологических подтверждений наличия прямых корреляций между остротой экономического кризиса и уровнем озабоченности европейцев иммиграционными проблемами нет. Скорее наоборот. Оказывается, что наибольшую озабоченность этими проблемами (причем, озабоченность растущую) проявляет население тех европейских стран, экономика которых продемонстрировала сравнительно высокую устойчивость перед лицом нынешнего кризиса. Исследование Евробарометра, проведенное в конце 2010 г., показало, что уровень озабоченности населения миграционными проблемами наиболее высок в таких странах как Бельгия, Австрия, Германия и Голландия, экономика которых продемонстрировала сравнительно высокую устойчивость перед лицом нынешнего кризиса. С другой стороны, в Испании, где в экономически благополучном 2006 году 64% населения назвали иммиграцию одной из двух наиболее волнующих их проблем, в 2010 году этот показатель упал до 7%.¹²⁶

Думается, что экономический кризис является не более чем дополнительным катализатором ускорения тех тенденций, которые выявились еще в докризисный период и которые порождаются, в первую очередь, факторами этно-культурного и религиозного характера. Поэтому ослабление этно-культурного конфликта вследствие преодоления кризисных тенденций в экономической жизни Европы представляется маловероятным. Напротив, все предпосылки не только его сохранения, но и дальнейшего нарастания остаются в силе. При всем страновой разнообразии конкретных форм этого конфликта, их общей особенностью становится обретающее националистическую окраску сопротивление широких слоев коренного населения Европы и артикулирующих его интересы политических партий изменению традиционного для них культурно-цивилизационного ландшафта. При этом все более существенную роль в обострении конфликта играет радикализация мусульманской диаспоры, которая происходит в связи с усилением фундаменталистских тенденций в европейском исламе и расширением его влияния на младшие поколения европейских мусульман.

Вообще многое говорит о том, что европейское общество приблизилось или стремительно приближается к некоему порогу, за которым все более проблематичным становится сохранение сформировавшейся в послевоенные десятилетия европейской толерантности и все более реальным выглядит возрождение в достаточно

¹²⁶ Standard Eurobarometer 74. Public Opinion in the European Union, Autumn 2010, P.21

широких масштабах стереотипов и предрассудков националистического радикализма.

Важным представляется вопрос о влиянии нарастающих в Европе этно-культурных противоречий на политику. Отчасти он уже был затронут, когда речь шла об усилении позиций праворадикальных политических сил и вообще о политическом поправлении европейского общества. Однако этим вопрос о политических импликациях этно-культурного конфликта не исчерпывается.

Нельзя не отметить тот факт, что спекуляция на проблемах, связанных с этно-культурным конфликтом, становится своеобразным инструментом достижения политическими партиями собственных электоральных целей. С одной стороны, правые радикалы намеренно демонизируют иммигрантские меньшинства и в первую очередь мусульманскую диаспору с целью привлечения на свою сторону европейцев, раздраженных происходящими в обществе изменениями. С другой стороны, для противников крайне правых «заигрывание» с обретающими политические права представителями иммигрантских меньшинств превращается в достаточно циничный метод электорального противоборства. Вообще по мере обретения «новыми европейцами» политических прав и, соответственно, роста интереса к ним со стороны политических партий как к серьезному электоральному ресурсу можно ожидать усиления их влияния на политическую жизнь. Уже сегодня имеются достаточно убедительные свидетельства этой тенденции. Весьма показательны в этом смысле последние президентские выборы во Франции, на которых 93% участвовавших в голосовании мусульман поддержали социалиста Франсуа Олланда (при том, что средний по стране показатель поддержки его кандидатуры составил 52%). Это означает, что ему отдали свои голоса примерно 1,7 млн. голосовавших мусульман. И если учесть, что Олланд одержал победу с перевесом в 1,1 млн голосов, нетрудно понять, какую роль сыграла на этих выборах мусульманская диаспора.¹²⁷ Как заметил по этому поводу один авторитетный западный политолог, «французские выборы знаменуют первый случай, когда мусульмане определили исход президентских выборов в крупнейшей западно-европейской стране, явившись неким прологом наступающих событий».¹²⁸

Попутно заметим, что возрастание роли иммигрантских инокультурных меньшинств происходит не только в Европе. На последних президентских выборах в США 70% обладающих правом голоса представителей испаноязычных меньшинств проголосовало за Барака Обаму. Поскольку эта категория составляет 10% всех американских избирателей, можно говорить о том, что их политические предпочтения начинают играть чрезвычайно важную роль в американской политике.¹²⁹

Еще одной важной особенностью нынешней общественно-политической ситуации является то, что обострение иммиграционной проблематики ведет к нарастанию раскола между массами и той все еще значительной частью европейских политических элит, которая остается приверженной мультикультуралистским подходам к интеграции «новых европейцев», - подходам, по сути дела не выдержавшим испытания реальностью.

¹²⁷ http://opinionlab.opinion-way.com/documentary/Sondage_Jour_de_vote_T2_SOCIOLOGIE_Du_Vote_2_1/pdf

¹²⁸ Kern S. Muslim Voters Change Europe, May 17, 2012 (<http://www.gatestoneinstitute.org/3064/muslim-voters-europe>)

¹²⁹ Shifting Demographics Change Face of US Campaigns // Spiegel International, 12 November, 2012 (<http://www.spiegel.de/international/world/shifting-us-demographics-influence-electoral-strategies-a-866660.html>)

Весьма существенное значение имеет и проецирование этно-культурной напряженности в жизни европейского общества во внешнеполитическую сферу. Все очевиднее становится тот факт, что представители иммигрантских меньшинств оказываются силой, влияющей на внешнюю политику стран пребывания, снижая способность правительств этих стран принимать независимые решения в вопросах, затрагивающих интересы стран исхода иммигрантов. Так, мусульманские общины в странах ЕС при всей их внутренней разобщенности, а нередко и взаимной враждебности, выступают, как правило, в качестве единого политического лобби, с которым европейским политикам приходится считаться в вопросах, касающихся политики на Ближнем Востоке и в мусульманском мире в целом, палестино-израильского конфликта и т.п. В то же время представители европейского политического истеблишмента не могут не учитывать и то обстоятельство, что их позиции по вопросам внутренней жизни их стран, затрагивающим интересы мусульманской диаспоры, влияют на отношения с рядом государств мусульманского мира.

Таким образом, можно констатировать, что этно-культурные проблемы современной Европы обрели весьма сложный и комплексный характер, чем существенно затрудняется поиск их политических решений. С одной стороны, это связано с объективной сложностью, если не тупиковостью, создавшейся ситуации, когда инокультурные иммигранты, играя важную роль в решении одних проблем европейского общества (таких как экономических и чисто демографических), сами становятся серьезной проблемой, вызывающей общественную напряженность. С другой стороны, разработка и реализация мер противодействия этно-культурному расслоению общества усиливает идейно-политическую поляризацию в европейских странах.

3.4. Европейский мультикультурализм: метаморфозы восприятия¹³⁰

Политический ландшафт современной Европы сотрясают глубокие тектонические процессы, зародившиеся в недрах постбиполярного миропорядка. Их масштабы колоссальны, а последствия могут стать поистине катастрофическими для государственных устоев и социально-политического уклада Старого Света. Судить о сути происходящих перемен пока еще рано, но текущие события позволяют нам говорить о некоторых устойчивых закономерностях. Очевидный кризис, переживаемый европейским интеграционным проектом, видимо, не случайно совпал с глубоким мировоззренческим кризисом, наложившим свой отпечаток на текущую политическую ситуацию.

В связи со сказанным нельзя не упомянуть об одном, возможно, самом существенном «прозрении» европейского консерватизма. В 2010-2011 гг. лидеры ведущих европейских держав фактически «похоронили» доктрину мультикультурализма, один за другим официально признав провал соответствующей политики в своих странах. Все политические деятели, выступившие со столь откровенным признанием, являются представителями консервативных сил или, точнее, принадлежат к партиям, традиционно позиционирующим себя в качестве таковых. Справедливости ради следует признать, что период европейской «очарованности» мультикультурализмом давно прошел. Если же говорить о представителях консервативного лагеря, то для них подобные увлечения всегда являлись чем-то не вполне серьезным, а со временем перешли в категорию предосудительного. Еще задолго до рассматривае-

¹³⁰ Автор - А.Н. Смирнов, к.полит.н., с.н.с. Сектора теории политики ИМЭМО РАН. Глава подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-03-00599 «Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение?»

мых событий ни для кого не являлось секретом настороженно-скептическое либо даже резко-критическое отношение консерваторов к разного рода мультикультурным проектам. В них справедливо усматривают культивирование этно-конфессиональных различий, а зачастую и дискриминацию культуры большинства. Последнее утверждение вызывает наибольший гнев у поборников всеобщей толерантности. За него флагманы европейской политики подвергаются постоянным атакам «слева» и упрекам в идейной близости к национал-популистам. Со своей стороны консерваторы предпочитают говорить о стратегии интеграции этно-культурного сообщества в состав принимающей нации и о сопряженных с этим взаимных социальных обязательствах. При этом, в отличие от националистов, делающих акцент на безусловном превосходстве «коренного населения» и на его «естественном праве» управлять поведением «инородцев», «доминирующая культура» ими понимается не иначе, как оплот либерализма и демократии.

Начало положила канцлер Германии Ангела Меркель, обратившись в октябре 2010 г. к проблеме мигрантов и поставив ее в ряд факторов, имеющих первостепенное значение для дальнейшей судьбы государства. Выступая 16 октября на конференции молодежной организации Христианско-демократической партии в Потсдаме, Меркель заявила, что мигранты, приезжающие на работу в Германию, должны говорить по-немецки, поскольку только в этом случае они могут стать полноценными участниками рынка труда. «Мы не хотели бы видеть тех, кто не может сразу заговорить на немецком языке», – подчеркнула Меркель. Подобное замечание стало лишь преамбулой к более громкому политическому заявлению. Подытоживая полувековой опыт привлечения иностранной рабочей силы, госпожа канцлер пришла к неутешительным выводам. По ее словам, с 60-х годов прошлого века правительство стало приглашать в Германию иностранных рабочих и тем самым положило начало существенной трансформации демографического облика страны. Некоторое время общество и власть были склонны к самообману, надеясь, что мигранты не останутся навсегда в пределах Федеративной республики и, в конце концов, ее покинут: Когда же этого не произошло, возобладал новый подход на основе мультикультурализма, предполагавший, что все граждане вне зависимости от своего происхождения будут бесконфликтно жить рядом и ценить друг друга, «на-равных» представляя различные культурные сообщества. «Этот подход провалился, совершенно провалился», – констатировала глава правительства.¹³¹

По мнению экспертов, подобные высказывания свидетельствуют о перемене настроений в германском руководстве. Еще недавно концепция мультикультурализма считалась одним из основополагающих принципов немецкой политики и оспаривалась только ультраправыми маргиналами. Незадолго до своих знаменательных высказываний Ангела Меркель рекомендовала жителям Германии привыкнуть к виду мечетей, становящихся частью архитектурного облика их городов. Теперь же речь все чаще заходит о том, как ужесточить политику в отношении мигрантов, не желающих интегрироваться в немецкое общество.

В начале февраля 2011г. «эстафету принял» премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон. Он выступил в Мюнхене на международной конференции по безопасности, и это обстоятельство, несомненно, придало его речи особый дополнительный смысл. Менее года занимающий свой пост премьер-консерватор провозгласил провал мультикультурализма, призвав молодых мусульман к интеграции в британское общество, а также заявил о необходимости усиления позиций либерализма, равенства, верховенства закона, свободы слова и демократии. Как отметил

¹³¹ http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml.

Кэмерон, мультикультурализм поощряет раздельное существование представителей различных культур, в результате Великобритания начинает испытывать недостаток национальной идентичности, что побуждает некоторых молодых мусульман, не идентифицирующих себя с Великобританией, обращаться к экстремистским течениям. «Руководствуясь доктриной мультикультурализма, мы поощряли представителей различных культур жить обособленно, в отрыве друг от друга и от британского общества в целом. Более того, мы позволяли этим обособленным сообществам демонстрировать поведение, которое прямо противоречит нашим ценностям», – сказал премьер-министр.¹³²

Из подобной горькой констатации следовал вполне однозначный вывод: «Пора перевернуть страницу провальной политики и отказаться от государственного мультикультурализма». По словам Дэвида Кэмерона, «пришло время сменить принцип пассивной терпимости на гораздо более активный, энергичный либерализм и дать понять всем, что британское общество строится на определенных базовых ценностях». Итак, ключевое слово этой знаменательной речи было сказано. Оно сообщало отчетливый консервативный посыл намерениям главы правительства. Именно продекларированные ценности создают необходимые нормативные рамки для интеграции инокультурных сообществ в единый гражданский организм. Среди них были упомянуты свобода слова, свобода вероисповедания, демократия, главенство закона, равные права для всех, независимо от пола, расовой принадлежности или сексуальной ориентации. Эти ценности являются определяющими с точки зрения общегосударственного подхода при установлении меры допустимых культурных и религиозных различий. Жесткая позиция британского премьера выразилась в четко прочерченной смысловой границе между мультикультурализмом и подлинным либерализмом. Пассивное толерантное общество не вмешивается в дела других, а по-настоящему либеральное общество верит в свои ценности и активно их отстаивает. «Мы должны дать понять нашим гражданам, что если они хотят быть частью общества, они обязаны разделять его ценности», – заключил Кэмерон.¹³³

Отказ от мультикультурализма не явился спонтанным решением, он стал логическим продолжением политики английских консерваторов, проводимой с мая 2010г., хотя, по сути, был predetermined еще задолго до их прихода к власти. Причина крылась не только во взглядах самих Тори, с трудом переносивших навязанную «политкорректность», но и в общем негативном настрое британского общества, уставшего от односторонних обязательств. По словам наблюдателей, в какой-то момент понятие «мультикультурализм» оказалось безнадежно дискредитированным, его начали рассматривать как наивную, но пагубную для страны идею и выражать твердую убежденность: время этой идеи прошло и ей уже не дано возродиться.¹³⁴

Состоявшиеся 6 мая всеобщие выборы заставили лейбористов расстаться с властью, что послужило началом нового политического цикла в современной истории Соединенного Королевства. После не слишком продолжительных переговоров между консерваторами и либеральными демократами было образовано первое за последние 70 лет коалиционное правительство, в состав которого вошли пять представителей Партии либеральных демократов (включая лидера партии Ника Клегга) и 24 члена партии Тори. В ходе избирательной кампании и лидер консерваторов Дэ-

¹³² PM's speech at Munich Security conference // <http://www.number10.gov.uk/news/speeches-and-transcripts/2011/02/pms-speech-at-munich-security-conference-60293/>

¹³³ Там же.

¹³⁴ In praise of multiculturalism // Economist. - L., 2007. - 14 june // http://www.hereandnow365.co.uk/attachments/016_in-praise-of-multiculturalism.pdf.

вид Кэмерон и его будущий коллега по коалиции Ник Клегг немало рассуждали о мультирелигиозном и мультиэтничном составе населения Великобритании. При этом упомянутые политики предпочитали общие фразы о необходимости уважения прав каждого гражданина, воздерживаясь от каких-либо конкретных планов по выстраиванию отношений между возможным будущим правительством и этно-религиозными меньшинствами. Но порой из лагеря Тори звучали и весьма жесткие заявления, не позволяющие забыть, что к власти идут жесткие прагматики. Например, Кэмерон заявил о намерении консерваторов не торопиться восстанавливать отношения с Мусульманским Советом Великобритании, представители руководства которого скомпрометировали себя подписанием документов, призывающих к убийству британских солдат в Ираке.

Весьма критическое, если не сказать суровое отношение консерваторов к результатам политики своих предшественников порождало ряд непростых вопросов относительно дальнейших перспектив британского мультикультурализма. На момент смены власти многие мусульманские организации, выступающие за приобщение единоверцев к демократическим ценностям и за их безболезненную интеграцию в британское общество, призывали своих сторонников как можно активнее включаться в общественно-политическую жизнь страны, в том числе и посредством участия в избирательных кампаниях на местном и государственном уровнях. Причины такой социальной активности не исчерпывались практическими соображениями представителей мигрантских сообществ, не в последнюю очередь произошедшее стало следствием специальной политики Лейбористской партии в отношении этно-религиозных меньшинств. Ставилась задача привлечения мусульман к работе в политических институтах и структурах власти, что должно было способствовать выработке у «некоренных» британцев чувства ответственности за судьбу страны и сопричастности ее насущным интересам. Правда, несмотря на поощрительную политику и социальные преференции, адресованные приезжим, в отношениях между правительством и лидерами мусульманских общин чувствовался некоторый холодок, постепенно становившийся все заметней. Как бы то ни было, активная поддержка исламского населения не помогла лейбористам сформировать новое правительство. В итоге эксперты и политологи получили заманчивую возможность порассуждать о том, как же сложатся отношения британских мусульман с новым хозяином Даунинг-стрит.

Новое правительство не спешило демонстрировать столь же явную благосклонность к выходцам из мусульманских стран. Если в последние годы правления лейбористов наметилась явная, хотя и довольно медленно прогрессирующая тенденция по инкорпорированию мусульман и представителей этнических меньшинств в британскую политическую элиту, в том числе путем предоставления им высоких государственных должностей, то со сменой правительства прежние приоритеты явно утратили силу. Коалиция консерваторов и либеральных демократов «расщедрилась» всего лишь на одно министерское кресло для Сайиды Варси – баронессы пакистанского происхождения. Кроме того, Великобританию, подобно многим европейским странам, не миновали дискуссии о целесообразности запрета на ношение никаба в общественных местах. Активными сторонниками запретительных мер стали представители Консервативной партии.

Мюнхенское выступление Дэвида Кэмерона, несомненно, следует рассматривать как историческую веху, как поворотный пункт во взаимоотношениях между британским обществом и мусульманскими общинами. Если раньше отношение коренных британцев к иммигрантам, и, прежде всего, к мусульманам было делом сугубо внутренней политики, то теперь Консервативная партия придала проблеме поистине

общеевропейское звучание, обозначив свою позицию неприятия мультикультурализма уже и на международном уровне.

На фоне описываемых событий особенно интересно и в чем-то даже трагично выглядит позиция Партии либеральных демократов. Руководство партии оказалось в поистине непростом положении. На протяжении многих лет мультикультурализм являлся одним из главных постулатов, определявших политику либеральных демократов в отношении иммигрантов. Не секрет, что вопрос о стратегии интеграции иммигрантских сообществ (включая потомков приезжих) в британский социум является предметом постоянных дискуссий партнеров по правящей коалиции. Именно поэтому лидер либерал-демократов вице-премьер Ник Клегг пока было возможно, старался не акцентировать внимание на имеющихся расхождениях. Но своей речью о несостоятельности мультикультурализма Дэвид Кэмерон вольно или невольно вывел ситуацию из равновесия. По имиджу руководства либеральных демократов был нанесен ощутимый удар, в результате чего оно оказалось вынужденным объясняться перед своими сторонниками, отнюдь не разделяющими идеи консерваторов.

Каким же образом Клегг вышел из ситуации? По признанию самого вице-премьера, ему пришлось согласовывать свою позицию с Кэмероном, но приемлемая формула в итоге все же была найдена. Она заключалась в единственно возможном и спасительном для обоих политиков апеллировании к либеральным ценностям. Выступая в городе Лутон, Ник Клегг сделал «правильные» акценты. «Премьер-министр был абсолютно прав, когда заявил, что мы нуждаемся в «энергичном либерализме». Он был абсолютно прав и в том, что мы обязаны защищать наши либеральные ценности... Энергичный либерализм – это лучший инструмент в деле искоренения причин экстремизма», – отметил лидер либеральных демократов. Одновременно Клегг подчеркнул, что, по его мнению, «мультикультурная политика необходима, ибо только при условии ее проведения общество может быть открытым и уверенным в себе»¹³⁵. Удачной «находкой» политика стало противопоставление двух пониманий мультикультурализма, одно из которых якобы и послужило мишенью для консервативной критики. Реализация подобной модели мультикультурности ведет к параллельному существованию общин, не имеющих единого чувства принадлежности к британской нации. По словам Клегга, «такой мультикультурализм для нас абсолютно неприемлем». Либералы склоняются к иному наполнению этого «многострадального» термина, трактуя его как процесс, способствующий появлению у людей взаимопонимания и уважения друг к другу.¹³⁶ Консерваторы, конечно, не имеют ничего против «взаимного уважения».

Примерно через неделю после выступления Кэмерона «панихида» по мультикультурализму прозвучала из Парижа. Президент Франции Николя Саркози не стал «отставать» от своих европейских коллег и со всей определенностью назвал мультикультурный эксперимент провалом. «Разумеется, мы должны уважать различия, но мы не хотим общества, где различные группы существуют отдельно друг от друга. Если вы приезжаете во Францию, то должны принять национальное общество, если же нет, то вам не рады во Франции», – заявил президент, а затем добавил, объясняя причину по которой мультикультурализм был отвергнут французским обществом: «Мы слишком беспокоились об идентичности приезжих и слишком мало об идентичности коренных жителей».¹³⁷ Касаясь проблемы интеграции мусульманских меньшинств, не поддававшейся разрешению в рамках прежней политики и, как следствие, ставшей для нее приговором, Саркози высказался еще откровеннее. Он при-

¹³⁵ Nick Clegg sets out vision of multiculturalism // <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-12638017>.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ <http://ria.ru/world/20110211/333034181.html>.

знал за мусульманами право отправлять свою религию, но дал понять, что французы не одобряют, когда это делается напоказ. Здесь секуляризованный характер французской республики, уже не оспариваемый, а всемерно отстаиваемый консерваторами-государственниками, натолкнулся на почти непреодолимое препятствие в лице «другого» консерватизма. Один из основных политико-правовых принципов государственного устройства вошел в явное, можно сказать, мировоззренческое противоречие с привычной и естественной для мусульман формой группового религиозного поведения, не замыкаемого стенами мечети, а порой даже требующего публичности. Это традиционное поведение не нуждается в партийно-политическом оформлении или электоральной поддержке, ибо всякий его практикующий является «консерватором» не в силу личных предпочтений, а в силу глубоко укорененного и сакрализованного культурного стереотипа.

Процитированное заявление Николя Саркози было далеко не первым в числе его высказываний о мигрантах, однако впервые его слова звучали столь определенно, что могли показаться вызывающими. Французский лидер этим не ограничился. Его партия «Союз за народное движение» (UMP) инициировала дебаты о роли ислама и его совместимости с традиционными французскими ценностями. В качестве вводной для начавшейся дискуссии прозвучало утверждение, что рост числа мусульман становится проблемой для страны. Французские власти слишком трепетно относятся к сохранению самобытности иммигрантов и уделяют недостаточно внимания их интеграции в общество, в то время как поведение последних не только резко контрастирует с представлениями местных жителей о моральных пределах допустимого, но и бросает вызов действующему законодательству. В связи с этим представители правящей партии предложили разработать своего рода «кодекс для верующих». С его помощью предполагалось наметить общие подходы к решению ряда наиболее спорных и потенциально конфликтных вопросов, затрагивающих принцип «светскости» французского государства. Речь, в частности, идет о совершении намаза в общественных местах, о строительстве мечетей за счет муниципальных средств, о раздельном посещении бассейнов, о включении халяльных блюд в меню школьных столовых, о требованиях к внешнему виду наружной рекламы в местах массового проживания мусульман и т. д..

В числе наиболее горячих сторонников президентского курса можно упомянуть министра внутренних дел Клода Геана и главу UMP Жана-Франсуа Копе, которому, собственно, принадлежит идея «кодекса». Господин Копе был одним из «вдохновителей» закона о запрете ношения никабов и паранджи в общественных местах, одобренного парламентом в 2010 г. Именно на него президент возложил ответственность за проведение первого раунда национальных дебатов о роли ислама во Франции. О необходимости «очертить границы ислама» заявил и сам президент Саркози, которого перспектива грядущих выборов беспокоила более проблемы мигрантов. С учетом данного обстоятельства, любые, пусть даже самые бесплодные дебаты с лихвой оправдывали себя, если помогали «конвертировать» внимание равнодушной общественности в голоса избирателей.

Дебаты, получившие название «О разделении церкви и государства и роли ислама в республике», еще до своего начала в апреле 2011 г. вызвали жаркие споры о политической корректности и целесообразности обсуждения подобных вопросов. Выяснилось, что немалая часть французов встревожена самим фактом столь пристального внимания к исламу и усматривает в нем проявление религиозной дискриминации. Причем, среди критиков президентской инициативы оказались не только политические оппоненты Саркози «слева», но и высокопоставленные представители основных конфессий, и ряд его однопартийцев. В результате общество еще до на-

чала дебатов раскололось на два непримиримых лагеря: тех, кто считает опасным игнорировать проблему, фактически замалчивая растущую агрессивность «некоренного» населения, и тех, кто полагает, что опасность исходит от искусственного раздувания заявленной темы, вызванного предвзятым отношением к исламу вообще и к представителям мусульманских меньшинств в частности. Как следствие, главы католической, протестантской, православной, иудейской, буддистской и мусульманской общин Франции проявили единодушие и направили президенту открытое письмо, призвав его отказаться от проведения «раскалывающих общество и ранящих чувства верующих» дебатов. Представитель оппозиционной Партии социалистов Бенуа Хамон также заявил, что социалисты не будут участвовать в «дебатах, позорящих французов и Францию». А видный представитель французской партии зеленых, депутат Европарламента Ева Джоли упрекнула Никола Саркози в инициировании «исламофобской кампании» и заигрывании с праворадикальным электоратом накануне президентских выборов 2012 года.¹³⁸ И этот упрек, очевидно, не лишен оснований.

Как уже было сказано, противники проведения дебатов о роли ислама нашлись даже среди ближайших соратников президента и членов правящей партии. От участия в них публично отказались премьер Франсуа Фийон и глава МИД страны Ален Жюппе. Первый высказал озабоченность в связи с тем, что UMP «дрейфует вправо», второй не захотел «клеить отдельные группы верующих». Дальше всех пошел советник президента по вопросам интеграции Абдерахман Дахман, заявивший о превращении UMP в «фашистскую организацию», и призвавший мусульман покинуть ряды партии, если дебаты все же состоятся. Из-за этих слов советник лишился своего поста, однако не перестал критиковать планы властей.¹³⁹

Почти одновременно с Францией от мультикультурализма «отреклись» Нидерланды. Соответствующее заявление, признающее провал мультикультурной политики, сделал вице-премьер страны, министр иностранных дел Максим Ферхаген. «Мультикультурность потерпела неудачу. Голландцы больше не чувствуют себя дома в собственной стране», – заявил он в эфире телепрограммы.¹⁴⁰ Как и во всех ранее описанных случаях, «могильщиками» прежней, не оправдавшей себя политики выступили консерваторы. В Нидерландах эта роль досталась Народной партии за свободу и демократию, одержавшей победу на выборах 2010г. и сформировавшей правительство (совместно с партией Христианско-демократический призыв). Ее лидер, а затем (до апреля 2012г.) премьер-министр Марк Рютте ранее неоднократно призывал к ограничению иммиграции и к ужесточению наказания за незаконное проникновение в страну. Впоследствии он неоднократно высказывал мысли, близкие заявлениям Ферхагена. Например, находясь с визитом в России в октябре 2011г. Рютте дал интервью, затронувшее данную тему. «Что касается Европы, то мы можем сейчас говорить о том, что политика мультикультурализма там не была успешной», – сказал премьер-министр Нидерландов. Впрочем, говоря о провале мультикультурализма, представители голландских властей, как правило, не делают специального акцента на проблеме мусульманских меньшинств, как их немецкие, английские или французские коллеги. Возможно, их удерживает опасение быть невольно причисленными к сторонникам правого популиста Герта Вилдерса, чьи исламофобские эскапады наделали немало шума по всей Европе.

¹³⁸ Черненко Е. Николя Саркози перекрывает «Национальный фронт»// «Коммерсантъ», 6 апреля 2011г.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Трухачев В. «Иммигрантский» провал Голландии//<http://www.pravda.ru/world/europe/european/18-02-2011/1067053-holland-0/?mode>.

Фактический крах доктрины мультикультурализма не следует воспринимать как досадную временную неудачу европейской политики или вынужденное завершение очередного социального эксперимента. Происходящее гораздо серьезнее. И дело тут не только в том, что альтернативная доктрина пока не просматривается даже в перспективе. Отказ от продолжения мультикультурального проекта чреват пересмотром базовых принципов, на которые до сих пор опиралось развитие западного общества.

Среди серии эволюционных переменных, характеризующих переход общества к современному состоянию (в западном понимании переходности), наряду с демократией, рыночной экономикой и правовым государством присутствует еще один очень важный показатель, отчетливо выделяющийся на фоне остальных. Речь идет о культурном плюрализме – явлении, вызывающем значительный социально-политический резонанс и раскрывающем свою специфику по меньшей мере в двух смысловых плоскостях.

Во-первых, по сути своей это не состояние государственных институтов, общественных структур или умов граждан, а многовекторный процесс, затрагивающий каждую из перечисленных сфер. Во-вторых, данный процесс ведет к существенной эрозии тех принципов, на которых построено т.н. «современное» общество. Прежде всего, имеется в виду хорошо известный, но еще недостаточно исследованный феномен множественной лояльности, который с завидным постоянством воспроизводится в «текущем» социально-политическом контексте. Так происходит всякий раз, когда возникает ситуация выбора между двумя или несколькими моделями поведения, часто взаимоисключающими друг друга. Новейший европейский опыт показывает, как частные и в общем-то нейтральные проявления этнокультурной или конфессиональной самобытности ставят под сомнение единство государства-нации. Даже этническая индифферентность официального политического дискурса, выделяющая Францию в ряду других европейских государств, не помогла преодолеть практики партикуляризации и геттоизации этнических меньшинств.

В сложившейся ситуации концепция мультикультурного общества, давно и обоснованно выступающая объектом критики со стороны западных государственных органов, демонстрирует еще большую уязвимость. Традиционная критика мультикультурализма состоит в признании малоэффективности соответствующих ему методов и форм общественного регулирования, равно как и подходов к пониманию сущности демократии. Действительно, в понимании многих мультикультуралистов коллективно заявленное право на «непохожесть» оказывается едва ли не основным выражением демократии. При этом остается не вполне ясной та высокая цель, ради которой культурная сегментация общества провозглашается основополагающим принципом его существования и развития.

В самой идее и риторике мультикультурализма содержится неустранимое противоречие, делающее традиционный культурный плюрализм (не говоря уж о его постмодернистских интерпретациях) особенно уязвимым для критики. Политкорректные установки, направленные на обеспечение общественной гармонии и, в конечном счете, гражданского единства, предписывают воспринимать индивида в контексте его культурной принадлежности. Следовательно, принадлежность к ассоциации трактуется как неперемный и определяющий атрибут, «вменяемый» каждому члену поликультурного общества. (В первую очередь «ассоциируются» представители разного рода меньшинств, становящиеся таким образом «заложниками» собственного своеобразия).

Описанная схема социокультурного формотворчества имеет предельно конкретный и очевидный смысл. Ведь одним из наиболее значимых практических след-

ствий доктрины мультикультурализма оказывается привилегированное положение меньшинств, причем последнее чаще всего означает пересмотр господствующего политического принципа, связанного с культурным и языковым доминированием большинства. Соответственно, признание меньшинств государством не сводимо к простому утверждению культурного многообразия, каждый подобный акт есть своеобразная политическая декларация, зримо свидетельствующая о готовности правящего режима отныне и впредь учитывать эксклюзивные права новопризнанной категории населения. По сути именно в вышесказанном состоит основной смысл некогда американской, а теперь уже общезападной политкорректности: государство и общество берут на себя некие морально-правовые обязательства, нарушение которых идет вразрез с установленными принципами политического бытия.

Практика мультикультурализма показывает, что отказ от культурной монополии большинства в пользу выравнивания статусного положения меньшинств, зачастую не достигает своей цели. Более того, будучи призванной гармонизировать основы государственно-политического устройства и консолидировать сложное общество, данная мера подчас приводит к прямо противоположным результатам. Вместо ожидаемого сплочения происходит сегментация социальных структур по признакам групповой принадлежности; вместо придания дополнительной легитимности и прочности идее гражданской нации – еще большее «разрыхление» общенационального самосознания.

Итак, вне зависимости от узкоспециализированных доктринальных построений, отражающих социально-политический опыт и особенности исторического развития конкретных государств, реализуемые ими мультикультурные проекты обнаруживают по меньшей мере одну вполне очевидную тенденцию. Практически повсеместно мультикультуралистский дискурс стремится к размежеванию этнических, языковых либо конфессиональных особенностей с политикой и практически нигде это не удается сделать окончательно (а в целом ряде случаев все ограничивается лишь видимостью деполитизации). В действительности наблюдается обратная закономерность. Любой культурный импульс, исходящий от оформленной группы и являющийся фактором ее самоидентификации, отчетливо спроецирован в политической плоскости. Попытки игнорировать или отрицать данное обстоятельство фактически привели европейские государства в политический тупик, выхода из которого пока не видно.

3.5. Инокультурная миграция и управление культурным многообразием в западном обществе¹⁴¹

Массовая иммиграция служит важным фактором решения демографических проблем развитых стран, способствует сглаживанию структурных диспропорций их рынка труда, повышает динамику экономического роста и др. В то же время под ее влиянием происходят радикальные перемены в этнокультурной структуре, политической жизни и социальном облике принимающих обществ, являющиеся не только источником ресурсов их развития, но и причиной острых социально-политических противоречий. Острота этих противоречий во многом свидетельствует о проблемах и недостатках в интеграционной политике развитых государств.

Динамичный рост мировой экономики, характерный для большей части минувшего двадцатилетия, вызвал мощную волну перемещений иностранных работников и прочих категорий населения. Симптоматично, что даже последний глобальный кризис, оказав краткосрочное воздействие на масштабы и направленность этих

¹⁴¹ Автор – И.П. Цапенко, д.э.н., в.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

потоков, не смог переломить устойчивый тренд к поступательному увеличению мировой численности международных мигрантов,¹⁴² в 2010 г. она достигла 214 млн.¹⁴³

Чрезвычайно интенсивный рост жителей иностранного происхождения в западных странах, особенно в Испании и в Ирландии, повлек за собой превращение приезжих в весомую часть населения принимающих государств, уже превысившую его четверть в Австралии и Швейцарии (табл. 1). Более того, с учетом мигрантов во втором поколении доля жителей с иностранными корнями примерно удваивается.¹⁴⁴

Динамика численности и удельного веса населения иностранного происхождения в населении некоторых развитых стран и России, 2000–2010 гг.

Страны	Численность населения иностранного происхождения (тыс. чел.)		Удельный вес населения иностранного происхождения (%)	
	2000	2010	2000	2010
Австралия	4 412	5 994,1	23.0	26.8
Австрия	843.0	1 315,5	10.4	15.7
Великобритания	4 666.9	7 056,0	7.9	11.5
Германия	10 256,1	10 591,0	12.5	13.0
Ирландия	328,7	772,5	8,7	17.3
Испания	1 969,3	6 659,9	4.9	14.5
Канада	5 327.0	6 777,6	17.4	19.9
Нидерланды	1 615.4	1 868,7	10.1	11,2
Новая Зеландия	663.0	1 013,0	17.2	23.2
Норвегия	305.0	569,1	6.8	11.6
США	30 273,3	39 916,9	10.7	12.9
Швейцария	1 570.8	2 075,2	21.9	26.6
Швеция	1 003.8	1 384,9	11.3	14.8
Россия	11891.8	12270	8.1	8.7

Источник: International Migration Outlook: SOPEMI 2012. P., 2012. P. 336.

Усиление демографической асимметрии современного мира способствует стремительному нарастанию движения населения с Юга на Север, из развивающихся регионов в далекие от них не только географически, но и этнически и культурно

¹⁴² Под термином «международные мигранты» и синонимичным ему термином «население иностранного происхождения» понимаются лица, проживающие за пределами стран происхождения, то есть родившиеся за рубежом, включая натурализованных уроженцев других стран.

¹⁴³ Если за 90-е годы численность международных мигрантов увеличилась примерно на 15%, то в нулевые годы – уже на 20%. (World Migration Report 2010. The Future of Migration: Building Capacities for change. Geneva, 2010. P.115.)

¹⁴⁴ В США в 2010 г. мигранты первого и второго поколений составляли в совокупности 22,5% населения США, а к 2040 г. их доля может повыситься до 30,5%. (Projections of the U.S. Population, 2010-2040, by Immigrant Generation and Foreign-Born Duration in the U.S. http://www.usc.edu/schools/price/futures/pdf/2011_Pitkin-Myers_Projections-Immigrant-Generations-and-Foreign-Born_Executive-Summary.pdf). В Швеции в 2012 г. примерно 25% населения имело, по меньшей мере, одного родителя, родившегося за границей. (Hammarstedt M. and Marten Palme M. Human capital transmission and the earnings of second-generation immigrants in Sweden // IZA Journal of Migration. 2012. №1.) Во Франции мигранты первого и второго поколения составляют 20% населения (Simon P. French National Identity and Integration: Who Belongs to the National Community? Wash. DC: MPI, 2012. P.14.)

развитые регионы (Северная Америка, Европа, Австралия, Новая Зеландия и Япония). Удельный вес выходцев из развивающихся стран в потоках в США и Канаду достиг 84% и колеблется вокруг этой отметки. В Австралии и Новой Зеландии среднегодовая доля уроженцев стран Юга в общем числе прибывающих мигрантов увеличилась с 53% в 1990–99 гг. до 59% в 2000–2009 гг., в Европе – с 36 до 43% соответственно.¹⁴⁵ Этот процесс сопровождался диверсификацией географии потоков, способствовавшей усилению пестроты их этнокультурного состава.

Массовая иноэтничная и инокультурная иммиграция резко усилила культурную неоднородность принимающих обществ, превратив их в многокультурные. Высокий репродуктивный потенциал переселенцев из южных стран способствовал быстрому увеличению численности новых крупных этнических и конфессиональных меньшинств на территории развитых стран. Доля мигрантов с Юга среди жителей иностранного происхождения в странах Севера возросла с 49% в 1990 г. до 58% в 2010 г.,¹⁴⁶ достигнув максимальных отметок в США. Различия в численности и композиции инокультурного населения по странам и континентам придают существенную специфику проблемам его интеграции в принимающие общества.

Рост мобильного среднего класса в развивающихся обществах способствовал увеличению более образованных и более адаптивных к местной культурной среде контингентов мигрантов. Так, третичное образование (эквивалент высшего и среднего профессионального образования в России) имеют 63% проживающих в ОЭСР выходцев из Индии старше 15 лет, 52% – Филиппин, 45% – Китая, а заняты соответственно 67, 70 и 55%.¹⁴⁷ Однако среди мигрантов из развивающихся стран, особенно прежних переселенцев, доля лиц, не имеющих полного среднего образования, достигает гипертрофированных размеров: 70% среди уроженцев Мексики и почти 60% среди выходцев из Марокко и Туниса, проживающих в странах ОЭСР.¹⁴⁸ Низкий уровень образования значительной части мигрантов, затрудняющий их социально-экономическую интеграцию, накладываясь на их принадлежность другой культуре, придает культурным отличиям особенно резкие и устойчивые формы и сдерживает межкультурное взаимодействие в обществе.

Современная миграция не является сугубо односторонним, однонаправленным движением, предполагающим утрату мигрантами своих исторических корней и связей с родиной и их постепенную инкорпорацию в принимающее общество. Она несет черты транснационального процесса, сопровождающегося переносом общественной практики с одной земли на другую, ведущего к диверсификации социально-экономических институтов, языка, образа и стиля жизни, моделей поведения, появлению их новых гибридных форм и т.п. В сфере культуры данный процесс принимает форму «транскультурной миграции».

Один из авторов этого термина Д. Хердер определяет его следующим образом: «Транскультурная миграция – это жизнь в двух и более различных культурах и создание в ее ходе транскультурного пространства, в котором осуществляется взаимодействие между меняющимися пространствами исхода и назначения мигранта, а также другими пространствами, сопровождающееся метизацией, объединением, диалогом, конфликтами и сопротивлением. В процессе транскультурации (перемещение определённой этнокультурной общности в другую культурную среду –

¹⁴⁵ Secretary-General's Report on International Migration and Development 2012.

¹⁴⁶ Рассчитано по: Secretary-General's Report on International Migration and Development 2012.

¹⁴⁷ Dumont J.-Chr. Global Profile of Diasporas. Tenth Coordination Meeting on International Migration. New York, 9-10 February 2012.

¹⁴⁸ A Profile of Immigrant Populations in the 21st Century. P., 2008. P. 84.

прим. автора) меняются и индивид, и общество, интегрируя различные образы жизни в новую динамичную повседневную культуру»¹⁴⁹.

Как показывает история демографической глобализации, в результате иммиграции и сопутствующих ей межкультурного взаимодействия, интеграции и постепенной спайки разных этносов и культур появляются ранее не существовавшие популяции (расово-этнические и культурно-цивилизационные группы). Примерами таких популяций могут служить американская, канадская, австралийская и новозеландская нации, латиноамериканский суперэтнос и др.¹⁵⁰ И в Европе под влиянием инокультурной иммиграции происходят кардинальные социокультурные сдвиги. Процесс формирования современных транскультурных сообществ имеет целый ряд проявлений.

Во-первых, коренное население развитых стран постепенно принимает новое культурное многообразие своего общества и демонстрирует на уровне массового сознания растущую готовность к межкультурному взаимодействию. В 2011 г. 44% жителей ЕС относили к числу наиболее прочно утвердившихся в ЕС ценности культурного многообразия, 56% – ценности толерантности и открытости по отношению к другим, причем значимость этих ценностей выросла примерно на 10 пунктов по сравнению с 2007 г.¹⁵¹ Согласно данным опросов, большинство жителей европейских стран считают благотворным для общества наличие в нем представителей разных рас, религий и культур. Рост этнического разнообразия обогащает принимающие общества новыми формами культуры и общественной организации.¹⁵²

Во-вторых, в повседневной жизни населения расширяется круг межэтнического и межкультурного общения. Доля жителей ЕС, имевших друзей и знакомых среди людей другой веры, возросла с 64% в 2009 г. до 67% в 2012 г., а среди людей другого этнического происхождения – с 57% до 59%.¹⁵³ Как известно, усиление тесноты контактов между представителями разных культур зачастую способствуют взаимному улучшению их имиджа и отношений между ними.

В-третьих, растет количество смешанных браков. В США доля новых браков между представителями разного этнического и национального происхождения возросла с 6,7% в 1980 г. до 14,6% в 2009 г. В этой стране между 1994–2007 гг. доля потомков мигрантов из Азии, родившихся в Америке, которые имели супругов из другой

¹⁴⁹ Harzig Chr., Hoerder D., Gabaccia D. What is Migration History? Cambridge: Polity press, 2009. P. 84-85.

¹⁵⁰ Население и глобализация. М.: Наука, 2004. С. 173, 199

¹⁵¹ Special Eurobarometer. 2012. № 379. "Future of Europe".

¹⁵² Этнические искусство, обычаи, кухня, одежда, фестивали и праздники, выходят за границы мигрантских кварталов, проникают в стиль жизни местного населения и становятся частью облика целых городов. Так называемая этническая экономика демонстрирует благодаря использованию «этнических ресурсов», включающих семейно-родственные связи, общность культуры, религии и языка, этническую солидарность и доверие, национальные традиции и ценности предпринимательства и др. и способствующих снижению транзакционных издержек, удивительную жизнестойкость. Благодаря использованию тех же этнических ресурсов мигранты успешно развивают транснациональную торговлю, удовлетворяющую спрос соотечественников в особых товарах, привычных на их родине: национальных блюдах, напитках, музыке и т.п. В научных исследованиях культурное многообразие и толерантное отношение к нему рассматриваются как одно из условий развития креативной экономики (*Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York: Basic Books, 2002.*) Обнаруживается взаимосвязь между разнообразием культурных корней работников и результативностью НИОКР. (*Niebuhr A. Migration and Innovation. Does Cultural Diversity Matter for Regional R&D Activity? IAB Discussion Paper № 14/2006. P. 21. <http://doku.iab.de/discussionpapers/2006/dp1406.pdf>*).

¹⁵³ Special Eurobarometer. 2012. № 393. "Discrimination in the EU in 2012".

этнорасовой группы, варьировалась между 40% среди мужчин и 50% среди женщин.¹⁵⁴

В-четвертых, жизнь мигрантов в разных культурных пространствах и взаимодействие с людьми разной культурно-цивилизационной принадлежности формирует двойственную и множественную транскультурную идентичность и лояльность. Как показал опрос 2008-2009 гг. во Франции, среди мигрантов, приехавших в эту страну взрослыми, доля ощущающих себя одновременно французами и представителями своей этнической группы, составляет 45%, среди переселившихся туда еще детьми – 58%, а среди потомков иммигрантов (оба родителя иммигранты) – 66%.¹⁵⁵

Та же тенденцию к синтезу культур прослеживается и в представлениях о сохранении американской идентичности, высвеченных опросом населения США в 2004 году. Согласно результатам этого обследования, чтобы быть истинным американцем необходимо не только иметь американское гражданство, уметь говорить по-английски, чувствовать себя американцем, но и уважать культурные различия между людьми (так считают 97% респондентов), видеть в людях американцев независимо от их происхождения (93%), сохранять культурные традиции предков (73%).¹⁵⁶

Транскультурация, содействуя диффузии культур, нередко носит остроконфликтный характер. Социокультурная экспансия приезжих порождает столкновения норм и ценностей разных культур и цивилизаций.

В условиях сосредоточения значительной части мигрантов в этнических анклавах, где воспроизводятся язык, культура, многие обычаи и поведенческие стереотипы, характерные для социокультурной среды и стран их прежнего проживания, транскультурный образ жизни приезжих с доминирующей ориентацией на родину и родную культуру, ограничивая их адаптацию к жизни в новой стране рамками их этнокультурной группы, выступает как альтернатива интеграции в экономику и общество мейнстрима, как фактор, сдерживающий этот процесс. Подобная проблема существует во всех принимающих странах, имея лишь разные проявления.

В США, где свыше 80% населения иностранного происхождения, приходится на долю выходцев из развивающихся стран, причем более 50% – на уроженцев Латинской Америки (из которых 29% – мигранты из Мексики), основная проблема социокультурной интеграции связана с испанизацией населения. Быстро растущее испаноязычное население США уже превышает 16%. Незнание его значительной частью английского языка, усугубляемое низким уровнем образования, является одним из главных барьеров на пути полноценной интеграции в американское общество, создавая потенциальную угрозу лоббирования в США введения второго официального языка и т.п.

В Европе, несмотря на существенно меньшие масштабы инокультурной иммиграции (выходцы из развивающихся стран составляют менее половины населения иностранного происхождения на континенте), проблемы, связанные с ней, гораздо острее, а решение их гораздо сложнее, чем в других регионах, что обусловливается как качественными особенностями иммиграции, так и отношением к ней в принимающих обществах. Свыше 70% мигрантов с Юга, проживающих в Европе, приходится на долю уроженцев афро-азиатских стран, в большинстве своем принадле-

¹⁵⁴ Jiménez T. Immigrants in the United States: How Well Are They Integrating into Society? MPI, 2011. P. 15, 17.

¹⁵⁵ Simon P. French National Identity and Integration: Who Belongs to the National Community. MPI, 2012. P. 10.

¹⁵⁶ Jiménez T. Immigrants in the United States: How Well Are They Integrating into Society? MPI, 2011. P. 15, 17.

жащих нехристианской конфессии.¹⁵⁷ В США в 2010 г. 74% населения иностранного происхождения составляли представители христианской конфессии, а исповедующие ислам насчитывали лишь 5% иммигрантов. В Европейском Союзе удельный вес христиан среди иммигрантов (включая выходцев из стран ЕС) снижался до 56%, а мусульман повышался до 27%, причем среди иммигрантов из третьих стран эти показатели почти сравнивались: 42% и 39% соответственно.¹⁵⁸

Существенная иммиграция выходцев с мусульманского востока превратила ислам во вторую по числу приверженцев религию континента, а исламизацию общества – в наиболее болезненную проблему социокультурной интеграции мигрантов в регионе. По данным исследовательского центра Pew Research Center, в ЕС проживает 13 млн. мусульман, родившихся за пределами ЕС. Совокупная численность быстро растущих мусульманских общин, включая потомков мигрантов, в Западной Европе регионе превышает 18 млн. (4,5%), а в 2030 г. может достичь 30 млн. (более 7% населения региона).¹⁵⁹

Конфессиональный фокус проблемы интеграции мигрантов в Европе в отличие от лингвистического в США закладывает большие трудности интеграционной политики на континенте. Хотя в некоторых европейских странах наблюдаются признаки роста открытости мусульманских общин,¹⁶⁰ в целом сохраняется их замкнутость. Она порождается приверженностью совершенно иной, неевропейской системе норм и ценностей в сочетании с низким уровнем образования значительной части членов исламских общин (в отличие от не столь многочисленных мусульман, проживающих в США, которые имеют существенно больший образовательный багаж и не представляют аналогичной проблемы для американского общества).

Негативный фон для интеграции мусульман создает и секьюритизация этой проблемы, т.е. ее увязка с вопросами национальной безопасности. По каналам миграции происходит трансляция общей нестабильности стран происхождения мигрантов, в частности исламского мира, на территорию западных государств. Угрозы терроризма, связанные с нелегальной иммиграцией, усиливаются в Европе наличием крупных мусульманских меньшинств, в среде которых получают поддержку экстремистские идеи.

Инокультурная миграция делает вызов социально-политической стабильности, толерантности и демократичности принимающих обществ. Рост культурного разнообразия нередко влечет за собой усиление этноконфессиональной фрагментации принимающего общества и формирование в нем цивилизационных разломов.¹⁶¹ Наступление идентичностей населения развивающихся регионов усиливает межэтническую, межкультурную и межкультурную напряженность, которая, вероятнее всего, станет одним из главных источников социальной конфликтности на территории принимающих стран: как между приезжими и местными жителями, так и внутри этих групп.

¹⁵⁷ Рассчитано по: Population Facts. 2012. № 3.

¹⁵⁸ Faith on the Move. The Religious Affiliation of International Migrants. Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life. 2012. P. 52, 54.

¹⁵⁹ The Future of the Global Muslim Population, Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life, 2011. P. 124.

¹⁶⁰ Согласно данным обследования 2006 г., 78% мусульман во Франции, 53% во Испании и 41% в Великобритании заявляли о желании принять обычаи и стиль жизни страны своего проживания. (Muslims in Europe: Economic Worries. Top Concerns about Religious and Cultural Identity. 13-Nation Pew Global Attitudes Survey 2006 с.8.)

¹⁶¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Противники иммиграции из развивающихся стран окрестили ее аннексией третьего мира, наводнением, цунами и даже бескровным геноцидом. Хотя большинство коренного населения декларирует приверженность ценностям толерантности, в реальной жизни ксенофобия и расизм, традиционные спутники иммиграции, даже усиливаются под воздействием нестабильности экономики, отражая усиление тревог местного населения относительно того, что иммигранты отбирают у них рабочие места и увеличивают нагрузку на местный бюджет. Рост антииммиграционных настроений в обществе формирует социальные предпосылки происходящего укрепления политических позиций правого радикализма.

В подобных условиях проблема инаковости мигрантов превращается в проблему социальной маргинализации, культурные различия трансформируются в социальное неравенство. Одним из главных механизмов этого процесса является дискриминация инокультурных мигрантов. 56% опрошенного в 2012 г. населения ЕС утверждали о широком распространении дискриминации на почве этнического происхождения и 39% – на почве религии или веры, отмечая усиление такой дискриминации в годы кризиса.¹⁶² Серьезные препятствия на пути социально-экономической интеграции мигранта возникают из-за «ограниченной переносимости» человеческого капитала, накопленного мигрантом в стране происхождения и тесно связанного с ее социокультурной средой, при переезде его носителя в другую страну.¹⁶³

Социальное неравенство мигрантов проявилось особенно резко в условиях последнего глобального кризиса, продемонстрировав опережающий с огромной дистанцией рост безработицы и доли лиц, проживавших ниже черты бедности, среди иммигрантов. Подобное неравенство усугубляется трудностями обучения мигрантов и их потомков в другой культурно-лингвистической среде, которые сказываются на их образовании, являющемся главным двигателем социального лифта. В ЕС доля молодых людей, бросающих учебу, среди мигрантов вдове выше, чем среди местной молодежи (26.4% по сравнению с 13.1% в 2009 г.).¹⁶⁴

Низкий уровень социально-экономической интеграции в свою очередь становится препятствием нормальному межкультурному взаимодействию. Возникает так называемый кризис интеграции мигрантов, который переживают в той или иной мере практически все развитые страны.

Ответственность за неудачи в интеграции мигрантов возлагаются на политику мультикультурализма. В отличие от принципа ассимиляции, предполагающего одностороннее усвоение переселенцем социальных нормативов относительно гомогенного принимающего общества, его постепенное поглощение этим обществом, в основе мультикультуралистской концепции интеграции¹⁶⁵ лежит признание постоянно существующего культурного многообразия в обществе и регулирование этого многообразия на основе принципов взаимности, равенства и сплоченности. Социокультурная интеграция мигрантов направлена на обеспечение реализации прав эт-

¹⁶² Special Eurobarometer. 2012. № 393. "Discrimination in the EU in 2012".

¹⁶³ Неполная востребованность и обесценивание этого ресурса происходят из-за незнания приезжими языка страны проживания или недостаточного уровня владения им, несоответствия образования/квалификации, полученных мигрантами за рубежом, требованиям, предъявляемым к ним в стране приема, отсутствия или дефицита профессионального опыта, приобретенного в стране иммиграции и др. (Chiswick B. The Effect of Americanization on the Earnings of Foreign-born Men // Journal of Political Economy. October 1978. P. 897-921.)

¹⁶⁴ Commission Staff Working Paper. EU initiatives supporting the integration of third-country nationals Brussels, 20.7.2011. SEC(2011) 957.

¹⁶⁵ Подробнее об этом в: Семененко И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С. 58-68; № 11. С. 57-71.

нокультурных меньшинств в области культуры и вероисповедания и их защиту от дискриминации.

Эта политика, как считают ее критики, потерпела полный провал: она не только еще более сегрегировала мигрантов, не решив при этом их социальных проблем, но и вызвала недовольство местного населения наступлением других культур и конфессий. Об этом в частности свидетельствуют запреты на ношение знаков религиозной атрибутики в общественных местах во Франции, Германии и Бельгии, голосование против минаретов в Швейцарии и др.

С середины 90-х годов, особенно после террористических актов в США, Испании и Великобритании, заостривших увязку миграции с вопросами национальной безопасности и сплоченности общества, вновь усиливших акцент на лояльность конкретной национальной идентичности, возрождаются идеи возврата к ассимиляции мигрантов. Термин «этнические меньшинства» все чаще заменяется термином «культурное многообразие», чтобы вербально деэтнизировать проблему, заменить жесткое противопоставление «свой – чужой» на более мягкое «свой – другой», акцентировать позитивные аспекты культурного многообразия. На передний план выходит политика так называемой гражданской интеграции мигрантов, включающая их обучение языку страны проживания, знакомство с ее историей и политико-правовым устройством, предусматривающая борьбу с дискриминацией и отводящая ключевую роль в интеграции мигрантов обеспечению их занятости. В отличие от «мягкого» мультикультурализма данная политика предполагает жесткие, принудительные формы интеграции, направленные на искусственную гомогенизацию общества, особенно в Дании, Германии и Австрии, где допускается применение санкций против мигрантов за уклонение от подобной интеграции, а также требуется фактическое подтверждение их принадлежности новому обществу.

Однако результаты осуществления мультикультурных практик не столько однозначны, о чем хотя бы свидетельствует рост политического участия мигрантов. Да и слухи о смерти мультикультурализма, пожалуй, сильно преувеличены. Исчезновение термина «мультикультурализм» из политического лексикона не означает прекращения соответствующей политики и демонтажа ее институтов. У. Кимлика, активный приверженец мультикультурализма, измеряя состояние этой политики по восьми ее «эмблемным» направлениям¹⁶⁶ на материале 21 развитой страны с помощью разработанного им индекса, показывает, что на протяжении 1980 - 2010 гг. мультикультурное содержание интеграционной политики в целом в этой группе государств, в том числе в подгруппе европейских стран, сохранялось и даже усиливалось (см табл.). Мультикультурная политика по-прежнему весьма активно проводится в Канаде, Австралии и Швеции. Расширение мультикультурных инициатив наблюдается в

¹⁶⁶ Индекс политики мультикультурализма в отношении иммигрантов строится как среднеарифметическое балльных оценок по шкале от 0 до 8 каждой из следующих 8 областей этой политики:

- 1) конституционное, законодательное или парламентское признание мультикультурализма как на национальном и/или региональном, муниципальном уровнях и существование правительственного органа по осуществлению данной политики, привлекающего для консультаций этнические сообщества;
- 2) внедрение принципов мультикультурализма в учебный процесс;
- 3) включение представителей меньшинств/или отражающих их интересы в органы контроля и лицензирования СМИ;
- 4) изъятие из дресс-кодов решением судов или законом;
- 5) разрешение двойного гражданства;
- 6) финансирование культурной деятельности организаций этнических групп;
- 7) финансирование билингвального образования или обучения родному языку мигрантов;
- 8) программы утвердительных действий в отношении ущемленных групп иммигрантов.

Бельгии, Финляндии, Греции, Ирландии, Норвегии, Португалии, Испании и Швеции. Существенное свертывание мультикультурных программ отмечается лишь в Нидерландах и небольшое – в Дании и Италии, причем в этих странах и прежде не сложилось прочных традиций подобных инициатив.

Таблица. Индекс политика мультикультурализма в отношении иммигрантов, 1980–2010 гг. (баллы, от 0 до 8, чем выше балл, тем активнее политика)

	1980	2000	2010
Австралия	4	8	8
Австрия	0	1	1.5
Бельгия	1	3	5.5
Великобритания	2.5	5.5	5.5
Дания	0	0.5	0
Германия	0	2	2.5
Греция	0.5	0.5	2.5
Испания	0	1	3.5
Ирландия	1	1.5	3
Италия	0	1.5	1
Канада	5	7.5	7.5
Нидерланды	2.5	5.5	2
Новая Зеландия	2.5	5	5.5
Норвегия	0	0	3.5
Португалия	1	2	3.5
Финляндия	0	1.5	6
Франция	1	2	2
Швейцария	0	1	1
Швеция	3	5	7
США	3	3	3
Япония	0	0	0
Западноевропейские страны в среднем	0.7	2.1	3.1
Все развитые страны в среднем	1.29	2.71	3.52

Источник: Kymlicka W. Multiculturalism: Success, Failure, and the Future. MPI, 2012. P. 26.

В Стратегии ЕС «Европа 2020» указывается на необходимость разработки нового подхода к интеграции мигрантов, благодаря которому они могли бы полностью реализовать себя в новом обществе. В идеале такой подход должен обеспечивать уравнивание переселенцев в основных правах с коренными жителями, инкорпорацию мигрантов и их потомков в социально-экономическую и политическую жизнь общества, предоставление возможностей для сохранения родной культуры, религии и языка, создание условий для нормального взаимодействия между ними и принимающим обществом. Однако на данный момент не просматривается принципиальных альтернатив политике социокультурной интеграции, основанной на принципах мультикультурализма. Речь может идти лишь об ее обновлении, предполагающем обеспечение условий для усиления мирного, позитивного и добровольного взаимодействия между культурами и конфессиями. Даже один из яростных критиков мульт-

тикультурализма К. Жоппке признает, что в отношении религии нет альтернативы плюралистичному, фактически мультикультурному ответу государства.¹⁶⁷

Глава IV. Страновая специфика проявления этносоциальных проблем и конфликтов

4.1. Глобальный кризис и проблемы политической конфликтности в современной Испании¹⁶⁸

Проблема появления и роста конфликтных настроений самого разного свойства, усиления социальной и политической конфликтности и напряженности в обществе является, вероятно, одной из сущностных в политической науке. В свою очередь, непрекращающиеся споры в научном сообществе по различным аспектам данной проблемы естественно и неизбежно подводят исследователей к постановке и решению некоторых вопросов иного рода. Вопросы эти касаются методологических подходов к изучению указанной тематики, потребности усовершенствовать и уточнить понятийно-категориальный аппарат научного исследования, наконец, необходимости придать большую четкость собственным, порой не просто концептуальным, а философским представлениям о направлении и способах получения или приращения нового знания.

Ключевым остается вопрос о влиянии мировых экономических кризисов на социально-политическую конфликтность в обществе, при том, что осмысление такого рода кризисов выходит далеко за пределы простой оценки состояния мировой экономической конъюнктуры. Если предположить, что подобное влияние присутствует, можно ли проследить некую периодичность и даже цикличность в усилении подобного конфликтного потенциала в обществе, учитывая, что циклические экономические кризисы приобрела мировой и даже, как показывают события последнего времени, глобальный характер.¹⁶⁹

В связи с этим возникает дополнительный вопрос о возможности сравнения не только мировых кризисов, но и сопоставления их влияния на социальную и политическую конфликтность в обществе в разных странах и регионах мира. Параллельно можно говорить с большой долей вероятности о взаимовлиянии мировых экономических кризисов и социально-политической конфликтности в обществе, поскольку поведение субъектов экономической деятельности в силах стать и становится на практике одним из факторов развития кризисных явлений в экономике. Эти влияние и взаимовлияние начали проявляться особенно ярко и приобрели особое значение с момента, когда очередной мировой экономический кризис принял глобальный характер в условиях экономической глобализации. В связи с этим многие исследователи заявили о системном кризисе самой модели развития, западноцентричной по преимуществу.¹⁷⁰

¹⁶⁷ Joppke Chr. The Role of the State in Cultural Integration: Trends, Challenges, and Ways Ahead. MPI, 2012. P. 5.

¹⁶⁸ Автор - И.Л. Прохоренко, к.полит.н., в.н.с. Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

¹⁶⁹ Подробнее о механизмах циклов политического развития и перспективах социально-политической динамики, влиянии экономических и культурных циклов на политическое развитие см.: Циклы политического развития: прогностический потенциал (сборник статей) / Отв. ред. В.И.Пантин, В.В.Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

¹⁷⁰ См., напр.: «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? (Проблемы концептуализации современного развития). Материалы заседания научно-теоретического материала ЦЭСПИ

Нынешний глобальный финансово-экономический кризис, названный Великой рецессией по аналогии с Великой депрессией 1929-1933 гг., привел к появлению новых и обострению существующих противоречий во всех без исключения странах мира, западных и незападных, независимо от того, является ли их экономика развитой, развивающейся или переходной. Испания оказалась в числе тех стран, которая особенно тяжело переживает влияние глобального кризиса. Хотя кризисные явления в политическом и социально-экономическом развитии Испании нарастали давно, именно глобальный кризис стремительно и убедительно вскрыл структурные слабости и уязвимые места в национальной модели развития в широком смысле. Он способствовал поляризации общественно-политических настроений на фоне роста массового недовольства происходящим в стране, увеличил политическую конфликтность в обществе, как по вертикали, так и по горизонтали.

Эта политическая конфликтность весьма неоднородна, различные ее составляющие (имеются в виду различные типы конфликтов) не являются исключительной особенностью Испании, однако имеют неповторимую испанскую специфику. Более того, многие причины различных социально-политических конфликтов, потенциал которых нарастает в сложившихся условиях, следует искать в историческом прошлом Испании, выявляя и пытаясь найти объяснение возможной периодичности обострения конфликтов.

В основе одного из главных политических конфликтов в Испании – вертикального конфликта целого и части, между центром и регионами (автономными сообществами)¹⁷¹ – лежат исторические причины, региональные диспропорции. Они здесь носят структурный характер, дополняются социально-экономическим неравенством и экономической поляризацией регионов, становления политической (гражданской) нации так и не произошло окончательно, присутствует фискальный национализм «богатых» автономных сообществ. Противоречия между глобализацией и локализацией, регионализацией и локализацией внесли новый нюанс в традиционное для Испании, начиная со времен династического брака Католических королей Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского противостояние центра и регионов. Формально оставаясь унитарным государством, Испания активно движется по пути федерализации.

Регионы Испании обладают не только административными, но также и законодательными полномочиями в таких областях, как региональное и городское пространственное планирование, формирование институтов регионального управления, экономическое развитие региона, транспорт, сельское хозяйство и рыболовство, культура, образование, социальное обеспечение и здравоохранение, охрана окружающей среды. В соответствии с объемом полномочий, переданных государством на региональный уровень управления, выстроена и система межбюджетных отношений в Испании. Местные языки были признаны официальными наряду с испанским (кастильским) в границах соответствующих автономных сообществ.

Обращение к историческому прошлому Испании, как близкому, так и далекому, показывает определенную периодичность усиления партикуляристских тенденций, хотя здесь присутствует и элемент случайности. Вероятно, поэтому многим си-

(сектор прикладных социально-политических исследований) в октябре 2011 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7. С. 92-106, № 8. С. 98-115.

¹⁷¹ Демократическая конституция Испании 1978 г. предоставила провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, право получить самоуправление. Таким образом было образовано 17 региональных автономных объединений (сообществ) в целом в соответствии с прежним делением страны на провинции и исторические области, а не по этническому принципу. Особый статус автономных городов приобрели эксклавы Сеута и Мелилья на побережье Северной Африки (на территории Марокко).

туация в Испании не кажется тупиковой, а распад единого государства – неизбежным. Тем более, что характеру жителей Испании всегда была мало свойственна «та отвратная деловитость и последовательность», о которой писал в свое время Джордж Оруэлл, участник событий Гражданской войны в Испании, рассуждая об особенностях испанского варианта фашизма.¹⁷²

Традиционно свою роль в этом вопросе играли внешние факторы, факторы экономической конъюнктуры. В последние десятилетия определяющими обстоятельствами являются экономическая и политическая глобализация (в том числе сопутствующие ей процессы международной миграции, становления системы глобального управления как управления многоуровневого), европейская интеграция (в частности, усиление наднациональности в системе управления ЕС), свое значение имеет и историческая смена эпох, смена поколений, изменения, происходящие в системе общественно значимых ценностей и социального поведения.

До сих пор в политической науке ведутся споры в том, каким образом типологизировать данный конфликт, который является многомерным феноменом, присутствует ли в нем этническая доминанта, является ли он этнополитическим, этнотерриториальным, этносоциокультурным или каким-либо иным, в каких категориях его следует осмысливать (этничность, территория или политическое пространство).¹⁷³

Большинство исследователей в Испании, многие российские испанисты (к которым принадлежит и автор) убеждены, что индивидуальная и коллективная идентичность в Испании строится не по этническому, а по территориальному принципу. Природа регионализма и локализма понимается жителями Испании иначе, чем в России, для жителя этой иберийской страны важен факт рождения или проживания в конкретной местности. Этнический компонент, безусловно, присутствует в территориальном сообществе, но не является доминирующим. Другое дело (и это происходит не только в Испании), что региональные элиты содействуют превращению внутригосударственного территориального сообщества в политический субъект, а общие для жителей региона ценностные ориентации, символы и смыслы все более приобретают политический характер. Создаются условия для «политизации периферии» (неологизм С.Роккана и Д.Урвина), формирования региональных партийно-политических систем, в рамках которых происходят артикуляция и агрегирование региональных интересов. Наблюдаются конкуренция и даже конфликт не только между идентичностями различного уровня, но и между различными территориальными идентичностями в государстве. Как это ни парадоксально, но свой вклад в развитие партикуляристских настроений вносят и представители научного сообщества. Так, известный исследователь территориальной политики в Европе Майкл Китинг уже два десятилетия назад в своих научных трудах уверял читателей, что Каталония, вне всякого сомнения, является нацией.

Институциональный конфликт считается главной формой стратегии автономных сообществ в их отношениях с центром. Двустороннее взаимодействие центральных властей и руководства отдельной автономии преобладает над многосторонним взаимодействием между центром и регионами, несмотря на создание соответствующих институтов многостороннего взаимодействия центра и регионов (например, тематических отраслевых совещаний на временной или постоянной осно-

¹⁷² См.: Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. Эссе: Сб.: Пер. с англ. М., 2003. С. 68-70.

¹⁷³ О возвращении дискурса этничности в публичную дискуссию в обществах с укорененной демократической традицией и его растущей политизации см. статью И.С.Семененко в данном сборнике «Проблемы концептуализации политической конфликтности в XXI веке».

ве).¹⁷⁴ К этому надо добавить непростые отношения между самими регионами, прежде всего, по вопросам межбюджетных отношений, региональной политики государства. Испанское «государство автономий» давно поставлено перед выбором двух основных сценариев будущего развития: дальнейшая федерализация или установление асимметричных конфедеративных отношений между центром и отдельными регионами, которые признают себя нациями.

Традиционные для Испании партикуляристские настроения усилились в связи с финансово-экономическим кризисом и рецессией, кризисом в зоне евро. Недовольство автономных сообществ вызывает антикризисная политика центрального правительства и серия реформ экономического управления в Европейском союзе, реализацию которых также ускорил глобальный кризис.

Необходимость соблюдения регионами новых правил финансовой дисциплины, усиление координации фискальной политики национальных правительств со стороны Европейской комиссии, увеличение наднационального компонента в финансовом регулировании, планируемое установление прямой зависимости решений о предоставлении средств из европейских фондов от выполнения государствами-членами обязательств по сокращению бюджетного дефицита и размеров государственного долга в рамках «европейского семестра», скорая реализация планов по созданию банковского союза в ЕС – все это вызывает возражение со стороны региональных властей, прежде всего наиболее богатых и передовых в социально-экономическом отношении автономий Испании.

Именно сложная экономическая ситуация и нежелание подчиниться новым правилам экономического управления в государстве автономий, которые означают возврат к более централизованной модели, а также пример Шотландии подтолкнули власти Каталонии к очередной попытке добиваться независимости (провести в 2014 г. референдум по вопросу о выходе из состава Испании). Безусловно, драматическая ситуация на рынке труда (безработица в сегодняшней Испании превысила 26% трудоспособного населения), рост бедности, невозможность для государства, как прежде, оказывать поддержку малообеспеченным слоям населения, малым и средним предпринимателям, которых абсолютное большинство в Испании, – все это объективно увеличивает число сторонников отделения «богатого» региона в условиях, когда радикально настроенные региональные лидеры обещают населению альтернативные сценарии выхода из кризиса.

Впрочем, Каталония, в отличие от Страны басков, не добилась еще для себя финансовой автономии от Центра. Автономия, как и остальные регионы Испании, за исключением Страны басков и Наварры, вправе оставлять у себя половину доходов от налогообложения физических лиц и половину дохода от сбора налога на добавленную стоимость. 58% достиг размер цессии в отношении косвенных специальных налогов (на табак, алкогольные напитки, розничную продажу углеводородных источников энергии). Каталонии гарантированы полномочия определять налоговые ставки и размер налоговых вычетов, а также минимальной величины индивидуального налога совокупного налога семьи. Наконец, она имеет возможность устанавливать собственные налоги, собираемые на своей территории, согласовывая свои действия с

¹⁷⁴ В свою очередь, институт совещаний глав исполнительной власти государства и автономных сообществ («конференция президентов», *Conferencia de Presidentes*), созданный по инициативе председателя правительства социалистов как регулярные (ежегодные) встречи председателей центрального правительства, правительств 17 автономных сообществ и автономных городов Сеута и Мелилья, в годы правительства Народной партии был забыт.

центральной администрацией, проводить ревизию взимания налогов, пересматривать размер цессии налогов каждые пять лет.¹⁷⁵

Центр не решается пока использовать имеющиеся у него в арсенале законные инструменты сохранения целостности государства (согласно статье 155 Конституции страны, к примеру, имея необходимое для этого абсолютное большинство правительственной Народной партии в Сенате – верхней палате генеральных кортесов),¹⁷⁶ осознавая в то же время опасность кризиса государственности на фоне пессимистических прогнозов развития экономической ситуации в стране. Естественно, что действия с применением силы также вряд ли возможны в условиях нынешней политической реальности (если сравнивать периоды Великой депрессии и глобального финансово-экономического кризиса, соответственно).

Ключевым остается вопрос о влиянии процессов европейской интеграции на рост партикуляристских настроений в Испании. В настоящее время действия сепаратистов Каталонии и Страны басков не находят поддержки европейских властей. Следует отметить, что институты и органы Европейского союза не заинтересованы в дальнейшей децентрализации в государствах-членах, которая естественным образом затрудняет и удлинняет процесс принятия решений на наднациональном уровне и, соответственно, их имплементации национальными правительствами.

Субнациональные (прежде всего, региональные) власти играют при этом второстепенную, однако весьма значительную и все большую роль: ведь более двух третей наднациональных решений исполняются именно ими. Европейская комиссия вынуждена организовать взаимодействие с регионами, добиваясь точной и единообразной имплементации. Со своей стороны, региональные власти добились понимания наднациональными властями Союза важности привлекать их к обсуждению еще на ранних этапах выработки решений – на стадиях определения актуальности той или иной проблемы и разработки политики в определенной области.

Европейская интеграция создала совершенно новый – наднациональный – уровень управления. Тем самым она не только придала институциональную динамику политической деятельности на различных территориальных уровнях внутри государства, но и обеспечила новым политическим акторам – регионам и местным сообществам, крупным городам – структурную возможность в поисках политической силы и представительства интересов за пределами государства.

Одновременно надо признать, что историческая идея «Европы регионов» постепенно отошла на второй план, и это усиливает настроения европессимизма в регионах, негативную реакцию на нивелирующие тенденции, неприятие тех или иных мероприятий ЕС в сфере региональной политики и политики сплочения Сообщества, боязнь на эмоциональном, психологическом уровне потерять свою самобытность. Идея «Европы с регионами» создает политические возможности для некоторых ре-

¹⁷⁵ О системе финансирования автономных сообществ Испании см. подробнее: Прохоренко И.Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 79-89.

¹⁷⁶ Согласно статье 155 Конституции Испании, если региональное автономное сообщество не выполняет обязательств, налагаемых на него Конституцией или другими законами, либо его деятельность противоречит общенациональным интересам Испании, центральное правительство, предварительно известив главу правительства автономного сообщества, даже если извещение останется без ответа, может с согласия абсолютного большинства Сената принять меры к тому, чтобы заставить автономное сообщество выполнять указанные обязательства в принудительном порядке, принять меры для защиты общегосударственных интересов, давая распоряжения любым властям автономного сообщества (см. полный текст Конституции Испании на официальном сайте правительства Испании: http://www.lamoncloa.gob.es/NR/rdonlyres/79FF2885-8DFA-4348-8450-04610A9267F0/0/Constitucion_es.pdf).

гионов. Маастрихтский договор, который вступил в силу в 1993 г., предусмотрел право для государств-членов, где имеется система региональной власти с исполнительными органами, привлекать к участию в работе в Совет ЕС региональных представителей. Так поступили федерации Бельгия, Германия и Австрия, региональные государства Испания и Италия, а также Великобритания, где в настоящее время идут процессы деволюции – передачи все больших полномочий государственного управления на уровень входящих в Соединенное Королевство Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Вместе с тем предполагается, что региональные представители в национальных делегациях должны отстаивать именно национальные интересы, а не исключительно интересы собственных регионов (как это и происходит в случае с Испанией).

Центральные власти Испании не ставят своей целью добиваться для себя исключительной монополии на политической сцене Европейского союза. Однако для них представляется предпочтительным участие регионов в процессе принятия европейских решений через сотрудничество с центральными властями, нежели посредством прямого взаимодействия с институтами Евросоюза. На сегодняшний день прямое взаимодействие скорее дополняет, а не заменяет сотрудничество регионов с государством.

На сегодняшний день все это перестает соответствовать амбициям региональных властей Каталонии и Страны басков, их уже не удовлетворяет отведенное им место в системе политического и экономического управления в рамках транснационального пространства Европейского союза. А ведь не так давно накануне вступления в ЕЭС политические элиты в Мадриде ожидали, что вхождение Испании с европейские структуры позволит региональным элитам действовать не только на общеиспанском, но и на европейском уровне, обоснованно надеясь на ослабление партикуляристских настроений. Показательно, что, приветствуя вступление Испании в Европейское экономическое сообщество, тогдашний лидер каталонских левых республиканцев Эриберт Баррера заявил: «Мне кажется это весьма необходимым потому, что чем больше мы будем европейцами, тем меньше мы будем испанцами».¹⁷⁷

Поскольку в ЕС каталонские и баскские сепаратисты отнюдь не одиноки (достаточно вспомнить Шотландию и Северную Ирландию в Великобритании, Фландрию в Бельгии, северные провинции в Италии, Корсику во Франции), партикуляристские тенденции ведут к наращиванию потенциала политической конфликтности не только в пределах национального государства, но и всего Евросоюза, создавая известные риски процессу европейской интеграции.

4.2. Этносоциальные проблемы во французском обществе¹⁷⁸

Франция является этнически неоднородной страной. Однако эта этническая неоднородность сочетается с высокой степенью развития национального самосознания. В стране возобладали ассимиляторский принцип национального строительства и интеграции иммигрантов. Этнокультурные группы официально не признаются национальными меньшинствами, а считаются французами, т.к. нация является единой и неделимой. В политике по отношению к иммигрантам ставка делалась на индивидуальную интеграцию в контексте включения индивида в политическую нацию, приобщение к республиканским нормам и ценностям. Важнейшими элементами унификации стали французский язык, система образования - государ-

¹⁷⁷ Цит. по: Solé Tura J. Los Estados y los pueblos en el proceso de unidad europea // Sistema. 1988, № 86/87. P. 135.

¹⁷⁸ Автор – А.А. Преображенская, к.полит.н., с.н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

ственная светская школа, а также до отмены в 2001 г. - всеобщая воинская обязанность. В 1980-е гг. на смену термину ассимиляции пришла политическая интеграцией, которая понимается не как культурный, а социальный феномен, как включение в социальные связи и общественно-политическую жизнь принимающей страны. Тогда же было отменено требовавшееся ранее разрешение МВД для учреждения иммигрантами ассоциаций взаимопомощи, защиты гражданских прав, культурно-фольклорных, спортивных, женских и др. Однако не допускается институционализация иммигрантских общин как коллективных представителей интересов этнокультурных групп населения.

На официальном уровне и публичной сфере исключается всякое упоминание об этнических корнях иммигрантов. Закон запрещает интересоваться национальностью при приеме на работу, при обращении в государственные и общественные структуры, при получении пособий и социальной помощи, не ведется учет населения по конфессиональной принадлежности. Это определенно создает трудности в работе демографов и социологов. Сведения об этнических корнях французских граждан носят приблизительный характер. В настоящее время большинство французов выступают за то, чтобы разрешить вести статистику об этническом происхождении.

В последние десятилетия как другие развитые страны, Франция сталкивается с притоком иммигрантов. Мигранты отнюдь не равномерно распределены по территории страны. 60% из них проживает в трех регионах – Иль-де-Франсе, Роне-Альпах и Провансе-Лазурном берегу или, иначе говоря, в пригородах Парижа, Лиона и Марселя. Именно окраины крупных городов, куда стягивались безработные, иммигранты, зачастую без прав на жительство, неполные семьи и стали сосредоточением социальных проблем. Данные районы покидали рабочие и служащие, имеющие стабильный заработок, и эти жилые образования становились все больше похожими на гетто. Однако в стране не сложилось моноэтнических кварталов в полном смысле этого слова – в данных районах перемешаны до двадцати разных национальностей. Периодически повторяющиеся бунты и погромы, самыми масштабными из которых стали волнения осени 2005 г.¹⁷⁹ – свидетельство социальной маргинализации молодежи и показатель несовершенства системы образования (в том числе профессиональной подготовки).

Французские власти в последние годы предпринимают усилия для решения проблем, связанных с интеграцией иммигрантов. Миграционная политика становится все более селективной (власти стремятся перенести центр тяжести с воссоединения семей на иммиграцию по трудовым контрактам), идет постоянная борьба с нелегальной иммиграцией. С 2007 г. стал обязательным так называемый контракт интеграции - предусмотрены курсы французского и 30 часов изучения гражданских прав и обязанностей. Далее предлагается индивидуальная профессиональная и социальная помощь. Важным направлением действий руководства страны стало преодоление социальной маргинализации. Речь идет не столько о борьбе с бедностью, сколько о том, что необходимо дать молодым людям перспективу получения качественного образования, равные шансы в трудоустройстве и карьере. Деятельность правительства включает в себя такие аспекты как модернизации жилых кварталов, улучшение качества образования и профессиональной подготовки и борьба с

¹⁷⁹ В ходе волнений с 27 октября по 17 ноября 2005 г. ранения получили 217 полицейских, сожжено 10 тыс. автомобилей, повреждения получили 233 общественных и 74 частных здания, общая сумма материального ущерба превысила 200 млн. евро, подавить бунты удалось лишь после объявления чрезвычайного положения в стране. - Le Monde. 2 decembre 2005

дискриминацией в сфере занятости (анонимные CV при приеме на работу, квоты по социальному признаку при приеме в ряд учебных заведений и пр.).

Согласно данным опросов общественного мнения, последние десятилетия население стало несколько толерантнее к присутствию мигрантов на рынке труда. Так, в декабре 2012 г. 70% французов были согласны с утверждением, что иммигранты исполняют такую работу, которая не привлекает коренное население, 54% согласились с тем, что сокращение числа мигрантов никак не отразится на количестве безработных. Только 24% опрошенных выступали за приоритет французам при трудоустройстве, тогда как в 1990 г. такого мнения придерживались 45%.¹⁸⁰

Однако вопрос об интеграции лежит не только в социально-экономической, но и социокультурной плоскости. Буквально за 50 лет Франция обзавелась самой многочисленной в Европе арабо-мусульманской диаспорой, которая составляет по разным оценкам свыше 5 млн. человек. Несмотря на то, что французские мусульмане являются выходцами из 123 стран, три четверти из них ведут свое происхождение из Алжира, Марокко и Туниса. Для большей части иммигрантов и их потомков основой цивилизационной самоидентификации остается ислам. Причем среди них есть последователи различных течений ислама - от традиционного классического ислама до неофундаменталистских течений.

Светский характер Республики является неотъемлемой чертой французской идентичности. Еще в 1905 г. церковь была отделена от государства, и преподавание основ никаких религий в государственных учебных заведениях не допускается. Однако для возможности религиозного воспитания учащиеся до последнего времени имели свободный от занятий день – среду. В 2004 г. принят закон о запрещении ношения знаков религиозной символики в школах, в 2010 г. – о запрете в общественных местах одежды, закрывающей лицо. Однако вопрос состоит в том, может ли ислам стать совместимым со светскими, республиканскими нормами и институтами, ведь законы шариата регулируют все стороны жизни человека – государственные, судебные, а также семейные и образовательные.

Французские исследователи полагают, что большая часть французских мусульман восприняла европейские нормы и цивилизационные ценности и фактически являются «не практикующими». Только менее четверти мусульман относят себя к регулярно исполняющим религиозные обряды. Из них 80% положительно высказываются о христианстве. Уже второе поколение женщин – потомков иммигрантов живет в соответствии с французской демографической моделью, постоянно растет количество смешанных браков. Иммигранты и их потомки в большей степени идентифицируют себя с французами чем иммигранты в Великобритании и Германии соответственно с англичанами и немцами. Так, 72% французских последователей ислама не видят противоречия в том, чтобы исповедовать ислам и жить в современном обществе. Такой же точки зрения придерживаются 57% мусульман ФРГ и 49% Великобритании.¹⁸¹

В середине 2000х – 67% мусульман желали бы, чтобы их дети обучались в государственной школе без религиозного образования, 18 – в государственной школе с возможностью религиозного образования, и только 5% - в религиозной школе. Девять из десяти потомков иммигрантов из стран Магриба (и только четверть их родителей) считают своим родным языком французский. Напротив, знают арабский язык 69% детей иммигрантов и только 24% внуков. Уже второе поколение мало

¹⁸⁰ http://www.tns-sofres.com/_assets/files/2013.02.06-baro-FN.pdf

<http://www.ipsos.fr/ipsos-public-affairs/actualites/2013-01-24-france-2013-nouvelles-fractures>

¹⁸¹ J.Laurence, J.Vaisse. Intégrer l'islam. P.2007.P.22

отличается от этнических французов по образу жизни, предпочтениям в одежде и питании.

Тем не менее стоит отметить, что в последние годы исследователи стали констатировать тенденцию реисламизации молодежи.¹⁸² Примерно четверть мусульман воспринимают ислам как основу своей цивилизационной идентификации. Они тщательно выполняют все обряды и обычаи, что предписанные религией. Практика показывает, что чем больше иммигрантов живет в отдельных кварталах, тем интенсивнее становится религиозная практика, тем более межличностные отношения замыкаются на лицах своей национальности. Исключение из экономической и социальной жизни, высокий уровень безработицы части данной категории мусульман, особенно молодежи, социальная маргинализация способствуют усилению влияния религиозной идеологии, зачастую в ее радикальных проявлениях. Примерно 5% мусульман являются ортодоксальными фундаменталистами, отвергающими европейские ценности, стремящимися в максимально возможной степени отгородиться от «безбожного общества» и жить по законам шариата. Приверженцы радикального исламизма действуют полуподпольно, зачастую под руководством самопровозглашенных имамов в неофициальных мечетях или молельных домах.

В известной степени определенный рост исламистских настроений является своеобразным ответом на имеющие иногда место проявления дискриминации и исламофобии. Молодые люди из семей приезжих зачастую чувствовали себя в стороне от национального сообщества. За официальной вывеской равенства возможностей всех скрывалась дискриминация по происхождению при трудоустройстве. В начале 2000 - х были безработными 32% молодых людей и 50% девушек до 24 лет с высшим образованием из алжирских семей, против 15% дипломированной молодежи в целом по стране.¹⁸³ Исследователи Сорбонны разослали 1800 характеристик на 258 предложений о работе. Белый мужчина, живущий в Париже, получил в пять раз больше приглашений на собеседования, чем выходец из стран Магриба из пригорода при одинаковом уровне профессиональных навыков. Особенно предприниматели избегали лиц другой расы при подборе кандидатов для работы с клиентами или на руководящие посты.

Также на руку исламистским идеологам играют такие вызывающие негативную реакцию мусульман внешние факторы как палестино-израильский конфликт, иракский и афганский кризисы, которые трактуются частью мусульманского сообщества как война против ислама.

Конфликты на национальной почве происходят регулярно. Особенное распространение получили антиарабские настроения, как наследие колониального прошлого и войны в Алжире, подогреты волной исламского терроризма в 1990-е-начале 2000 гг. Разрастающийся конфликт на Ближнем Востоке послужил отправной точкой для стычек между арабами и евреями. Потрясли Францию события марта 2012 г., когда Мохаммед Мера застрелил трех военнослужащих, раввина и троих детей из местной еврейской школы. На нападения, по словам Мера, его подвигли участь палестинцев, военное присутствие Франции в Афганистане и запрет на ношение во Франции головного убора, закрывающего лицо.

Как мировой кризис повлиял на настроения французов?

При первых ударах кризиса социокультурные проблемы отступили в общественном сознании на второй план. Не случайно проведенные в 2010 г. дискуссии о национальной идентичности не вызвали особого энтузиазма среди французов и были расценены многими как способ отвлечения внимания населения от злободневных

¹⁸² S.Brouard, V.Tiberg. Français comme les autres. P.2005.P.32.

¹⁸³ M.Rebzani. Des jeunes dans la discrimination. P.2002. P.45-47.

социально-экономических проблем. Так, в апреле 2012 г. иммиграция занимала 5 место среди «важнейших проблем для Франции» (20%) и 10 место среди «проблем, важных для меня лично» (12%).¹⁸⁴

Чем более становилось очевидно, что кризисные явления носят не кратковременный, но долгосрочный характер, тем больше социальный пессимизм все больше охватывал французов. Если и до начала мирового кризиса избиратели сомневались в способностях властей осуществлять квалифицированное руководство страной, то в связи с разразившимся кризисом стало очевидно, что уже не только французские, но и мировые элиты как будто потеряли контроль над экономикой, финансовой системой и рынками. Абсолютное большинство избирателей были убеждены, что дела во Франции идут все хуже и хуже, а три четверти утверждали, что «такие люди как мы живут хуже, чем раньше» при том, что покупательная способность населения подвергалась совсем незначительным колебаниям.¹⁸⁵ Периодически проводившиеся опросы с декабря 2009 по декабрь 2012 г. показывали, что при находившемся на стабильном уровне интересе к политике постоянно усиливалось недоверие к политическим институтам и политическим деятелям.

Так, в январе 2013 г. 72% опрошенных полагали, что этот год будет хуже предыдущего с точки зрения покупательной способности всего населения, 64% - их личной покупательной способности 69% - в плане борьбы с безработицей.¹⁸⁶ Показательна та скорость, с которой президент Олланд исчерпал кредит общественного доверия, причем это произошло в отсутствие какого-либо масштабного протестного социального движения. Налицо кризис доверия избирателей как к политическому руководству и проводимому им курсу, так и к политическим элитам в целом.

При этом у французов прослеживается явный рост консервативных настроений по многим проблемам общественного развития. Так, в январе 2013 61% опрошенных считали, что глобализация несет для страны угрозу, 65% согласились с тезисом, что в рамках ЕС «Франция должна сама принимать решения, даже если это ограничит прерогативы единой Европы» (обратного мнения придерживалось явное меньшинство – 23%), 87% были убеждены, что «Франции необходим лидер, который был бы способен навести в стране порядок». ¹⁸⁷ Также за последние три года с 49% до 65% увеличилось число тех, кто считает, что в стране слишком много иммигрантов. С 32% до 45% возросло число ратующих за введение смертной казни и, напротив, с 58% до 52 снизилось число сторонников легальных браков однополых пар.¹⁸⁸

Согласно проведенным в декабре 2012 г. опросам 70% французов разделяют идею о том, что во Франции слишком много иностранцев, 68% - полагали, что во Франции не чувствуешь себя дома как раньше. ¹⁸⁹ Резко возросло число тех, кто полагает, что исламу свойственна нетерпимость и эта религия не совместима с ценностями французского общества - этот тезис разделяют 74% опрошенных, тогда как в 2003 г. с ним согласились 62%. 8 французов из 10 считают, что ислам навязывает другим свои ценности. Это убеждение варьируется в зависимости от возраста и политических предпочтений, но его придерживается большинство всех категорий. Так, это убеждение разделяют 61% сторонников левых партий и 66% лиц младше

¹⁸⁴ La Décision électorale en 2012. Dir.de P.Perrineau.P.2013.P.23.

¹⁸⁵ <http://www.tns-sofres.com/points-de-vue/CE9986C7A1EE4576AADE21520528A97B.aspx>

¹⁸⁶ http://www.tns-sofres.com/_assets/files/2013.01.14-pronostics.pdf

¹⁸⁷ <http://www.ipsos.fr/ipsos-public-affairs/actualites/2013-01-24-france-2013-nouvelles-fractures>

¹⁸⁸ <http://www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/les-resultats-vague-4-janvier-2013/>

¹⁸⁹ Ibid

35 лет – традиционно наиболее толерантные группы среди населения.¹⁹⁰ Опрос за опросом показывают, что мнение об исламе ухудшается за последнее десятилетие. Причины роста массового отвержения основываются на объективных причинах. Алармистским дискурс об «исламизации» Европы сопровождался появлением все новых требований, зачастую идущих в разрез с поведенческими нормами в светском государстве, со стороны мусульман.

Некоторые запросы мусульман общественное мнение расценивало как правомерные – строительство мечетей, принятие во внимание нужд верующих в тюрьмах, больницах, армии, осуждение преступлений против мусульман. Однако другие требования мусульман оцениваются как чрезмерные – ношение закрывающей лицо одежды в общественных местах, требования специфической пищи, требование предоставить место молитвы на рабочем месте, отказ от работы в разнополом коллективе или под руководством женщины (мужчины). Вместе с тем даже высший совет интеграции рекомендовал искать компромисс в таких вопросах как еда без свинины в столовых, отсутствие на работе в два праздничных для мусульман дня и пр.

¹⁹¹

Большинство французов (72%) в начале 2013 г. выступали против питания в школах, соответствующего религиозным требованиям, столько же опрошенных считали, в настоящее время недостаточно защищают традиционные французские ценности, что 54% полагают у мусульман слишком много прав. Для 57% опрошенных распространенным явлением стал расизм против белых.¹⁹² Не случайно Высший Совет Интеграции подчеркнул, что не может быть даже дискуссии о смещении графика обучения в школах и школьных программах, внедрении халяльной еды в предприятиях общепита, не допустим отказ от работы в разнополых коллективах. Открытым остается вопрос, так ли сыграют значимую роль в воспитании подрастающего поколения в духе республиканских ценностей такие введенные в итоге общенациональной дискуссии о национальной идентичности в 2010 г. меры как изучение в школах Декларации прав человека и гражданина и чтения лекций о христианских корнях французской культуры, внедрение «дневника гражданина» для школьников, а также водружение государственных флагов на фронтонах школ.

Видимым последствием сложностей французской интеграционной модели стал рост влияния партии Национальный фронт, находящейся на крайне правом фланге политического спектра, его идей и идеологов - тезисы крайне правых разделяет около трети избирателей, что значительно превышает число голосующих за эту организацию. Крайне правый Национальный фронт (НФ) с начала 80 - х гг., связывал рос безработицы и преступности с увеличением числа иммигрантов. В 2000 –е гг. он не без успеха попытался привлечь к себе категорию «проигрывающих от глобализации» избирателей – мерами протекционистского характера. В январе 2011 г. у руля партии появился новый, молодой и энергичный лидер - бразды правления перешли от основателя НФ Жан-Мари Ле Пена к его дочери Марин Ле Пен, которая стремилась вывести партию из маргинальной ниши «националистов и ксенофобов», и восприниматься общественным мнением в качестве «представителя патриотических правых, разделяющих традиционные ценности».

Примечательно, что количество разделяющих идеи НФ превышает число голосующих за эту партию. В январе 2013 г. Треть французов (32%) заявили о своей

¹⁹⁰ <http://www.ipsos.fr/ipsos-public-affairs/actualites/2013-01-24-france-2013-nouvelles-fractures>

¹⁹¹ 1990-2010 : 20 ans au service de l'intégration. Auteur(s).Haut conseil à l'intégration. Editeur: La Documentation française. 2010. P.41.

¹⁹² http://www.lemonde.fr/politique/article/2013/02/06/la-barriere-entre-electorat-fn-et-ump-mincit_1827772_823448.html

солидарности с идеями Национального фронта – это наивысший показатель за 30 лет существования этой организации. Только чуть меньше половины французов (47%) полагают, что НФ представляет собой угрозу для демократии (в 90е гг. как опасность его воспринимали от 2/3 до 3 /4 населения). Треть (35%) населения полагает, что НФ может участвовать в правительстве. 39% французов и 51% приверженцев традиционных правых считают, что главная партия оппозиции может заключать союзы с крайне правыми. Для 35% французов НФ лучше всех представляет оппозицию (основная правая партия Союз за народную демократию получил только 33% голосов).¹⁹³

Таким образом, проблема интеграции иммигрантов и их потомков оказывается тесно связанной с рядом других экономических, социальных и социокультурных проблем. Можно сделать вывод, что во время кризиса вырос социальный пессимизм и консерватизм в вопросах общественного развития, соответственно обострилась настороженность французов в восприятии лиц иной культуры.

4.3. Глобальный кризис и его последствия: арабские революции и обострение этносоциокультурных и этноплеменных противоречий¹⁹⁴

Глобальный кризис затронул все страны Арабского Востока, где давно готовилось и в конце концов произошло «размораживание» сложносоставных этносоциальных структур обществ, традиционно находившихся в непростых отношениях друг с другом. (Значительную роль в процессе поддержания социальных структур арабских обществ играли внешние силы – государства Запада, имевшие здесь свои стратегические интересы и потому, в меру своих сил, препятствовавшие развитию социальной дифференциации и диверсификации общества.) Арабские революции, ставшие результатом глубокого внутреннего кризиса соответствующих обществ и неэффективности политических систем арабских государств, пытались решить сверхтрудные задачи, остройшей из которых остается вовлечение образованной части молодого поколения в экономическую и политическую жизнь общества.

Происходит прогрессирующее усложнение структуры межконфессиональных отношений и противоречий в арабских странах, которое проявляется в следующем:

- в *Египте* наблюдается и усиливается обеспокоенность коптского населения страны приходом к власти в 2012 году исламистской Партии справедливости и развития (созданной братьями-мусульманами);

- в *Бахрейне* 75% мусульманского населения страны составляют шииты, тогда как руководство Бахрейна, в том числе и члены правящей королевской династии, всецело представляют суннитское население страны. Подобный диспаритет в распределении политической власти, дополняемый высоким уровнем безработицы среди шиитов, служит источником постоянного недовольства массовых слоев общества, которое с особой силой проявилось в последнее время.

Особое место на Ближнем Востоке занимают Сирия и Ливан, являющиеся единым геополитическим регионом. В этих обществах исторически наиболее остро складывались межконфессиональные отношения, что нередко проявлялось в конфликтах высокой и средней интенсивности. Нынешнее руководство Сирии, особенно военное крыло, является представителями религиозного шиитского меньшинства общества – алавитов, тогда как основной состав мусульманского большинства – сунниты - до недавнего времени были практически исключены из политической жизни.

¹⁹³ http://www.tns-sofres.com/_assets/files/2013.02.06-baro-FN.pdf

¹⁹⁴ Автор - М. А. Володина, к.и.н., н.с. Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН

ни страны. Гражданская война в Сирии, осложненная внешним вмешательством, привела к дестабилизации всей сложной конфессиональной «конструкции» Восточного Средиземноморья, поскольку основные миграционные потоки направляются в соседний с Сирией Ливан, где усиливаются противоречия внутри сложносоставного/поликонфессионального ливанского общества.

В Ливии свержение режима М.Каддафи повлекло за собой разрушение государства, что имело следствием усиление междоусобной борьбы различных племен страны, прежде жестко контролировавшейся свергнутым политическим режимом. Сложность внутриливийской ситуации усугубляется наличием групп исламистского толка, а также появлением в стране террористических группировок, связанных с Аль-Каидой.

Свои особенности имеет нынешняя ситуация в Мали. Ликвидация режима М.Каддафи в соседней Ливии повлекла за собой неконтролируемый оборот оружия в этой стране (в том числе среди славящихся своими ратными достоинствами туарегских племен), который стал одним из важных факторов захвата террористическими группировками северных районов Мали. Спонсированные Катаром поставки вооружения ливийским «повстанцам» оказались в руках террористических формирований. Мали состоит из двух основных этнокультурных образований: оседлых скотоводов и земледельцев субсахарских этнических групп, с одной стороны, и кочевников туарегов, а также арабов, населяющих преимущественно северные и северо-западные регионы Мали – с другой. Война в Мали привела к дестабилизации хозяйственной жизни страны (продолжается отток населения из дельты реки Нигер – традиционной житницы страны) и усилила миграционные потоки внутри всего региона Северо-западной и Центральной Африки.

Гражданская война в Сирии обострила желание курдских общин четырех основных стран их проживания (Сирия, Ирак, Турция и Иран) к созданию единого курдского государства, что, безусловно, вызывает обеспокоенность руководителей этих четырех стран. Тенденция к созданию единого курдского государства просматривается давно - с окончания Первой мировой войны. Однако нестабильная ситуация в Ираке, а в настоящий момент также в Сирии и Турции открывает реальную политическую возможность формирования единого курдского государства. Поэтому некоторые страны, в частности Турция, стараются «заморозить» данный процесс различными методами.

Сложный «клубок» этноконфессиональных и этноплеменных противоречий имел следствием серьезные региональные и даже международные политические и экономические сдвиги.

В Северной Африке произошел разрыв плотной геополитической и геоэкономической «связки» Алжир – Ливия. Алжир может потерять главного союзника в регионе, благодаря которому существовали определенный баланс сил и устойчивость политических и экономических связей в Магрибе.

Египет временно ослабил свои позиции как лидера арабского мира. В настоящий момент руководство страны во главе с президентом М.Мурси предпринимает активные шаги на пути возвращения АРЕ прежнего статуса ключевого игрока не только арабского мира, но и всего региона Ближнего Востока и Северной Африки в целом. Недавние официальные визиты президента Египта в Иран, а также президента Ирана в Египет явились важной вехой в укреплении расторгнутых в 1980 году дипломатических отношений между двумя странами и продемонстрировали желание обоих региональных лидеров оказывать большее влияние на развитие событий на Ближнем Востоке.

На Ближнем Востоке в ходе обострения сирийского конфликта изменилась геополитическая архитектура, в частности, был разрушен политический «треугольник» Сирия – Иран – Турция. Переориентация турецкого руководства в сторону Запада и наиболее консервативных режимов Персидского залива (Саудовской Аравии и Катара) имела следствием падение авторитета Турции в глазах арабского мира, а также усложнила и без того накаленные противоречия турецкого и курдского населения этой страны. Выход Турции из подобного стратегического «треугольника» еще больше сблизил позиции Ирана и значительной части населения Ливана.

На Ближнем Востоке наблюдается появление новых региональных «игроков». Так, Катар с самого начала «арабской весны» принимал непосредственное участие в свержении существовавших светских режимов в охваченных протестами государствах. Руководство этой страны, решая задачи сохранения существующей в Катаре политической системы, одновременно стремится завоевать международный авторитет, подобающий современному развитому государству. Однако возможности Катара, в частности демографический потенциал, на этом направлении ограничены.

Снижение влияния Саудовской Аравии на процессы в арабском мире вследствие активизации политической деятельности египетского руководства после президентских выборов в этой стране, нестабильности в регионе Персидского залива (протivостояния на религиозной почве – Бахрейн, Йемен и др.), требует постоянного привлечения все новых военных и экономических ресурсов со стороны Королевства. Внутривнутриполитические противоречия в самой Саудовской Аравии, отчасти связанные со сложной системой престолонаследования по старшинству в роде (майорат), подтачивают стабильность «стержневого» государства в регионе Персидского залива. Политическая система авторитарного типа устраивает далеко не все круги саудовской элиты.

Постоянным дестабилизирующим фактором выступает формирование пояса «террористической нестабильности» на пространстве от Атлантического океана до Пакистана. Этот процесс может получить значительное ускорение после ухода американских войск из Афганистана.

«Террористическая нестабильность» дополнительно осложняет политическую ситуацию в Африке – через бесконтрольный оборот оружия, который уже привел к военному конфликту в Мали, а в дальнейшем может перекинуться на территорию соседнего Нигера и других стран Западной Африки.

В целом, происходит развитие по труднопрогнозируемой траектории внутриполитической ситуации в странах «арабской весны» (Ливия, Сирия, «нефтяные монархии» Персидского залива, а также Йемен, Египет и Тунис). Непредсказуемость усугубляется приходом к власти в некоторых арабских странах сил радикального политического ислама. Возможными последствиями для внутрирегиональных процессов могут стать усиление борьбы светских и религиозных элит в обществах региона, а также миграционные потоки в Северное Средиземноморье в результате борьбы секуляристов и исламистов.

Происходящие перемены могут повлечь за собой далекоидущие экономические последствия. Вероятна дезорганизация рынка нефти Ливии, хаос в этой стране выступает предпосылкой усиления влияния Китая в Северной Африке, поскольку лишь Китай обладает требуемыми финансовыми возможностями для восстановления разрушенной нефтяной промышленности и трубопроводной сети Ливии. Влияние Франции и Италии на эти процессы будет иметь ограниченный характер.

Разрушение нефтяной промышленности Ливии увеличило спрос на углеводороды, что позитивно сказывается на доходах «нефтяных монархий» Персидского залива, которые заинтересованы в сохранении подобной ситуации.

Экономика Египта, помимо доходов от эксплуатации Суэцкого канала, сильно зависима от туристического сектора, по позициям которого был нанесен колоссальный удар в ходе революции 2011 года. После революции из страны было выведено около 10 млрд. долл. – инвестиций иностранных государств. Внутренний и внешний долг Египта за последние два года вырос в несколько раз и составил по приблизительным подсчетам 240 млрд. долл. В некоторых регионах страны были введены хлебные карточки. Можно предположить участие КНР в инвестиционных проектах в Египте и, как следствие, рост влияния Поднебесной в крупнейшей стране – центре арабского мира.

Первостепенной социальной проблемой для всех стран региона является высокая безработица, особенно среди образованной молодежи. Сложные межгосударственные проблемы Ближнего Востока не должны заслонять первостепенную значимость для всех стран региона решения этой проблемы и необходимости повышения платежеспособного спроса массовых слоев населения.

4.4. Кастовые партии и кризис этносоциокультурной солидарности индийского общества¹⁹⁵

Индия страна многонациональная, поликонфессиональная, в ней проживает множество этносов, религиозных общин, языковых групп, каст и племен. Поэтому уже в 1950 г., т.е. всего три года спустя после обретения независимости в стране была принята светская Конституция. Принцип секуляризма, отстаиваемый ее создателем Б.Р. Амбедкаром и, в первую очередь, первым премьер-министром страны Дж. Неру не допускает дискриминации граждан или их групп по мотивам религиозной, этнической или какой-либо иной розни.

Однако с середины 1970-х гг. в Индии стала проводиться политика т.н. «позитивной дискриминации». В рамках этой политики на государственную поддержку могут рассчитывать не только представители *далитов* или неприкасаемых относящихся к т.н. «списочным кастам и племенам»¹⁹⁶ (Scheduled Casts and Scheduled Tribes), но и весьма широкие слои «угнетенных» или «прочих отсталых классов» (Other Backward Classes). Первоначально Конституция Индии закрепила право на резервирование только за зарегистрированными кастами и племенами, которые были занесены в специальные, включенные в текст Конституции списки. Для них была определена квота в 22,5% мест в государственных учреждениях и учебных заведениях: 15% – для зарегистрированных каст, 7,5% – для зарегистрированных племен. С 1978 г. действует комиссия Мандала, определяющая состав (списки) нуждающихся в помощи государства и ее размер. В итоге такого расширения по подсчетам комиссии оказалось, что к категории «прочие отсталые классы» относятся 52 % населения страны, из которых 43,8 % – отсталые индусские касты и общины и лишь 8,4 % – принадлежат «угнетенные» неиндусские общины.¹⁹⁷

Следствием политики умиротворения «списочных каст и племен» и весьма широких слоев «угнетенных» или «прочих отсталых классов» (Other Backward Classes), начатой с конца 1970-ых гг. стал последовательный подъем региональных партий, занятых исключительно лоббированием интересов своих каст, и готовых голосовать

¹⁹⁵ Автор – Д.В. Абрамов, к.полит. н., м.н.с. Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН

¹⁹⁶ К зарегистрированным племенам в Индии относят этносы, которые оказались вне кастовой системы. Преимущественно это адиваси, или автохтонное население страны, практикующее шаманизм, анимизм и некоторые иные мифо-магические практики. Их языки, зачастую относящиеся к дравидийской группе, до сих пор мало изучены.

¹⁹⁷ II Backward Commission Report (Mandal Commission) //

<http://www.socialjustice.in/documents/Documents/II%20Backward%20Commission%20Report%20%20-%20Recommendations.pdf>

за тех, кто способен предложить им большие преференции. Такие региональные, «внеидеологические» кастовые партии и межкастовые партийные альянсы за последние два десятилетия в значительной степени изменили облик индийской политической системы. По-сути, кастовые партии паразитируют на демократических институтах политической системы страны, часто связаны с миром криминала. Вместе с тем, региональные партии постепенно принудили считаться с собой даже самые крупные общеиндийские политические объединения – Бхаратия Джаната парти (БДП – Народная партия Индии) и Индийский национальный конгресс (ИНК), заставив их отказаться от излишней самонадеянности и изоляционизма.

Большинство кастовых партий имеют ряд существенных сходных черт: 1) обычно они формируются вокруг ярких харизматических лидеров, которые не склонны к внутрипартийной демократии и не терпят неподчинения; 2) основа их благополучия – сильная система госрегулирования, которую они отстаивают, поскольку она позволяет им беспрепятственно контролировать субсидии, рабочие места или контракты внутри своей касты; 3) высочайшая способность к мобилизации своих сторонников.

Многие аналитики и пресса, привыкшие рассматривать индийскую политику сквозь призму западных политических ценностей и представлений, склонны относить региональные партии низших каст к левым, поскольку те выступают на стороне угнетенных, отсталых и обездоленных. Такое представление в корне не верно, поскольку каждая партия низшей касты выступает только за одну группу обездоленных, а их лидеры в своей политической практике всегда подчеркивают аспекты, которые разделяют низшие индийские социальные слои, выявляя тем самым этническую суть собственной политики.

Яркий пример успешной кастовой партии - Самаджвади Парти (Социалистическая партия), победившая на выборах 2012 г. в наиболее крупном индийском штате Уттар-Прадеш (200 млн. жителей). Партию возглавляет Мулаям Сингх Ядав, 73-летний политик, который благодаря союзу с другим этнорелигиозным меньшинством – мусульманским, возглавлял правительство штата в периоды: 1989–1991; 1993–1995; 2003–2007 гг. *Ядвы*, один из крупнейших в Индии «прочих отсталых классов», – каста принадлежащая к варне шудр. Эта каста пастухов, проживающих преимущественно в северной части Индии (Бихаре, Уттар-Прадеш), где этносоциальная разобщенность ощущается максимально остро. Каста *ядавов* обладает довольно низким статусом в традиционной социальной иерархии, но благодаря своей многочисленности представляет собой серьезную политическую силу. С мусульманами *ядавов* объединяет неприязнь к брахманам и, в значительно большей степени, к далитам (неприкасаемым), что привело к возникновению одного из наиболее популярных в современной Индии межкастовых альянсов.

Обычно индийская межкастовая этническая политика крайне нестабильна. В политическом пространстве союзы каст возникают и распадаются с удивительными для непривыкшего к индийским реалиям наблюдателя скоростью и непредсказуемостью. Разобщенность, которую пытались преодолеть Б.Р. Амбедкар и Дж. Неру, создавая и утверждая текст Конституции, по-прежнему не преодолена. Далиты и «прочие отсталые классы» ожесточены не только против высших индусских каст, но и друг против друга; высшие и низшие касты – против мусульман и других, таких же как они, высших и низших каст. Вместе с тем, в Индии возможны порою непредставимые для иных политических систем этнические союзы заклятых врагов, альянсы между врагами общих врагов, между мусульманами и низшими кастами, лидерами извечно враждующих партий, ещё вчера открыто высказывавших призыв к

другу и не скрывающих, что завтра же они вновь готовы вернуться к прежним отношениям.¹⁹⁸

Лидерам низших каст потребовались два десятилетия, чтобы поставить себе на службу сложный механизм работы индийской демократии. Избиратели из низких каст обладают преимуществом, которое не является таковым во всех остальных случаях социальных взаимодействий, это преимущество больших чисел. Более половины индийских граждан, обладающих правом голоса, принадлежит к далитам, низшим кастам. Если к ним прибавить по разным оценкам от 225 до 300 млн. индийских мусульман, приблизительно 50 млн. христиан, а также десятки миллионов избирателей из языковых меньшинств и племен, то окажется, что более половины населения Индии принадлежит к меньшинствам. Союз ядавов и мусульман, в совокупности с высочайшим уровнем мобилизации их сторонников обеспечил в 2012 г. поддержку партии Самаджвади, позволившей им победить в штате Уттар-Прадеш, а лидеру партии – М.С. Ядаву и его мусульманскому союзнику Амар Сингху¹⁹⁹ – одну из заметных ролей в межпартийном торге с лидером ИНК Сони Ганди по кандидатуре будущего президента республики на выборах 2012 г.

В условиях ослабления позиций наиболее влиятельных общегосударственных партий - ИНК и БДП на национальном уровне особый вес приобретают успешные региональные партии. В период перед президентскими выборами 2012 г. особое влияние обрели Самаджвади партии М.С. Ядава и партия Тринамул Конгресс, возглавляемой харизматичной Маматой Банерджи, победившие в апреле 2012 г. на региональных выборах соответственно в штатах Уттар Прадеш и Западная Бенгалия. Мамата Банерджи по прозвищу Диди (Сестра) является лидером ещё одной популистской партии, выступающей от лица мелких фермеров, рабочих кустарных производств, также имеющих кастовый бэкграунд, и местных племен. Показательно, что в итоге размывания центра политического влияния основные линии переговоров по кандидатуре на пост президента Индии Сони Ганди, как лидер ведущей партии правящего страной альянса вела с руководителями упомянутых двух сравнительно небольших партий. В наиболее ответственный период между 11 и 15 июня 2012 г. у Сони Ганди было не менее 7 кулуарных встреч с Маматой Банерджи и М.С. Ядавом, а отнюдь не с лидерами второй по значимости парией – БДП. Несложно предположить, что политический торг шел вокруг очередного пакета преференций для каст, племен и иных этнических групп, основного электората партии Самаджвади и Тринамул Конгресс в обмен на голоса их выборщиков.

Проиндусская Бхаратия Джаната парти заняла выжидательную позицию, не желая принимать ответственность за грядущие непопулярные решения в экономически сложные времена и тем создавать для себя риски в преддверии крайне важных для Индии парламентских выборов 2014 г. Благодаря раскладу голосов выборщиков в пользу Объединенного прогрессивного альянса (ОПА), возглавляемого ИНК, эта партия смогла обеспечить поддержку своей кандидатуре – экономисту с мировым именем и авторитетом, Пранабу Мухерджи. Однако во многом из-за влияния региональных этнических партий выбор кандидата ИНК осуществлялся с учетом мнения оппозиции. В итоге создалась парадоксальная ситуация: должность президента,

¹⁹⁸ Luce E. In Spite Of The Gods: The Strange Rise Of Modern India. L. 2007. – P. 98.

¹⁹⁹ **Амар Сингх** (*Amar Singh*) – индийский политик, депутат Раджья Сабхи (Верхней палаты индийского парламента), с удовольствием афиширующий свою дружбу с Болливудскими звездами киноиндустрии, публичная и «медийная» фигура индийского истеблишмента. Неоднократно привлекался к суду по обвинению в мошенничестве и шантаже. Последний раз был арестован 6 сентября 2011 г, но вскоре был отпущен за недостаточностью улик.

рост веса и влияния которой в политической системе Индии заметно возрос,²⁰⁰ отдан в руки кандидата пользующегося поддержкой противостоящих ИНК сил; популярность и значительность личности нового президента – Пранаба Мукерджи, по мнению аналитического корпуса в Дели, вынуждают лидера ИНК – Сони Ганди не вполне доверять кандидатуре, получившей свой пост в соответствии с ее собственным выбором.

«Политика умиротворения» напрямую зависит от финансирования ее из бюджета государства. Начиная с 1991 г. индийская экономика росла высокими темпами в 6% ВВП в год, а в последнее десятилетие темпы порой приближались вплотную к 10%. Такой стремительный подъем даже с учетом серьезного прироста населения страны позволял Индии субсидировать программы помощи. Однако в 2012 г. – 7%-ый рост экономики ставит под вопрос развитие этих программ и способен спровоцировать недовольство привыкших к политике патернализма групп граждан, отнюдь не всегда заслуженно пользующихся преференциями со стороны государства.

Партии низших каст по сравнению с общеиндийскими идеологическими партиями обладают существенным преимуществом. Их конкуренты для того, чтобы рассчитывать на победу вынуждены как можно шире распространять свой электоральный охват. Партии низших каст могут рассчитывать лишь на свой довольно узкий сегмент электората, зато внутри него поддержка, оказываемая им стабильно, приближается к абсолютному значению в 100%. Помимо общности политического интереса подобное единодушие гарантируется общностью этносоциокультурного и символического пространства, общностью мифа. Так, например, все ядавы объединены во Всеиндийской Махасабхе (ассамблее) ядавов, которая провозгласила своих членов прямыми потомками бога Кришны, по роду деятельности – пастуху, согласно древнеиндийскому эпосу Махабхарате, что является традиционной кастовой функцией ядавов. Подобно всем создателям мифологических родословных других низших каст, ядавы утверждают, что из-за интриг брахманов они лишились законного высокого места в кастовой иерархии. Подобное мифотворчество – серьезная часть более сложного процесса санскритизации – процесса подъема средних и низших, но политически влиятельных каст наверх по иерархической социальной лестнице. Этот процесс выражается в первую очередь в том, что в своей религиозной практике более низкие касты перенимают образ жизни, пищевые привычки, социокультурные и религиозные обычаи высших каст. В крупных городах Индии уже далеко не всегда становится возможным определить кастовую принадлежность индийца ориентируясь по его социальным привычкам. Экономической основой процесса *санскритизации* является значительный рост образования, уровня жизни и доходов значительного числа представителей низов среднего класса т.н. *underclass*, составляющего подавляющее большинство индийцев. Вместе с подъемом этого социального слоя кастовая дискриминация постепенно ослабляет свое давление, особенно в крупных мегаполисах, но продолжает оставаться повседневностью в индийских селах. В межкастовых этнических конфликтах в Индии ежегодно гибнут сотни людей. Насилие в отношении далитов и низкокастовых групп граждан исходит не только от их односельчан, но и от официальных властей и полиции.

Политическая система Индии переживает период жесткого стресс теста. Вероятно, что кульминацией процесса обретения Индией более устойчивого политиче-

²⁰⁰ Трансформация Вестминстерской парламентской системы, происходящая в Индии, постепенно расширяет влияние роли президента на принятие наиболее ответственных решений внутренней политики. В условиях хаотизации политической жизни, снижения общего влияния двух партийных тяжеловесов – ИНК и БДП, полномочия Президента республики постепенно распространяются далеко за рамки представительских функций.

ского облика станет не текущий, завершающийся в 2014 г., но последующий за ним избирательный цикл 2019 года. В период бурного экономического роста индийская политическая система набрала большой груз системных рисков. Иногда складывается ощущение утраты правительством страны эффективных рычагов управления. Трансформация института президентства может восполнить образовавшийся вакуум исполнительной власти за счет более тонкой настройки балансов всех значимых политических сил страны.

На этом фоне особую остроту может создать недовольство низов среднего класса т.н. *underclass*, общественного слоя индийского общества стремительно обретающего возрастающий политический вес и влияние. В неблагоприятных экономических условиях ставка индуистских националистов на предельную политизацию этнорелигиозной проблематики может оправдать себя, умело разыграв карту активно вторгшегося в электоральное пространство и обретающего собственную политическую субъектность социального слоя. Поэтому представляется особенно критической для индийской государственности политизации этнической проблематики, весьма вероятная с появлением на политическом Олимпе нового поколения индуистских правых: Нарендры Моди²⁰¹ и его идеологических единомышленников.

Разумеется, бурный экономический рост способен на некоторое время сгладить острые углы межконфессиональных взаимодействий. В значительной степени опыт последнего десятилетия подтверждает этот тезис. Вместе с тем, надежной основой для преодоления этносоциокультурных противоречий может и должна служить политика выстраивания верной иерархии идентичности. При этом общегосударственная, общеиндийская идентичность должна оставаться главенствующей и не ставиться под сомнение государством в зависимости от сиюминутного политического интереса.

Секуляризм в Индии не был осмыслен большинством населения в качестве максимы строго разделяющей сферы религии и политики. Это утверждение относится к политической культуре Индии в целом вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Прижившаяся в стране гандистская интерпретация древнего принципа сарва дхарма самбхава (*"sarva dharma sambhava"*) утверждает право равно внимательного и равно уважительного отношения к любой вере на основании представления индийской традиции об общем корне всех религий, дает наиболее близкое представление о понимании секуляризма в Индии. Такое представление во все не предполагает толерантности в западном смысле, но скорее интенции к религиозному и культурному синкретизму. Чужой опыт может быть либо отвергнут, либо узан в своем. Более подробное рассмотрение особенностей индийского секуляризма выходит за рамки данной работы.²⁰² Важно лишь отметить, что именно светский, хотя и вполне самобытный, характер индийского государства и традиция уважительного отношения к иной вере не в последнюю очередь, позволила Индии совершить тот экономический прорыв, основы которого заложил действующий премьер-министр Индии Манмохан Сингх в бытность свою министром финансов страны в начале 1990-х гг.

²⁰¹ Большинство экспертов сходится во мнении, что Нарендра Моди, будучи главным министром штата Гуджарат, несет личную ответственность за кровавые погромы в штате в 2002 г. В феврале 2013 г. Нарендра Моди, возглавляет список потенциальных претендентов от партии БДП на пост премьер-министра Индии на предстоящих в мае 2014 г. парламентских выборах и основным соперником готовящегося вступить в свою первую предвыборную гонку Рахула Ганди.

²⁰² Более подробно см., Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии. М.ИМЭМО РАН, 2011.

4.5. Социокультурные размежевания казахстанского общества в контексте становления и развития казахстанской государственности²⁰³

Процессы консолидации современных обществ, основанные на формировании общей национальной идентичности, приводят к обострению конфликтного потенциала в ходе столкновения идентичностей различных групп. В случае эффективного разрешения подобных конфликтов формируется новая идентичность, разделяемая большинством его участников, которая в дальнейшем может выступать ресурсом консолидации и модернизации общества.

В момент зарождения конфликта для его эффективного решения необходим контроль властей, не допускающий перехода к открытому противостоянию. Но в государствах, где конфликтный потенциал высок, в условиях политических трансформаций и становления нового политико-институционального порядка политический режим может принимать авторитарные формы под видом решения насущных задач общественного развития - сохранения социального мира и предупреждения открытого противостояния в обществе.

Серьезным конфликтообразующим фактором в современном Казахстане является этнический состав населения. Одним из потенциальных расколов здесь может стать конфликт между русскими и казахами. Значительная по своему составу русская этническая группа (и шире – славянская группа) на протяжении XX вв. принимала активное участие в становлении республики, развитии ее экономической и социальной жизни. С течением времени численность этой группы в общем населении Казахстана снижается, и ее представителям трудно смириться с фактом потери прежнего значения в жизни страны. Так, по данным 1999 г. около 30% населения Казахстана составляли русские, и чуть более 50% - казахи.²⁰⁴

Согласно переписи 2009г. в Казахстане проживает 63,6% казахов, 23,3% русских, 2,9% узбеков, а также не столь значительное количество представителей других этнических групп.²⁰⁵

В условиях, когда в государстве существуют две значительные по своему составу группы - казахская и русская, а также миноритарные этнические группы, между ними возможны столкновения. Уровень конфликтности общества в данной ситуации обуславливается количеством непосредственных контактов между представителями групп. Значительный запас природных ресурсов, обеспечивающий экономике стабильность и обширная территория, позволяют сохранять уровень конфликтного потенциала в республике на относительно низком уровне. Открытого противостояния за права обладать жизненно важными ресурсами не происходит, поскольку общий уровень жизни большинства населения удовлетворителен. Кроме того, этническая идентичность представителей значительных по численности групп недостаточна для того, чтобы воспринимать единичные конфликтные столкновения как касающиеся непосредственно каждого члена группы.

Таким образом, территориальный фактор и незначительная плотность населения выступают инструментом сглаживания этнонациональных конфликтов. Оставшемуся в государстве русскоязычному населению необходимо было находить способы мирного эффективного сосуществования в условиях усилившегося давления внутри государства со стороны казахскоязычной группы и внешнего влияния России в качестве значимого «Другого». Русскоязычное население в Казахстане в

²⁰³ Автор - Е.О. Петренко, аспирант ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

²⁰⁴ Савин И. Этнические конфликты в Казахстане: будут/не будут?! // ЦентрАзия. Справочник специалиста по Центральной Азии. Доступ: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1019113860>

²⁰⁵ Итоги переписи населения Республики Казахстан 2009 года // Агентство Республики Казахстан по статистике. Доступ: http://www.stat.kz/news/Pages/pr_04_02_10.aspx

процессе многолетнего сосуществования на одной территории с представителями другой этнической, религиозной и культурной группы выработало определенные механизмы эффективного взаимодействия. Взаимопроникновение культур позволило выработать терпимость к представителям других этнических групп и конфессий.

В дальнейшем государство имеет все шансы на увеличение доли казахоязычного населения, что связано не только с эмиграцией русскоязычного населения, но и с привлечением оралманов - казахов, родившихся и проживающих за пределами Казахстана. В стране действует программа, направленная на возвращение соотечественников, которые в свою очередь привносят в общество элементы культуры тех государств, в которых они выросли и прожили значительную часть жизни. «...в течение 1991-2000 годов в Казахстан прибыло свыше 183 тысяч этнических казахов из стран СНГ и дальнего зарубежья».²⁰⁶

Заместитель председателя Всемирной ассоциации казахов Талгат Мамашев считает такую тенденцию способствующей развитию казахской идентичности: «Это, на мой взгляд, сможет решить многие проблемы. Например, проблему языка. Когда есть соответствующая среда, есть и язык, и он никогда не умрет. Приток казахов на историческую родину приведет и к обогащению языка, и к возвращению элементов культуры и ремесел, которые мы уже успели позабыть».²⁰⁷

Мотивами возвращения этнических казахов на историческую родину служат как внутренняя потребность возвращения утраченной этнической идентичности, так экономические перспективы развития, подкрепленные материальной поддержкой со стороны государства. Репатрианты из Китая, Ирана, Турции, Монголии, как правило, не владея русским языком, повышают уровень казахизации районов, в которые они переезжают. Вкупе с общей внутренней миграцией из аулов, где уровень владения русским языком также невысок, происходит казахизация городов, что в свою очередь повышает интерес к казахской этнической культуре, и может привести к отторжению русской и других этнических культур.²⁰⁸

Возвращение оралманов может стать еще одним конфликтным узлом в Казахстане. Мигранты, приезжающие на свою историческую родину, закономерно претендуют на рабочие места, социальное обеспечение, свободу культурного и религиозного выражения, участие в социальной и, в перспективе, политической жизни. Все это, а также различия в особенностях и уровне культуры и образования подпитывает у местного населения негативные настроения, поскольку репатрианты зачастую воспринимаются как иждивенцы или неквалифицированная рабочая сила, стоящая по культурному уровню ниже основного населения, даже если подобный подход не имеет под собой достаточных оснований.

Еще одним вариантом изменения этнической среды в Казахстане может стать увеличение числа представителей узбекской этнической группы одновременно с сокращением русского населения. Такой прогноз в 2012 г. сделал представитель Ассоциации приграничного сотрудничества в Казахстане Марат Шибуты.²⁰⁹ В перспекти-

²⁰⁶ Незаконная миграция в Казахстане: Оценка численности и типы нелегальных миграций в Казахстане. // Демоскоп Weekly, № 37 – 38, 8 - 21 октября 2001. Доступ: <http://demoscope.ru/weekly/037/evro06.php>

²⁰⁷ Как изменится национальный состав Казахстана через 10 лет? // Портал «Zakon.kz». Доступ: <http://www.zakon.kz/4463221-kak-izmenitsja-nacionalnyj-sostav.html>

²⁰⁸ Золотухин А.С. Особенности адаптации русских в Казахстане. // СоцИс, 2012, №2. Доступ: http://www.isras.ru/socis_2012_02.html?&printmode

²⁰⁹ Через 10 лет узбеки могут стать вторым по численности этносом в Казахстане. // Портал «Total.kz», Свежие новости Казахстана. Доступ: http://total.kz/society/2012/06/26/cherez_10_let_uzbeki_mogut

ве это может привести к усилению в государстве роли ислама и увеличению конфликтного потенциала на религиозной почве. До вступления Узбекистана в Единое Экономическое Пространство миграция из этого государства ограничена и не несет в себе столь явной угрозы для этнического состава Казахстана. Однако, после 2015 г., на который намечено вступление Республики Узбекистан в ЕЭП, осуществление этого сценария представляется вероятным при условии, что процедура получения гражданства внутри пространства будет упрощенной.

Среди казахстанской интеллигенции существует мнение, артикулированное, в частности, представителями фонда погибшего оппозиционера А.Сарсенбаева, о том, что возможные конфликты, возникающие в период трансформаций в республике – издержки переходного периода на пути построения казахстанской политической нации. «В историческом контексте «казахская миссия» должна рассматриваться как этап становления национального самосознания, высшей фазой которого является формирование политической нации граждан. Общая направленность данного процесса – от этнического единения к культурному и языковому единству. Большинство стран мира уже прошли через этот этап. Сегодня они переходят к ценностям нации как сограждан. Поэтому следует с пониманием относиться к проявлениям национального самоутверждения казахов, не прошедших необходимые ступени становления национального самосознания».²¹⁰ Однако подобный подход может способствовать усилению конфликтного потенциала в обществе, поскольку очевидно выделяет казахскую этническую группу как нациюобразующую и принижает статус других групп.

Значимой проблемой на пути процесса консолидации казахстанского общества является трудовая миграция из менее благополучных стран региона. Это приводит к тому, что в стране, особенно в крупных городах, складываются значительные этнические общности мигрантов, которые находятся в социально неблагополучных условиях. Они не склонны к ассимиляции и принятию ценностей принимающего государства, настороженно, а порой враждебно, настроены по отношению к культурным традициям других народов и в свою очередь вызывают отторжение местного населения.

Значительные культурные «вливания» и экономическое взаимодействие мигрантов может дестабилизировать как процесс нациестроительства, так и процесс формирования экономической системы. В то же время, сейчас можно говорить о снижении конфликтного потенциала на этой почве, поскольку наблюдается снижение миграционных потоков. По данным Агентства Казахстана по статистике, в основном «прирост населения сейчас идет за счет естественного прироста, то есть за счет рождаемости. Например, в 90-е годы основное изменение численности населения происходило в основном за счет миграционных потоков. А в настоящее же время прирост населения происходит за счет естественного прироста, увеличения рождаемости и числа рождений в целом».²¹¹

Значительный разрыв в уровне благосостояния между большинством сельских жителей и городским населением только усугубляет это противоречие. Различные государственные программы помощи аулу и селу призваны сгладить его. Свою роль в этом отношении также играет тот факт, что одна из статей экспорта в Казахстане – пшеница, а значит, сельское население способно поддерживать определен-

²¹⁰ Абдыгалиев Б., Ахмеджанов А. Казахская миссия (Концепция модернизации казахской нации). // Фонд Алтынбека Сарсенбайулы. Доступ: <http://altynbek.kz/mef/33-kazakhskaja-missija-koncepcija-modernizacii.html>).

²¹¹ В Казахстане снизилась внутренняя миграция. // Портал «Tengri news». Доступ: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/v-kazahstane-snizilas-vnutrennyaya-migratsiya-217329/

ный уровень благосостояния, удерживающий их от прямых конфликтов на имущественной почве.

Зачастую проводимая государством политика идентичности, направленная на формирование казахстанской нации, стремится выдать желаемое за действительное. «... "Казахи" и "русские" существуют лишь в пространстве взаимодействий индивида с государством и создаваемом этим пространством набором ситуаций, в которых человек отождествляет себя с предлагаемым государственной идеологией образом "мы" в обмен на ожидаемые преференции в государственной политике. Естественно, образ "мы" создан с использованием привлекательных этнокультурных кодов и шаблонов, призванных убедить массовое сознание в том, что за этим "мы" скрывается не государство, а существующий непрерывно на протяжении веков "этнос", выразителем и защитником интересов которого в современных условиях и является государство».²¹²

Апелляция к исторически сложившемуся этносу, которая проявляется в том числе, в активной политике памяти, исключает из процесса нациестроительства представителей других этносов.

Противоречия на религиозной почве в настоящий момент не представляют заметной угрозы социальной консолидации Казахстана, однако в перспективе они могут выступить причиной возникновения конфликтов. Большинство городов Казахстана получило значительное развитие именно в годы существования СССР, некоторые из них строились практически с нуля, и, следуя правилам взаимоотношения человека с религиозными организациями в это время, не сложилось сильных традиций религиозного поведения. В этом отношении Казахстан во многом оправдывает статус светского государства. В Республике, тем не менее, наблюдаются территориальные различия в уровне религиозной идентификации населения, которые зависят от этнического состава населения и истории существования региона.

Возникновение конфликтов на религиозной почве представляется наиболее вероятным в условиях активизации фундаменталистских течений, исключающих право на свободу совести, а, следовательно, нетерпимые к представителям других конфессий. Как правило, активизация этих течений происходит извне и направлена на дестабилизацию ситуации в стране с целью установления контроля за распределением природных ресурсов.

Одним из факторов, способных повлиять на конфликтный потенциал в Казахстане посредством усиления различных течений ислама, являются идеи пантюркизма, которые периодически получают развитие в казахстанском политическом дискурсе.²¹³ В случае их развития высока вероятность исламизации Казахстана, которая, в свою очередь, изменит существующий баланс религиозных идентичностей в республике и создаст среду для активизации фундаменталистских течений.

В условиях экономической и социальной нестабильности, усиленной экономическим кризисом, казахстанские власти уделяют внимание сохранению межконфессионального согласия. Так в 2011г. был принят закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», призванный укрепить существующий конфессиональный мир и предотвратить развитие конфликтов на этой почве. При этом в зако-

²¹² Абдыгалиев Б., Ахмеджанов А., Казахская миссия (Концепция модернизации казахской нации). // Фонд Алтынбека Сарсенбайулы. Доступ: <http://altynbek.kz/mef/33-kazakhskaja-missija-koncepcija-modernizacii.html>

²¹³ Шестаков В. Казахстан и соблазн Пантюркизма. // Фонд стратегической культуры, Доступ: <http://www.fondsk.ru/news/2012/10/24/kazakhstan-i-soblazn-pantjurkizma-17302.html>

не отдельно отмечается историческая роль ислама и христианства для Казахстана.²¹⁴

Очевидно, что в Казахстане существуют межэтнические противоречия, и политика государства по формированию национальной идентичности с опорой на язык, культуру или историю одной этнической группы может привести к возникновению открытых конфликтов. Представители как казахской, так и русскоязычной групп болезненно реагируют на любые действия, направленные на нарушение существующего баланса в области межэтнических отношений.

Языковая проблема, в частности, владение казахским языком как обязательное условие доступа к властному ресурсу, миграционные процессы, ведущие к нарушению существующего баланса социальных и межэтнических отношений, социальное расслоение общества и потенциальные религиозные разногласия в совокупности создают высокий потенциал развития конфликтов в республике.

Изменение этнического состава населения, усиление экстремистских религиозных течений и дестабилизация экономической ситуации - основные потенциальные причины возникновения открытого конфликта на территории Казахстана. Нарушение существующей экономической ситуации в свою очередь способно спровоцировать перераспределение миграционных потоков и усиление активности религиозных групп, усиливая тем самым и конфликтный потенциал в обществе.

Утвердившийся в Казахстане авторитарный политический режим позволяет сдерживать возникновение открытых конфликтов при условии поддержания экономической стабильности, которая обеспечивается высокими ценами на природные ресурсы. Сегодня экономическая эффективность выступает основным условием успешной авторитарной модернизации. Можно предположить, что в ситуации снижения на мировом рынке цен на энергоносители последующее снижение уровня жизни в Казахстане спровоцирует выход скрытых конфликтов на поверхность. В то же время, авторитарные методы модернизации исчерпывают себя по мере повышения уровня жизни, а развитие гражданского общества становится важнейшим показателем необратимости модернизационных процессов.

V. Социально-трудовые отношения и этносоциокультурный конфликт

5.1. Кризис социального государства²¹⁵

Ныне обострившийся этносоциокультурный конфликт – превращенная форма социально-экономического конфликта, усугубленного глобальным кризисом и кризисом социального государства. Последний обусловлен двумя факторами: экономической глобализацией и технологическими переменами. С крушением так называемого «реального социализма» единственно привлекательной для масс многих стран осталась идея социального государства. Она, однако, разбивается об реальность. Наиболее наглядно это видно в сфере социально-трудовых отношений. В государствах Запада растет безработица, расширяются низкооплачиваемые и малопрестижные сферы трудовой деятельности, идет размывание среднего класса, что признал президент США Б. Обама 14 февраля 2013 г.

²¹⁴ Ионов Е. Казахстан: Политика межнационального и межконфессионального согласия. // Россия и новые государства Евразии, 2012, №1. Доступ:

<http://www.imemo.ru/df/period/rnge/2012/01/articles/HSK02.pdf>

²¹⁵ Автор - Е.С. Садовая, к.э.н., зав. Сектором социальных проблем труда и занятости ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

Производство становится менее трудозатратным, вслед за промышленностью «безлюдной» становится сфера услуг, даже работу брокеров на биржах заменяют машины. Социальное государство, это порождение индустриальной эпохи, пыталось адаптироваться к новым условиям, выдвигались концепции «третьего пути», социальной ответственности бизнеса. Но они больше остались лозунгами, чем реальностью. Не нашел решения вопрос финансового обеспечения политики социального государства.

Бизнес глобализирован, он ищет и находит пути сокращения социальных издержек производства. Они возлагаются на социальную политику государств, которые уже не выдерживают растущего бремени расходов, оказываются не в состоянии реагировать на иждивенческие ожидания масс.

На повестке дня стоит смена модели экономического развития, но какой она будет – пока не ясно. Ее разработке препятствует косность элит, которые не хотят пройти процесс реформирования. Поиск решения развивается на внутригосударственном, региональном уровне, что повышает конфликтность в мировом развитии.

5.2. Профессиональная занятость как ресурс социальной стабильности России²¹⁶

В негативных тенденциях и проявлениях нетолерантного поведения так или иначе присутствует дихотомия – «привилегированные» и «непривилегированные».

Социальное недовольство дополняется этнической и религиозной рознью, которая питается идеями обладания исключительным правом на определенные сферы привилегий и преимуществ, страхом и подозрениями, что этнические группы, не являющиеся основными, намереваются ослабить прерогативы доминирующих. В условиях кризиса, когда борьба за ресурсы обостряется, своего рода детонатором может служить чувство превосходства и веры в то, что «другие» существенно отличаются от «своих», и поэтому, если они «другие», они уже чужды; националистические чувства и конформизм также включают в себя требования того, чтобы «другие» вели себя также, как «свои». Оценки «что хорошо» и «что плохо» служат тем же целям.

Профессиональная занятость, которая играет центральную роль в преодолении проблем, связанных с социализацией личности, и способствует стабилизации социальной жизни в целом, могла бы стать альтернативой и возможностью противостоять конфликтному пути «разрешения» социального недовольства.

Различные уровни развития производства и хозяйственной деятельности – от индустриального до глобального информационного – обуславливают сосуществование и разных уровней жизни людей, различия между которыми могут быть велики настолько, что их можно назвать знаковыми. При этом экономический фундамент и институциональная архитектура каждого из этих уровней программирует функционирование совершенно особой, порой принципиально отличной социальной среды, в результате чего в пространстве создается сложная конфигурация социальных сред, различающихся не только от страны к стране, но и в пределах одной страны, одного региона и т.д. Различные социальные группы распределяются на «этажах» общественной иерархии в силу разделения труда в обществе и часто именно по этническому признаку.

Профессия,²¹⁷ если исходить из ее понимания, как «значимой социальной роли индивида», определяет:

²¹⁶ Автор – М.Г. Хохлова, к.и.н., н.с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН.

²¹⁷ Такое определение профессии принято в Институте социологии РАН. См. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Выбор профессии и профессиональное образование: исторический ракурс. / Материалы Между-

- 1) участие (место) человека в разделении труда в обществе;
- 2) стиль его жизни;
- 3) статусное положение, или престиж профессии.

В современном мире возникают²¹⁸ новые возможности, особенности и тенденции в формировании «*социальной роли индивида*», которые могут меняться. Профессия «вбирает» в себя многие социальные характеристики: со сменой профессии меняется, как правило, социальная среда, установки людей. В результате смены профессии могут происходить изменения, как в материальном положении человека, так и в его сознании.

Явление упадка старых профессий и появление новых в балансе занятости - общемировая тенденция. В периоды социальных потрясений (как например, в России в 90-е годы) такие изменения могут происходить исключительно быстро и свидетельствуют, во-первых, о высоком уровне адаптивности людей, обладающих профессиональным (кроме среднего общего) образованием. При этом профессиональные навыки и образование изменяются на индивидуальном уровне, и, как показывают исследования, достаточно быстро, становясь средством адаптации человека к новой реальности. Для кого-то это возможность выживания в условиях разрухи, а для других – это шанс приобрести новую профессиональную занятость и соответствующий социальный статус.

Во-вторых, о готовности пренебречь своим статусом фактически ради качества жизни, что характерно для молодых, образованных мужчин, то есть тех, кого можно отнести к «сильным» с социальной точки зрения. *Стиль жизни* в значительной степени обеспечивается *качеством жизни*,²¹⁹ которое приобретает все большее значение для человека. Происходящая смена потребностей и возможностей людей обуславливает доминирующее значение качества жизни, поэтому не всегда социально-статусные отношения в традиционном понимании являются определяющими, и на первое место выдвигается именно качество жизни, которое обеспечивается профессиональной занятостью.

Появляется возможность «приобретать» статусные блага независимо от формального статуса профессии. Есть наличие статусных благ или «качеств» жизни, доступ к которым или возможность приобрести которые (здоровоохранение, образование и пр.) определяет социальную удовлетворенность человека.

Так, неформальная занятость (НФЗ) свидетельствует не только о стремлении «выжить» в тяжелой ситуации кризиса, поскольку развивается не только в периоды собственно кризисов, но и в периоды экономической стабилизации и подъема.²²⁰ Сопровождаясь добровольным отказом от преимуществ, которые сопровождают формальную занятость (ФЗ), поскольку их деятельность не регулируется трудовым законодательством, они не пользуются его защитой, они не могут безопасно пользоваться правами собственности, им трудно обращаться к юридической и судебной системе, чтобы добиться соблюдения контрактов, они имеют ограниченный или не имеют никакого доступа к общественной инфраструктуре и льготам, которыми могут

народной научной конференции - Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений 14-15 апреля 2011. Из-во РГПУ им. А.И.Герцена. С. 58.

²¹⁸ С тех пор, когда Питирим Сорокин разрабатывал концепцию «социального лифта». См. Сорокин П.А. Социальная мобильность. Пер. с английского «Академия» 2005 г.

²¹⁹ Категория «*качества жизни*» включают, согласно HumanDevelopmentIndex показатели ожидаемой продолжительности жизни; образования, минимального обязательного образования; ожидаемое количество лет обучения в школе; доход (доход на душу населения, посчитанный по паритету покупательной способности).

²²⁰ Хохлова М.Г. Профессионально-возрастной состав неформально занятых. /Социально-трудовые исследования ИМЭМО РАН. Выпуск XX. 2007.

пользоваться заняты в формальном секторе экономики; этот феномен «процветает» и имеет тенденцию в мире к росту. Последнее, на мой взгляд, может свидетельствовать о формировании нового взгляда на профессию, а, следовательно, и на ее социальный статус. Ценность времени, свободы и, конечно, возможность получения большего вознаграждения за свой труд (которое сможет обеспечить ему лучшее «качество жизни») важнее, то есть речь идет о постиндустриальных ценностях.²²¹ Часто для неформально занятых более привлекательными оказываются «новые» профессии, более востребованные в рыночной экономике.

Таблица Численность НФЗ и ФЗ по профессиям в 2001-2005 гг. в России (в тыс. человек и %)

	НФЗ	НФЗ	НФЗ	ФЗ	ФЗ	ФЗ
	2001	2001-2005	2001-2005	2001	2001-2005	2001-2005
	тыс.ч.	тыс.ч.	%	тыс.ч.	тыс.ч.	%
Всего:	8155	+3937	+48,2	65124	+3479	+5,3
из них руководители	220	+457	+207,7	2811	+1994	+70,9
из них специалисты высшей квалификации:	29	+28	+96,5	3060	-37	-1,2
естественные и инженерные науки;	28	+5	+17,8	1436	-21	-1,5
биологические науки, сельское хозяйство, здравоохранение;	43	+7	+16,3	2858	-43	-1,5
образование;	134	+69	+51,5	3924	+732	+18,6
прочие						

Рассчитано автором на основе данных Росстата

Критический накал социальной неудовлетворенности, как правило, спадает, когда человек обретает профессиональную занятость.

В отличие от других социальных характеристик (возраст, гендер, которые приходится воспринимать как данность) профессиональные навыки изменяются на индивидуальном уровне, причем порой достаточно быстро, являясь средством адаптации индивида к реальности. Профессиональная занятость является основным компонентом статуса человека, значимости его социальной роли в общественном разделении труда, а благодаря заработку, и мерилем качества жизни. Профессиональная занятость играет центральную роль в стабилизации социальной жизни, в преодолении проблем, связанных с социализацией личности, она переносит усилия человека в сферу трудовой деятельности, заставляет строить отношения не на дискриминации по формальному признаку (национальной, религиозной принадлежности), а учитывать эмпирические показатели, что в целом, если и не устраняет этнокультурные проблемы, то может снизить их накал и даже способствовать развитию профессиональных навыков.

Складываются многонациональные трудовые коллективы (МТК). В условиях профессиональной занятости членов таких коллективов создается потенциальная возможность нормализации межэтнических отношений, в частности, благодаря успешному менеджменту. Оплачиваемый профессиональный труд является доминантой, принуждающей индивида искать компромисс и избегать конфликтности, искать дипломатические и комплиментарные подходы. МТК как социальная система, со-

²²¹ О постиндустриальных ценностях пишет Р. Ингельхард, за что он, однако, подвергаются критике некоторыми европейскими учеными, например: *Belchior A. - M. Are Green political parties more post-materialist than others? // European Societies. 2010. No. 4. P. 478*

стоящая из людей разных национальностей, конфессий, с разной системой ценностей, менталитетом, культурой, но объединенных общей целью, - явление в глобальном мире исторически закономерное и широко распространенное. МТК во многом представляет собой конструируемую социальную систему, которой руководит управленец, обладающий особой профессиональной компетентностью, а часто опытный практик. Объективные закономерности способствуют тому, что в этих сложных, постоянно развивающихся социальных системах, состоящих из отдельных носителей собственной системы воззрений, симпатий и иных ориентаций, могут формироваться новые этносоциальные отношения, взгляды и ценности. МТК обладают интегративными характеристиками: например, такими как образ жизни коллектива, психологический климат в нем, который обеспечивает постоянное воздействие на членов коллектива определенных норм и принципов. Это не простая группа людей, а их достаточно сложное единство, в котором борьба за сохранение коллектива влечет за собой изменение его качества и требует инновационных подходов - постоянных изменений, обновлений и изобретений. Такие коллективы выступают в качестве агентов процесса формирования социальной структуры государства, а в своей совокупности образуют его иерархическую структуру.

Развиваются горизонтальные межпрофессиональные перемещения. В условиях кризиса происходит сокращение возможностей для профессиональной занятости, поскольку социальные потрясения ведут к деактивации значительной части структуры занятых, которая до начала кризиса на протяжении длительного периода времени формировалась под влиянием возможностей экономики. Различные социальные группы в условиях кризиса ведут себя по-разному: даже безработные, давно потерявшие работу, ведут себя не так, как те, у кого еще есть надежда ее найти. Например, безработные, давно потерявшие работу, как правило, менее активны в социальных протестах, они отчаялись, их жизненные силы направлены на выживание. По-разному себя ведут и люди с различным уровнем образования, которое, как таковое, хотя и не гарантирует занятости, но дает дополнительную возможность приобрести необходимые навыки и пр., чтобы впоследствии стать конкурентоспособным на рынке труда.

В Европе широко и глубоко изучаются вопросы вертикальной мобильности в рамках избранной профессии, однако кризис, потрясший Европу, поставил во главу угла исследований в этой области проблему межпрофессиональных перемещений. Именно горизонтальные межпрофессиональные перемещения удержали Россию в 90-е годы от катастрофического падения занятости. Но в России этот процесс был стихийным, он не нес в себе инновационного начала, поскольку экономика не просто рушилась, а шла смена формации, уносившая с собой целый ряд профессий. Шел процесс «адаптации без реструктуризации».²²²

Императивы свободных рынков и конкуренция диктуют новые роли профессиям, которые могут способствовать поддержанию, развитию или разрушению status quo: с одной стороны, возможно противодействие местных профессиональных элит неолиберальным методам все более глобализирующейся экономики; с другой стороны, в условиях глобализации бизнеса такие профессии как, например, бухгалтеры, адвокаты действуют как транснациональные сети. Профессии могут рассматриваться как нечто чрезвычайно важное для «конструирования» будущего, благодаря их роли как хранителей профессиональных ценностей и их способности бросить вызов status quo. Профессии функционируют в сложных условиях конвергенции и дивергенции

²²²Капелюшников Р.И. Российский рынок труда. Адаптация без реструктуризации. М.2001.

различных капиталистических экономик («капитализмов»), постоянного поиска соответствия им.

5.3. Перспективы расширения возможностей общественного контроля над качеством государственного управления социальной сферой России²²³

Вызов сегодняшнего времени заключается в том, что современным политикам приходится почти мгновенно принимать такие решения в области социального управления, последствия которых могут различным образом сказываться спустя лишь десятилетия. Поэтому так важно своевременно анализировать конкретно сложившуюся ситуацию с учетом общественного мнения не формально, как это чаще всего происходит, а реально, в целях установления обратной связи между политиками, принимающими эти решения и обществом, ради которого они принимаются.

Эффективно развивающаяся рыночная экономика основана на конкуренции, поэтому в ней нет места социальной справедливости в том виде, который сложился в понятиях множества современных людей. Социальная справедливость обеспечивается теми формами социальной защиты, которые обладает то или иное государство. Именно посредством государственного вмешательства в экономику осуществляется перераспределение создаваемых благ. Государство проводит определенную налоговую политику, создает правовое обеспечение для жизненно важных для общества систем социально-трудовой сферы и, тем самым, поворачивает экономическую сферу к интересам народа. Если это реально, а не только декларативно происходит, то появляется возможность достижения статуса социальной рыночной экономики.

В настоящее время все чаще в обиходе повседневной жизни граждан появляется словосочетание «государственные услуги». Однако механизмы реального контроля над их качеством со стороны их потребителя практически отсутствуют. Это в равной степени касается и контроля над качеством услуг, предоставляемых и сферой здравоохранения и образования. Все это ставит под сомнение тот факт, что те, кто провозглашают развитие этих социальных сфер в качестве приоритетных, имеют реальные намерения это воплотить в жизнь. Вместе с тем, наивно думать, что особенно очевидно в условиях процветающей коррупции, что желаемые измерения произойдут сверху или само по себе. Инертность со стороны граждан во многом способствует консервации сложившихся условий. Однако и возможностей проявить необходимую со стороны общества активность, находясь в существующем правовом поле не так уж много. Определенные перспективы в этом направлении появились в связи с развитием современных технологий.

Определенный шаг в направлении к более активному использованию новых средств массовой информации во взаимоотношениях власти и гражданского общества был сделан в начале 2011 года, когда был принят Указ № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных органов».²²⁴ Согласно этому документу ведомство, подготовившее проект, обязано опубликовать его на своем сайте. Через три месяца со дня завершения общественного обсуждения инициаторы проекта должны отправить отчет о результатах Президенту РФ. Вместе с тем, осталось непонятным, каким образом будет осуществляться обратная связь, так как этот документ не содержит механизма, по которому результаты народного обсуждения должны в обязательном порядке учитываться и влиять на процесс законотворчества. По мнению экспертов, таким механизмом, мо-

²²³ Автор - В. А. Сауткина, к.и.н., с. н. с. ЦЭСПИ ИМЭМО РАН

²²⁴ президент.рф/acts/10288

жет стать открытая публикация отчетов об итогах общественной дискуссии. С момента принятия Президентом РФ Указа «Об общественном обсуждении проектов конституционных федеральных законов» началась практика реального участия социально активных граждан в процессе законотворчества, которая показала, что пока все упирается в то, захотят ли органы, принимающие окончательные варианты законов, учитывать те поправки, которые были внесены населением в ходе их обсуждения.

В качестве примера представляется возможным привести положение, которое сложилось в РФ в сфере медицинского обслуживания населения. Как известно, финансирование этой важнейшей социальной сферы в начале 90 - х годов сократилась в нашей стране втрое. Последствия оказались весьма трагическими, о чем красноречиво свидетельствуют данные о смертности и сокращения рождаемости нашего населения в этот период. Несмотря на некоторые улучшения, наступившие с начала 2000-х годов, положение до сих пор остается плачевным. В результате в обществе нарастает недоверие к действиям тех, кто взял на себя обязанности по реформированию системы здравоохранения в России. Усиливается разрыв между тем, что декларируется и реальными экономическими условиями получения медицинской помощи. Становится очевидным, что финансирование оказания медицинской помощи в значительной мере переносится на самих граждан и работодателей.

В свою очередь, нарастание платности медицинской помощи оказывает разрушающее воздействие на фундаментальные основы медицинской этики, а в результате появляются все больше врачей, которые рассматривают пациента как источник дохода. Все это чревато очень серьезными социальными последствиями. В результате стремительной коммерциализации медицинских услуг происходит повсеместное снижение качества бесплатной медицинской помощи. Более всего от этого страдают малообеспеченные слои населения. Таким образом, увеличивается неравенство возможностей различных социальных групп в получении медицинской помощи надлежащего качества. Происходит переход от массовых оздоровительных и превентивных мероприятий к индивидуальному лечению. По мнению специалистов, в большинстве случаев это касается, в основном, уже запущенных хронических заболеваний, что значительно ухудшает здоровье нации.

Очевидно, что проблему разрыва между государственными гарантиями и их финансовым обеспечением можно решить лишь путем увеличения размеров государственного финансирования здравоохранения. Вместе с тем, одними лишь финансовыми вливаниями проблему не решить. Отсутствие доверия к тому, как расходуются даже те незначительные средства, которые выделяются государством на нужды здравоохранения, вызывает необходимость развития всех возможных форм общественного контроля в этой сфере. В настоящее время в обществе созревает понимание того, что нельзя что-то изменить только по воле политиков, необходимо воздействие и со стороны всех, кто заинтересован в качественном медицинском обслуживании. Однако возникает вопрос: существуют ли реальные возможности у простых граждан влиять на принятие тех или иных решений? На наш взгляд, главным на пути создания эффективной системы общественного контроля над качеством медицинских услуг является осознание важности правового регулирования взаимоотношений между врачом и пациентов, которые в значительной степени меняются в условиях стремительной коммерциализации этой сферы. На этом пути важную роль может сыграть правильное использование информационных технологий. Однако в настоящее время все еще существуют расхождения между возможностями информационными сетевыми методами привлечь все население к активному воздействию на принятие решений в социальной сфере и тем состоянием инфраструктуры, кото-

рая отвечала бы адекватному использованию этого потенциала. Необходима также определенная готовность со стороны населения перейти к новым формам общения с властью. Очевидно, что в настоящее время в Интернете именно «снизу» начитается процесс формирования электронной демократии. Однако необходимо учитывать, что при пользовании электронными инструментами меняются и некоторые юридические аспекты как самих законов, так и области их применения.

22 ноября 2011 года Президент РФ подписал закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Согласно новым правилам, этому событию предшествовало его общественное обсуждение, в том числе и Интернете. Особенную активность в этом процессе проявили сами медики, страховщики, а также родители несовершеннолетних детей, которые предпринимали различные формы протеста, включая голодовку. Со стороны медицинского сообщества особенно остро критиковал предшествующие варианты законопроекта Директор НИИ неотложной детской хирургии и травматологии и президент Национальной медицинской палаты России Леонид Рошаль. В принятый 1 ноября Госдумой в третьем чтении закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» было внесено немало поправок. Национальная медицинская палата в качестве общественной организации работала над этим проектом 3 месяца. Было собрано мнение многих сотен медиков, начиная от Дальнего Востока, заканчивая Калининградом. Был подготовлен специальный доклад на 400 с лишним страниц. По свидетельству Леонида Рошалья, на основании этого доклада в проект закона было внесено 109 поправок. И все же принятый документ остается спорным. Главный вопрос о том, что же является бесплатным, а что платным, по мнению Леонида Рошалья, остался не урегулированным. Вызывает также сомнение в возможности реально воспользоваться правом, которое позволяет пациенту самому выбрать врача и медицинскую организацию. Практика показывает, что хорошие врачи востребованы пациентами, поэтому у них нет возможности принимать пациентов больше, чем он реально может обслужить. Принятый закон закрепляет единые стандарты оказания медицинской помощи, однако остается не понятным, как это будет реализовано в условиях постоянного недофинансирования и острой нехватки кадров.

Еще больший интерес со стороны активной части граждан РФ вызвал проект закона «Об образовании», общественное обсуждение которого проходило на специально созданном сайте www.zakonoproekt2010.ru. Завершилось это мероприятие в начале февраля 2011 года, когда в течение отведенных по закону 3 месяца на сайт поступило 10 тысяч комментариев. Одновременно с обсуждением законопроекта в Интернете, шли бурные дебаты и внутри профессиональных коллективов, непосредственно связанных с обучением, и в среде обучающихся и их родителей. Наиболее широкий охват всех болевых точек, которые непосредственно затронул предложенный законопроект, был предложен вузовским сообществом. Его представители высказывались за приоритетность государственного регулирования системы образования в плане более четкого согласования ее правовых основ с базовыми принципами, изложенными в Конституции РФ. При написании отчета Комиссией был предложен к рассмотрению в качестве необходимых концептуальных доработок предложенного законопроекта целый комплекс поставленных сообществом проблем. К ним, в частности, относятся: единство образовательного пространства; интеграция образования и науки; паритетность обучения и воспитания; академическая свобода; единство и преемственность уровней образования; открытость образования обществу; сбалансированность интересов учащихся, родителей, преподавателей, работодателей и учредителей как основных участников образовательного процесса²²⁵.

²²⁵ law.direktor.ru\data/files/31.doc

На наш взгляд, в ходе этого обсуждения ярко проявилась тенденция к возрастанию общественного запроса на формирование механизма взаимного контроля между преподавателями и обучающимися в интересах повышения качества предоставляемых образовательных услуг. Эта тема стала одной из наиболее полемичных тем на сайте. Таким образом, именно обсуждение законопроекта выявило некоторое противоречие между интересами педагогических работников и родительского сообщества. Педагогические работники предлагают усилить меры дисциплинарного воздействия на обучающихся и меру ответственность со стороны родителей, Родительское сообщество – разработать механизмы, позволяющие им контролировать образовательный процесс и работу образовательного учреждения.

Возможно, что некоторые перспективы усиление общественного контроля над качеством социального управления, можно связывать с развитием института коллективных петиций. В соответствии с подпунктом «в» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года N 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления" была разработана Концепция «Российская общественная инициатива». В этом документе предусматривается создание технических, организационных и правовых условий для представления гражданами Российской Федерации возможности публичного внесения предложений о внесении изменений в федеральное законодательство, обязательных для рассмотрения Правительством Российской Федерации. Технически это предполагается осуществлять с использованием специализированного ресурса в сети Интернет, когда после получения 100 тысяч подписей под тем или иным законопроектом, его рассмотрение будет обязательным. Однако для того, что перевести подобные инициативы на юридический язык, потребуется обращаться к специалистам. В этих целях Открытое правительство сообщило о наборе для этих целей специальных экспертов. Это мероприятие предполагается завершить к середине февраля 2013 года.

Среди тех предложений, которые высказываются юристами по поводу расширения способов общественного контроля, нам показалась очень важным возможность помещения в электронный текст любого правового документа посредством гиперссылок сведений о его лоббистах и авторах. Таким образом, в режиме реального времени можно будет ознакомиться как с историей создания закона, так и целях его применения в будущем. Также полезной была бы информация и о тех, кто продвигает его принятие, что может прояснить: в чьих интересах он будет работать. Возможность четко разграничить интересы всех участвующих сторон позволит каждому из них более эффективно их защищать.

Заключение²²⁶

Введение в научный оборот политологии и социологии новых понятий и категорий далеко не всегда оправдано, тем более, что данные научные дисциплины и так перегружены терминами, которые по-разному понимаются сторонниками «цивилизационного» и «стадиального» подхода к реалиям мирового развития, институционального и функционального подходов к описанию политических институтов.

Предлагаемое новое понятие «этносоциокультурный конфликт», представляется, может быть принято всеми научными школами. Оно характеризует исключительно ситуации, когда у определенных этнических общин противоречия с большинством общества на почве ущемленности социального статуса дополняются рознью (в том

²²⁶ Автор – Н.В. Загладин

числе, на бытовом уровне), связанной со спецификой их образа жизни, в том числе объясняющейся «особостью» религиозных воззрений, культуры в целом.

Подобные ситуации множатся в большинстве стран мира. Они связаны, в первую очередь с тем, что в процессе интернационализации рынков труда, трудовых миграций (легальных и нелегальных) в ранее более или менее однонациональных развитых государствах, их крупнейших городах, складываются анклавные, населенные преимущественно общинами с чуждыми населению страны проживания культурно-религиозными традициями. Порой наиболее воинственно настроенные их обитатели проявляют стремление «перестроить» жизнь страны пребывания на основе норм стран своего происхождения или, как минимум, отстаивать свое право ими руководствоваться в рамках соответствующих общин. Это объективно подрывает единые страновые правовые и политические пространства, без чего нет государственного суверенитета.

Этносоциокультурные конфликты обостряются и во многих развивающихся странах, особенно Африки и Азии, характеризующихся этнорелигиозным многообразием. Их вовлечение в орбиту глобализации, информационная революция, возрождают ранее придавленные авторитарными режимами чувства этнорелигиозной самобытности, заставляют требовать ее международного признания.

Проблема состоит в том, что в странах с рыночной экономикой уже давно найдены методы мирного, демократического решения конфликтов социального характера. Конечно, в условиях социальных потрясений соответствующие механизмы работают с серьезными сбоями, тем не менее, они в условиях глобального кризиса 2008-2009 гг. и его затянувшихся последствий в государствах Евросоюза позволили удерживать ситуацию под контролем. А вот относительно ситуаций этносоциокультурного конфликта соответствующих методов и механизмов его решения пока не найдено. Перед мировой наукой возник вопрос, на который она пока ответа не дала – возможно ли существование «этнокультурной демократии», т.е. положения, в котором в рамках одного государства мирно сосуществуют общины людей, разделяющих принципиально различные воззрения на базовые вопросы государственного строительства, основы построения правовых норм? Если «да», то на каких концептуальных основах? Этот вопрос актуален не только для стран Северной Африки, Евросоюза, США, но и для России.

Следующая проблема состоит в том, что вполне логично сравнивать кризис 2008-2009 гг. с предшествующим ему Великим кризисом 1929-32 гг., ставя их в рамки циклического развития рыночной экономики. Но при таком механистическом подходе, возможно, теряется иной смысл современного кризиса, связанный с переходом центра мирового развития с берегов Атлантики на берега Тихого океана. Если принять последнее, то единственным мыслимым аналогом современного кризиса выступит период упадка и распада Древнеримской империи со всеми вытекающими из этого последствиями. И также с учетом того, что в той мере, в какой Россия принадлежит к Атлантической цивилизации, в которую она долгое время пыталась «вписаться», этот упадок затронет и ее.